

Сергей Прокопьев

16+

ЯБЛОКИ ДЛЯ ПАТРИАРХА

Сергей Николаевич Прокопьев

Яблоки для патриарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45248255

SelfPub; 2021

Аннотация

Апокалипсис гласит: в последние три с половиной года века сего будет дана власть сатане – «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». Как жить, не поклонившись дьяволу, без его знака на челе? Современный святой Паисий Святгорец говорит: жить, возделывая клочок земли, имея козочку, курочек. Герой повести, молодой православный мужчина, провел эксперимент. В медвежьем углу купил дом, завёл скотину. Бывали периоды отчаяния, и всё же четыре года провёл в работе, в постоянной молитве, вдали от цивилизации и ближе к Богу.

Содержание

Глава первая	6
Встреча на православной ярмарке	6
Глава вторая	21
Крещение Валеры	21
Глава третья	29
Батюшка Антоний	29
Глава четвёртая	33
Молитва за самоубийцу	33
Глава пятая	38
Поиск места	38
Глава шестая	45
Андрюшин крест	45
Глава седьмая	50
Жили у бабуся два весёлых гуся	50
Глава восьмая	69
От противного	69
Глава девятая	76
Сон	76
Глава десятая	79
Алёшка	79
Глава одиннадцатая	87
Три мушкетёра	87
Глава двенадцатая	106

Вражеские проделки	106
Глава тринадцатая	113
Свеча за Автандила	113
Глава четырнадцатая	118
Староста церкви	118
Глава пятнадцатая	130
Обитель	130
Глава шестнадцатая	137
Яблоки для патриарха	137
Глава семнадцатая	147
Гера-чеченец	147
Глава восемнадцатая	153
Перезвоните позже, я в могиле	153
Глава девятнадцатая	164
Церковный забор	164
Глава двадцатая	174
Гости	174
Глава двадцать первая	183
Похороны монахини	183
Глава двадцать вторая	188
Непослушание	188
Глава двадцать третья	192
Отъезд	192
Глава двадцать четвёртая	202
Где вы, братья и сёстры во Христе?	202

Сергей Прокопьев

Яблоки для патриарха

Входите тесными вратами,
потому что широки
врата и пространен путь,
ведущие в погибель, и многие идут ими.

Евангелие от Матфея (7:13)

Глава первая

Встреча на православной ярмарке

В нашей кипучей жизни православная ярмарка – явление, которое не могу назвать ординарным. Есть митрополии, наложившие запрет на проведение подобных мероприятий в границах своих митрополий. Дескать, вера и торговля – несовместимые понятия, Господь Иисус Христос изгнал торговцев из храма, а мы пытаемся запрячь в телегу коня и трепетную лань, духовность и товарно-денежные отношения. Вступать в горячий спор по данной теме не имеет смысла, безусловно, торговля есть торговля, она живёт по закону выгоды, и ничего тут не попишешь. Где деньги, там имеет место быть неприкрытая корысть, да и мошенничество, которого не удалось избежать православным ярмаркам, вплоть до пребывания на них псевдомонашествующих.

Однако для многих верующих православная ярмарка – это праздник с благодатной, духоподъёмной атмосферой, праздник, окрыляющий и надолго запоминающийся. Столько святых из самых дальних краёв, из разных церквей и монастырей собираются на маленьком пяточке – мощевики, чудотворные иконы. А сколько батюшек и монахов, братьев и сестёр во Христе притягивает к себе ярмарка, сколько сер-

дечных встреч... Городская суетная жизнь разъединяет нас, ярмарка даёт возможность пусть мимолётно да увидеться с дорогими людьми, прикоснуться к их душам. На настоящей православной ярмарке это перевешивает товарно-денежные устремления...

Во всяком случае – для меня. Так получилось, что православные ярмарки одарили ещё и героями рассказов. Както, подавая церковные записки, разговорился с женщиной, она доложила, что читала мою книжку, ей тоже есть что порассказать. Взял телефон. Месяца через два решил позвонить. Скорее – для очистки совести. Почему-то думалось, навряд ли будет результат. Что-то смущало. Казалось, это случай, когда после минутного порыва начнутся сомнения «стоит ли, ведь это сугубо личное», «вдруг батюшка не благословит». К радости, я ошибся. В корне ошибся. Женщина оказалась с интересным путём к Богу, памятной. После бесед с нею написал несколько рассказов, а, кроме того, Тамара Петровна, назовём эту женщину так, познакомила со своими подругами, сёстрами во Христе, которые тоже внесли лепту в мою творческую копилку.

С прообразом героя данной повести тоже познакомился на православной ярмарке. В день открытия приехал под вечер. Планировал заскочить в первый раз на полчаса. Встретил знакомого, с полгода не виделись, минут пять поговорили, к нему подошёл мужчина с бородой, ясными глазами, мы пожали друг другу руки, представились. Он назвал

себя... Пусть будет Валерием, по имени героя нижеследующей повести. У моего знакомого зазвонил телефон, он отошёл, мы с Валерием остались вдвоём и проговорили минут сорок.

Он вызывал интерес уже тем, что не пользовался Интернетом, не смотрел телевизор. При этом оставался прекрасно осведомлённым об основных событиях в мире и в церковной жизни. Не было у Валерия ИНН...

«К таким, как я, когда-то относились как к людям весьма своеобразным, – говорил Валера. – Ещё не было решения архиерейского собора 2013 года. Ещё не выступил патриарх Кирилл в Госдуме по поводу распространения электронных технологий. Не был канонизован самый почитаемый (и самый читаемый) в США, Европе и России святой Паисий Святогорец. Великий афонский старец постоянно говорил, что внедрение электронных технологий ведёт к тотальному контролю и управлению населением, говорил об опасности создания единой базы, вбирающей в себя данные всех жителей Земли. Говорил о последних временах, ведь электронная идентификация личности ведёт в конечном итоге к нанесению печати антихриста: в тебя вводится микрочип, и готово. Ещё не был канонизован архимандрит Гавриил (Ургебадзе), не появились книги о нём и с его предостережениями о наступлении последних времён. Об этом же говорил архимандрит Кирилл (Павлов), который был духовником патриарха Алексия II, об этом предупреждал архимандрит Иона

Одесский (Игнатенко)».

Валерий купил дом в далёком таёжном районе и провёл эксперимент над собой, пять лет учился жить на земле, от земли.

Мы отгоняем от себя мысль о последних временах. Большинству из нас представляются кликушеством разговоры о том, насколько опасно введение поголовной электронной идентификации. Хотя в уже существующих идентификационных номерах почему-то присутствует знак, о котором предупреждает Апокалипсис, – знак зверя. Нет никакой технической надобности, о чём говорят специалисты и что подтвердил своим постановлением синод Русской православной церкви, наличия трёх шестёрок в повсеместно распространённых штрих-кодах, однако они внедрены и «тупо» отстаиваются.

Можно сказать: ну и что? Зато как удобно – один документ на все случаи жизни: паспорт, банковские счета, права, отпечатки пальцев и так далее. Ещё как удобно. Только не для одного тебя. Недавно пришлось столкнуться с таким явлением. Был долг по коммунальным платежам. Как говорится, нашла коса на камень. Раз вы не делаете своё, я не буду платить. А через полгода пять тысяч были просто сняты с моего счёта. Без вызова в суд, без повестки, без какого-то исполнительного листа. Оказывается, уже есть закон, согласно которому можно вот так запросто залезть в твой карман.

Получается, отнюдь не теоретически-кликушеские раз-

мышления, что в один момент могут быть обнулены по какой-то причине твои счета. Или «сбой на линии». Его могут устроить мошеннически грамотные спецы, да и техника может подвести. И тут имеются печальные примеры. Гражданин вдруг обнаруживает, с его карты сначала в магазине сняли за реальную покупку, а завтра ещё раз ту же сумму списали за виртуальную покупку, якобы из-за «сбоя на линии». И бегай потом и доказывай, что ты не верблюд, не осёл и никакое другое лопоухое животное – ты жертва, которая жаждет вернуть свои кровные денежки, а не так-то просто это сделать – в виртуальном мире всё иллюзорно, в нём за руку мошенника зачастую бывает невозможно схватить.

Человек так устроен, читая о подобном, думает, «как не повезло товарищу», и уверен, на него кирпич не упадёт. Гонит от себя коварную мыслишку: будучи объектом создаваемой информационной сети, в один момент может оказаться в ситуации, соответствующей фразеологизму «остался гол как сокол». Нажатие нескольких кнопок на клавиатуре, и ты без денег, без работы, без медицинского обслуживания, без возможности перемещения на дальние и на близкие расстояния. Ты – никто. Как пелось когда-то: «Песня грустная такая слышится далёко где-то, на щеке снежинка тает, вот она была, и нету». Шутники пели: «Вот была щека, и нету».

Интересен опыт хитромудрых англосаксов, которые недавно взяли и вышли из Европейского союза. Дескать, нам такой колхоз не глянется вовсе. А ещё раньше в Великобри-

тании (а уж эту страну мы считаем уж какой продвинутой) на законодательном уровне сказали «нет» поголовному введению универсальной электронной карты, которая вбирает в себя всё и вся о гражданине, и отказались от банка персональных данных на всех жителей страны, соответствующим образом пронумерованных. Поначалу заинтересованные структуры принялись активно собирать в одну копилку информацию о гражданах Великобритании «прежде всего для их удобства», да британцы заставили пойти на попятный активистов-глобалистов, единая база данных была уничтожена. Не захотели консервативные жители Соединённого Королевства облегчать своё пребывание на матушке-земле навороченными информационными технологиями. Мол, извините-подвиньтесь, мы уж как-нибудь по старинке с привычными документами, удостоверяющими личность англосакса, а также правами, медицинскими картами, анкетами и так далее будем жить-поживать да добра наживать. Не приглянулся им вариант, когда всё валится в одну кучу...

В Апокалипсисе Иоанна Богослова сказано: «Нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число его». Ты согласился иметь начертание, отступив от Бога, и сделался полностью зависимым, значит, и управляемым. Технически всё готово, разработаны и производятся микрочипы, они уколом вводятся под кожу (уже есть примеры практики на фирмах вместо карточек-ключей). Ты получаешь уникальный номер, он

начертан на микрочипе. Собственно, уникальный номер уже имеется – СНИЛС. Можешь при желании сменить имя, фамилию и даже пол (не дай Бог), но не СНИЛС. С микрочипа информация (помимо твоего желания-нежелания) записывается, считывается, стирается... Под контролем и управлением все твои данные – от денежных вкладов до медицинских показателей. Вся подноготная в единой глобальной базе, где вместо твоего имени – номер. Недавно почивший архимандрит Кирилл (Павлов) говорил, что Бог почему-то первого человека Адамом назвал, а не «225» и Еву тоже цифрой не обозначил.

Приходит на память повесть замечательного писателя Виктора Астафьева «Последний поклон», эпизод из главы «Пеструха». Повесть автобиографична, её герой, парнишка Витя, вспоминает доколхозное, довоенное детство, а в выше-названной главе рассказывает о бабушкиной корове Пеструхе, которая была неотъемлемой частью их семьи. Многое в жизни крестьянского дома завязывалось на корову, весь годовой цикл ведения хозяйства так или иначе был связан с ней. Корова не только кормила, одевала (молоко, масло возили на продажу в город), она учила сердечности, любви, воспитывала чувство ответственности за тех, «кого приручили». Писатель описывает, как детвора набилась в стайку к корове, чтобы посмотреть три дня назад родившуюся тёлочку, а ещё – придумать ей имя под руководством бабушки героя. Задача не из простых. Предстояло не просто вы-

брать первое попавшееся имя, имелось жёсткое условие: оно должно быть оригинальным для данного двора, и коров с таким здесь ранее не водилось. А так как бабушка с дедушкой героя жили долго на белом свете, не так-то просто было найти решение. Отвергались Ласка, Звёздочка, Мушка, Полька, Манька. Шум стоял в стайке, наконец определились – Пеструха. Тёлочка с «длинными, узластыми ножками, со светлыми, будто игрушечными копытами», со звёздочкой-проталинкой во лбу обрела имя. Не во всём счастливо сложилась жизнь Пеструхи. В один момент свели её со двора в колхоз, где не захотела доиться чужим людям и пошла под нож.

Бабушку героя, Екатерину Петровну, трудно с первого взгляда назвать праведницей, и всё же в глубинном понимании, безусловно, праведница. Господа Бога по своей горячности могла не один раз на дню всеу упомянуть. Но ни одного дела не начинала, не испросив Божьего благословения, не сотворив (пусть в иной раз и поспешную) молитву. Дойка коровы – ритуал для каждой хозяйки. Два существа входят в гармонию друг к другу. Разве не таинство, когда мать кормит ребёнка грудью. Ведь не просто продукт под названием «материнское молоко» (его можно разложить на десятки столь нужных для организма химических ингредиентов) вливается в чадо. Две души, два сердца касаются друг друга, обмениваясь волнами нежности, благодарности, любви, радости... Если у мамы на сердце беспокойно, беспокойным становится ребёнок. Хозяйка, даже из нерадивых, прекрас-

но знает, лучше к корове с руганью, матами не подходить – добра не будет. Как говорится, себе дороже. Ты уж постарайся оставить за дверями стайки гнев, раздражённость или хотя бы держи их в себе, не выплёскивай наружу. Бабушка героя Виктора Астафьева, женщина мудрая, хотя по складу характера огонь, вихрь, скорая на слово осуждения и на подзатыльники неслуху внуку, прилаживаясь доить корову, творила молитву «Во благословение стада»: «Владыко Господи Боже наш, власть имеяй всякия твари, Тебе молимся, и Тебе просим, якоже благословил и умножил еси стада патриарха Иакова, благослови и стадо скотов сих раба Твоего Ильи, и умножи, и укрепи, и сотвори е в тысящы, и избави е от насилия диавола, и от иноплеменник, и от всякаго навета врагов, и воздуха смертнаго, и губительнаго недуга: огради е святыми ангелы Твоими...»

«После такой складной молитвы, – пишет Астафьев, – которую дети повторяли за бабушкой, шевеля губами, всё стихало, усмирялось, привычным, почти торжественным ожиданием. И ожидание это разрешалось слабым звоном...» Первые струйки молока били в дно подойника, который отзывался весёлым вкусным звоном. Окончив доить, бабушка ласково хлопала корову по крупу: «Благодарствую тебя, доченька, спаси тебя Бог».

В завершение своего рассказа о Пеструхе вспоминает автор, как побывал он однажды с группой литераторов в образцово-показательном скотокомплексе. Где всё было меха-

низировано, от кормления, поения, дойки до удаления продуктов жизнедеятельности бурёнок. Но не было там Маек, Пеструх, Рыжух и Полек. Все коровы были под номерами.

Пусть обращение к Астафьеву останется лирическим отступлением, ассоциативной прихотью автора. Вернёмся к нашим баранам. Кто сказал, что данные, накопленные о тебе под твоим номером, не могут попасть непонятно к кому. Даже не по той причине, что всё тайное становится явным, а потому, что всё продаётся, а многое и воруются. Как тут не привести слова одного ироничного критика чипизации: «Я бы ещё согласился, чтобы влиятельные люди США, Англии или Европы имели на своих сверхсекретных компьютерах информацию по факту моей финансовой состоятельности, что живу я, простодыра, от зарплаты до зарплаты. Тут не обеднею, но на кой ляд им знать о моём чирье, вскочившем в неприглядном месте – на заднице, которую я заодно с фурункулом, стянув штаны, демонстрировал врачу женского пола? Чтобы данной интимной подробностью шантажировать меня и вербовать в тайные агенты?»

Кстати, об иронии. С Валерием мы не только поднимали глобальные темы глобализма, извините за тавтологию, но и посмеяться успели, коснувшись темы «проделок хозяина тайги в медвежьих углах».

Валера оказался человеком со здоровым чувством юмора, отсутствие которого всегда настораживает. Поделился случаем, происшедшим с охотником из той деревни, в которой

он жил пять лет. Этакая трагикомедия в таёжном интерьере.

Пришёл в церковь никогда её не посещавший охотник Боря Коровин. Средней комплекции, средних лет и среднего роста мужичок пришёл в храм заказать благодарственный молебен. Жена отправила. Боря, надо сказать, не сопротивлялся, по той причине, что произошёл с ним чудесный случай.

Будучи в тайге, Боря решил укрыться от начинающегося дождя в дупле. Раньше оно ему на глаза не попадалось, а тут в самое подходящее время увидел дерево в два обхвата с дуплом метрах в трёх от земли. Последнее обстоятельство не остановило Боря, силушка в руках имелась, благо ниже дупла торчали остатки толстых обломанных сучьев. По ним легко взобрался на нужную высоту, затем, ухватившись за толстую ветвь, росшую над отверстием, подтянул ноги и начал опускать их в чрево дерева. Тут-то рука незадачливого охотника возьми и соскользни с мокрой ветки, после чего он полетел в темноту. Полёт продолжался всего ничего, и приземление было не жёстким. Однако Боря сразу оценил своё положение как аховое. Оказался в трубе диаметром ненамного поболее ширины его не узких плеч. Книзу труба расширялась, но Боре хотелось двигаться в другую сторону. Скоб, конечно, никто не набил для выхода наружу. Более того, стенки дупла ровненькие, никаких выступов и выемок, а отверстие, ведущее к освобождению, высоко над головой. Руками не достанешь и не допрыгнешь.

Называется, переждал один дождик. Как бы это ни выглядело забавным, но охотник и таёжник Боря ножа при себе не имел. Тот случай, когда одна беда не ходит. Выскочил на свои угодья в межсезонье на пару дней, проверить, что да как, а главное – избушку подремонтировать. С избушкой справился быстро, крышу подлатал, дверь подогнал, а потом решил пробежаться по участку. Второпях, имелась в Боре такая особенность (знатоки человеческой сущности объясняют её наличием острого шила в заднем месте) – излишне скор на ход, голова ещё в раздумьях, а ноги уже включили пятую скорость. По этой причине Боря забыл нож в избушке. Установку себе давал, это он хорошо помнил: не забыть захватить нож. Использовал его за трапезой в качестве кухонного – сало да хлеб резал. Установкой всё и окончилось, заторопился обернуться дотемна, сразу после обеда подхватился бежать и забыл про столь необходимый в тайге предмет. Будь при себе нож, начал бы углубления ковырять в стенках дупла, чтобы ноги ставить, восходя наверх. Да нет ножа, а зубами ступеньки к свободе не выгрызешь. Случись такой капкан в деревне, на помощь позвал бы, здесь хоть зазовись – до деревни более двадцати километров.

Попавший в ловушку охотник взмолился: «Господи, если ты есть, помоги выбраться, надоумь, как это сделать!»

Вдруг раздался шум снаружи, явно не ветром производимый. В Бориной темнице без того было сумрачно, тут свет начал меркнуть. В дупло проворно опускалось что-то лох-

матое. Оно коснулось Бориных рук, вздетых к небу. «Медведь», – определил Боря на ощупь и, недолго думая (когда тут думать?), вцепился обеими руками в шкуру хозяина тайги и дупла. . . . Позже, когда ситуация разрешится, сделает логический вывод: вот кто отполировал стенки дупла шкурой.

Посмотрим на драматическое событие другими глазами, представим себя на месте медведя. Лез Михайло Потапыч домой в благостном настроении, ему удалось ловко обмануть разыгравшуюся непогоду, вовремя успел восвояси вернуться. Дом он и для лесного жителя самое распрекрасное место. И вдруг из нутра этого самого дома за твою шкуру кто-то хватается. Мёртвой хваткой за самое незащищённое место. . . . Ракетой-носителем медведь вынес Борю из заточения. «Спутник», оказавшись на орошаемой дождём свободе, вовремя расстыковался, разжав пальцы. . . . Это не остановило лохматую «ракету», она, набирая скорость, понеслась в чашу.

«Он должен был тебя обязательно обделать!» – смеялись односельчане.

«Ничего подобного, – отнекивался Боря. – Не успел, настолько быстро всё произошло! Может, медвежья болезнь позже открылась».

Но ему не верили по поводу позднего открытия медвежьей болезни.

Как бы там ни было, Боря пришёл в церковь, едва не первый раз в жизни, и заказал благодарственный молебен.

Когда Валера покупал дом в деревне, у хозяина спросил:

– Медведи водятся поблизости.

– А чё мы хуже других! Есть, конечно!

– Далеко? – поинтересовался Валера.

– Зачем далеко, за деревней.

– Охотники стреляют?

– Зачем? На петлю ловят.

Они, оказывается, и соболя в ловушки ловят, и медведя, на петлю, как зайца почти.

Приманку, добрый кусок мяса с запахом, особым образом устанавливают. На неё медведь идёт, не может устоять, ну и лезет на свою погибель и попадает в петлю из стального троса. Валера не был свидетелем, охотники рассказывали, издалека видно, если попадётся – деревья ходуном ходят. Само собой, медведя в петле застрелить куда проще, чем когда один на один с ним столкнёшься на узкой лесной тропке. Можно даже промазать раз-другой, ранить и не опасаться, что поломает в два счёта. И прицеливаешься, как в тире.

Но не всегда. Как уж тот охотник целился, или самоуверенно навскидку бабахнул, пуля точно угодила в трос. Медведь, обретя неожиданную свободу, рванул со всех лап...

Его оппонент тоже не остался на месте, дунул со всех ног. Благо, каждый, прежде всего, о себе любимом думал, охотник и жертва (которая неожиданно сама получила возможность заняться охотой, но не воспользовалась ею) помчались в разные стороны. Обошлось без ненужных смертоубийств,

но с медвежьей болезнью у обоих оппонентов.

Глава вторая

Крещение Валеры

Современные православные России отличаются тем, что едва не у каждого второго своя история крещения. Это в царской России крестили в несознательном младенчестве, герою таинства нечего вспомнить о данном событии. Только и всего, если родители впоследствии расскажут что-то интересное о дне обретения чадушкой Ангела-хранителя. К примеру, такой случай. Было это в далёкую дореволюционную пору. Папаша после крещения на радостях так разогнал лошадь, что на вираже новоиспечённый православный христианин под воздействием центробежной силы покинул сани и улетел в сугроб...

Если идти по порядку, в той истории роды были непростые, мамаша по болезни в церковь поехать не смогла, отец запряг лошадь, положил в сани сынка, по дороге прихватил крёстных. Деревенский батюшка совершил таинство, крёстная завернула младенца, тот, угревшись, сразу заснул. Видя, что младенец голода не испытывает, мамки не требует, крёстная пригласила кума к себе отметить событие. Младенцу, само собой, ядрёной медовухи наливать не стали, зато восприемники и папаша выпили в ознаменование торжества.

После чего родитель повёз сына домой, а по дороге случился казус с виражом и полётом младенчика за борт розвальней. Кстати, малыш так крепко заснул в церкви после крещения, что потом ни разу не пикнул у крёстной, пока крёстные выпивали за его здоровье, сладко почивал в скользких по зимней дороге санях, укутанный в одеяльце, не вякнул, вылетая из оных и приземляясь на пушистый снег. Отец обнаружил пропажу только у ворот дома, в панике развернул лошадь, погнал её во весь опор на поиски сына. И нашёл того мирно сопящим. Сынуля продолжал преспокойненько спать, вдыхая морозный воздух.

У нашего героя своя история. До школы рос на попечении бабушки и дедушки. Имелась у последних ещё и внучка, однако внук Валерий для дедушки Ильи – статья ни с чем не сравнимая. Бабушка смеялась, рассказывая, когда соседка, работающая в роддоме, принесла весть о рождении внука, дед подскочил с лавки и со словами: «Унук! Унук!» – забегал по комнате. Почему сорвалось с его языка непонятное «унук», сам не знал. Есть предположение, хотел выплеснуть восторг громким «у меня внук!», да от великой радости фраза спрессовалась до неологизма «унук». Что «унук», что дед души друг в друге не чаяли. Солдат Великой Отечественной войны дед учил внука военным песням. Среди них «Священная война» пользовалась особым почитанием. Валера исполнял марш на подъёме, его высокий голосок взмывал под самые небеса на словах:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Затем сжимал пальцы правой руки в кулачок, размахивая им в такт, с суровым лицом пел:

Идёт война народная,
Священная война!

Пелось это на сцене, коей служила табуретка. Внук громко и звонко исполнял марш от начала и до конца, затем прыгал на пол, причём делать это следовало по условиям представления громко, после чего бабушка с дедушкой устраивали солисту «бурные аплодисменты».

В спальне на комодѣ стояла у них цветасто разрисованная, блестящей глазурью облитая керамическая крынка, служила она шкатулкой – в ней хранились медали деда. Валера любил нырять в крынку рукой, доставать боевые награды, прицеплять их к рубашке, а потом с гордо выпяченной грудью ходить при медалях с бабушкой в магазин и на колодец.

Дед работал кладовщиком на току. Время от времени брал внука с собой. Придѣт домой на обед, поест, покурит, спросит:

– Есть настроение помочь деду?

Настроение было из десяти раз десять – идти с дедом. Они

выходили за калитку, дед водружал внука на плечи, и они двухэтажно шли по селу. У деда в его маленьком кабинете в специальном ящике хранились респираторы и защитные очки на резинках. Внук обязательно доставал очки, просил деда подогнать резинку. Это мало помогало, окуляры плохо держались на белобрысой с торчащими ушами голове, приходилось Валере задирать её высоко вверх, постоянно придерживая очки рукой. Весной дед с внуком ходили в степь «выливать сусликов». Дед из ведра лил воду в нору, и, когда мокрый суслик, убегая от потопа, высовывался из соседней норки, Валера, охваченный охотничьим азартом, визжал от радости.

Умер дед неожиданно. От войны остался у него в локте осколок. Валера любил вечером залазить на кровать к деду. Кровать была с никелированными спинками и большой периной. Валера умащивался у стены и просил потрогать осколок. Водил пальцами по руке деда, нащупав инородное тело, шептал:

– Ага, вот! Не болит?

– Мы с тобой мужики, – говорил дед, – должны терпеть.

А сильно заболит, врачи подлечат.

Отправляясь в тот раз в больницу, дед наказал внуку:

– Я пару неделек полечусь, разнылись мои раны. Ты за мужика-хозяина остаёшься, и чтобы всё было в ажуре!

– Будет в абажуре! – уверенно принимал пост внук. – И ты давай в абажуре!

В больнице дед пролежал дня четыре, вдруг потерял сознание и впал в кому.

Валера не отходил от гроба. Плакал, не верил – дедушки больше не будет. Недавно копали червей в огороде, ходили на рыбалку, а теперь дед лежит неподвижно.

После похорон бабушка робела ночевать дома. Каждый вечер собирала внука, и они шли к «другой Тасе», так называл Валера свою прабабушку, её, как и бабушку, звали Тасей. Другая Тася жила в землянке, крыша которой летом зеленела травой. Землянка была просторной, на две большие комнаты. У Валеры с четырёх лет имелось послушание, каждое утро бабушка, подоив корову Майку, давала литровую банку парного молока, отнести «другой Тасе». За что всякий раз получал от «другой Таси» конфетку. В землянке царил таинственный сумрак, вкусно пахло сухими травами, в углу стояли иконы, горела лампадка. Одна из тех икон – Казанская Божья Матерь – сегодня главная святыня домашнего иконостаса Валерия. Образ редкого письма – Богородица ликом схожа с Филермской Божьей Матерью, которую согласно церковному преданию апостол Лука написал при земной жизни Девы Марии, повторив черты молодой Богородицы.

У «другой Таси» имелась самопрядка с педалью, её разрешалось Валере понажимать. На стене висели большие часы в футляре с двумя гирьками и золотистым маятником. Циферблат был в футляре, а безостановочно ходящий из стороны в сторону маятник вне его. Валера был счастлив, если

ему разрешали подтянуть гирьки.

День на четвёртый или пятый после похорон деда Валере приснился сон. Кто-то взял его под заунывный колокольный звон на руки и понёс по землянке «другой Таси», мимо часов, мимо прятки, мимо икон... От рук исходила нежность, любовь, тепло. Они пронесли Валеру по землянке и с превеликой осторожностью положили на кровать. Сон на всю жизнь врезался в память... И колокольный звон, и эти заботливые руки...

Утром Валера бодро доложил бабушке – кто-то носил его по землянке под колокольный звон. Кто он, не видел, но было совсем не страшно.

Бабушка от радостного доклада внука пришла в великое волнение, запричитала: «Дед хочет забрать тебя к себе! Он страшно любил тебя, хочет забрать к себе!»

Бабушка и причину сна, не задумываясь, нашла, и радикальное средство защиты, чтобы сон не стал вещим, тут же обнародовала: в срочном порядке крестить внука. Схватила его в охапку и повезла за сто километров в районный центр.

Батюшка был с чёрной густой бородой, первым делом спросил Валеру:

– Креститься умеешь?

Валера уверенно кивнул головой:

– Да!

– Ну-ка, ну-ка покажи!

Валера одним пальцем изобразил что-то мало похожее на

крестное знамение. Батюшка, улыбаясь в бороду, стал учить креститься. Потом задал архитрудный вопрос:

– Бабушку слушаешься?

Валера обречённо повесил голову.

Бабушка засмеялась:

– Прутиком вчера попало по мягкому месту. Двух цыплят придушил.

Батюшка после крещения повёл Валерия в магазин и вручил большой кулёк шоколадных конфет:

– Держи, только бабушку не забудь угостить.

Валера сказал «ага», ловко прижал кулёк локтем левой руки к животу, запустил в него правую, молниеносно развернул одну за другой две конфетки, разом засунул в рот, а после этого протянул кулёк бабушке – угощайся.

После крещения бабушка начала учить его молитвам. Немного было таковых в её арсенале: «Отче наш», «Богородица», «Царю Небесный»... Первым делом освоил Валера «Отче наш». С той поры бабушкин урок на всю жизнь вошёл в привычку, прежде чем ложиться спать, Валера читал Господнюю молитву. Прочитает, перекрестится и в кровать.

Так что дед своей смертью ускорил крещение внука. Кто его знает, когда бы оно произошло. До школы Валере оставалось всего ничего, а так как мама его учительница, о церкви и разговора быть не могло...

Первый раз причастился Валерий и исповедался в двадцать лет. Друг назначил его свидетелем на своей свадьбе

с венчанием, перед которым батюшка велел всем участвующим в таинстве исповедоваться и причаститься. После свадьбы Валера несколько раз причащался без подготовки и исповеди. Приходил на литургию, выстаивал службу от начала до конца, упрямота ему не занимать, и подходил к Чаше. Рассуждал: раз люди идут, значит, так положено.

Глава третья

Батюшка Антоний

На литургию Валера ходил в кафедральный собор, почему и удавалось причащаться по принципу «все побежали, и я побежал» – без подготовки. Народу много, исповедь принимали несколько священников, очередь к Чаше длинная, за всеми не уследишь. Тем более вид у Валеры серьёзный, представительный.

Всё изменилось, когда в двух кварталах от его дома в бывшем детском садике освятили церковь Святого Духа. Отец Димитрий служил в ней один и сразу вычислил «партизана».

– Вы исповедовались? – спросил Валеру, когда тот со скрещёнными руками подошёл к Чаше.

– А зачем?

– Утром вкушали?

– А как же.

К причастию батюшка, само собой, Валеру не допустил и попросил подойти после службы. С того момента под руководством батюшки Димитрия началось у Валеры воцерковление. Однажды батюшка сказал на очередной Валерин вопрос:

– Не знаю, что ответить. Тебе нужен монах, опытный в

ведении духовной брани. Предлагаю к старцу обратиться.

– А это кто такой?

– Есть монахи, молитвами которых города стоят, думаю, батюшка Антоний из них.

Так Валера узнал о существовании иеромонаха отца Антония.

Батюшка Димитрий привёл Валеру к нему, познакомил и оставил наедине.

Валера поведал батюшке о себе и начал задавать вопросы. Ответы получал доходчивые и убедительные. В частности, Валера пожаловался на кошмары, которые донимали его по ночам. Жизненная ситуация была такой, что работал в двух местах, когда и отдохнуть, как ни ночью, а там бесовщина. Отсюда постоянный недосып.

Батюшка Антоний заулыбался:

– Какой хитрющий враг! Когда ему служил, он тебя не трогал, стоило пойти наперекор – накинулся. Тут, мой дорогой, или-или. Встал на тропу войны, будь готов к борьбе. Думаешь, враг обрадовался, что курить ты бросил. Столько лет рукоплескал каждой твоей сигарете, а ты лишил его фимиама. Где ж ему быть довольным! Начал менять образ жизни, он и забеспокоился, засуетился: кормился преспокойненько твоими грехами, вдруг трах-бах – садишь его на голодный паёк.

«Батюшка взялся ставить меня на лыжню, – рассказывал Валера, – я находился в прелести, за несколько месяцев до

этого усвоил неправильный образ молитвы. Отцу Димитрию почему-то не рассказывал об этом. Встаю на молитву и представляю в уме «Бога». Именно в кавычках. Началось с того, что приснился огромный с девятиэтажный дом старец. В светлых одеждах, наподобие священнических, с украшениями, седовласый, серьёзный взгляд, а в руках меч. Меч протягивает мне. Молча. Я беру. Воспринял вручение меча, как посвящение в воины Христовы. С того сна молился этому старцу. Становясь на молитву, воспроизводил в уме образ «Бога» и обращался к нему. Собственно, напрягаться, для вызова портрета старца, не надо было. Стоило вспомнить о нём, тут же вставал перед внутренним взором во всей огромности. Под рукой всегда находился. Воспринимал эту оперативность с гордостью, подтверждением факта – я избранный воин Иисуса Христа. Пока однажды не случился шок: молюсь старцу, а из-за его головы с левой стороны дьявольская рожа высовывается. Ни с чем не спутаешь. Отвратительная образина – рожки на лысой голове, в глазах злорадство, мол, как я тебя. Мне бы понять, что к чему, я истолковал увиденное в свой адрес: какой же я распоследний грешник, если самое святое бес поганит».

Батюшка объяснил, Бог как раз и показал, чьи руки «божественный образ» рисуют в голове, кто «старца» подсовывает раз за разом.

Около часа длилась первая беседа с батюшкой. Валера высказал наиболее болезненное, ответы получил, собрался было про-

щаться... Тем временем к бабушке одна за другой стали бабушки заходить. Благословение берут, на диван по-деловому садятся. Сразу видно, не первый раз здесь.

Бабушка предложил Валере:

– Сейчас молиться будем, присоединяйся.

Перспектива молиться в такой компании у Валеры энтузиазма отнюдь не вызвала. Зачем он, молодой мужчина, станет с бабушками-старушками поклоны бить? Резво сиганул к двери с торопливым объяснением «пойду, ещё в одно место надо успеть». Бабушка мягко повторил:

– Валера, ты помолись-помолись с нами. Почитаем акафист иконе Божьей Матери «Всецарица».

«Поспешно ботинок зашнуровал... – вспоминает Валера первую встречу с духовником. – Никогда не забуду то состояние, тот резкий переход, когда мгновенно на сто восемьдесят градусов всё во мне повернулось – только что топорщился, противился, не соглашался молиться с бабушками, вдруг, будто на меня ведро отрезвляющей воды вылили, и сразу на душе сделалось легко, хорошо, желание быстрее-быстрее выскочить на улицу исчезло. Расшнуровал ботинок... Понимаю, бабушка за меня в этот момент молился, потому и произошла метаморфоза...»

Двенадцать лет, до самой смерти бабушки Антония, Валера был его духовным чадом.

Глава четвёртая

Молитва за самоубийцу

Один из вопросов, который беспокоил Валеру и с которым обратился к бабушке Антонию, – самоубийство дяди Славы.

Дядю Славу Валера любил, в детстве мечтал быть таким же весёлым, общительным, всё умеющим. Когда дядя по праздникам приходил к ним в гости, дом наполнялся счастливой кутерьмой, музыкой басистого голоса. Все заряжались от дяди Славы улыбчивым настроением. Он мог надеть фартук и помогать женщинам на кухне. А то устроит соревнование с Валерой, кто больше подтянется на турнике, над дверью закреплённом. Или возьмёт гитару племянника. Дядя хорошо пел романсы, мастерски фотографировал, отлично готовил, был на ты с компьютерной техникой, только-только входившей в обиход. По-мальчишески любил что-то новое, и, чем бы ни начинал заниматься, «копал до золота», как сам говорил. И Валеру учил: «В любом деле, если берёшься, добивайся результата на пять с плюсом! А уж на твёрдую четвёрку всё можно освоить».

Сломали дядю Славу девяностые годы. Валера сразу вспоминал дядю, когда слышал, «не будь девяностых со всеми

их издержками, жертвами, не возродилось бы православие в России». Получается, дядя Слава – одна из жертв этого возрождения. Дядя открыл предприятие, всё-то у него (как всегда) получилось, умел считать на несколько шагов вперёд, а споткнулся на кредите. Взял его, вложил в дело, но вовремя отдать не смог. Не имеющие страха Божия люди придумали много схем отъёма денег и бизнеса, одну из них применили на дяде Славе. Оказавшись в тупиковой ситуации, дядя решил её не в своей манере – повесился.

Валера очень скорбел, но, рассуждая о поступке дяди Славы, считал, поступил он правильно: погиб, защищая семью, она бы оказалась на улице. Своей смертью обрубил концы и сохранил квартиру жене и двум дочерям...

Так Валера думал, пока не узнал об отношении церкви к самоубийцам.

Тогда-то вспомнил один из приходов дяди Славы к ним. За столом дядя весело рассказывал о спиритических сеансах, которые устраивали в молодости. После института работал два года на ремонтном заводе в небольшом городке. Организовалась компания, как дядя говорил, – «молодёжь-холостёжь из местной интеллигенции». Хирург, только-только после мединститута, школьная учительница иностранных языков, корреспондент местной газеты и преподаватель музыки в педучилище. «Собирались по праздникам чаще на квартире у учителя физики, – рассказывал дядя Слава, – жена у него работала инструктором в райкоме комсомола, де-

тей не было, а квартира большая. Выпивали, пели, танцевали. На дни рождения устраивали поздравительные спектакли, мы их называли рок-операми. С песнями, танцами, переодеваниями. Веселились от души. Как-то корреспондент предложил устроить спиритический сеанс. И ведь получилось вызвать духа, изрядно пощекотали нервы. Недели через три был день рожденья учителя физики. Как не собраться. И снова захотелось спиритического сеанса. Вызвали духа, не помню кого, а он мне говорит: пойдёшь мимо кладбища – я тебя задушу. Воспринималось всё на уровне дурачества, но идти мне домой на самом деле мимо кладбища. Было это до снега, конец октября, темень, как в подполье, подхожу к кладбищу, и такая жуть навалилась, ничего с собой поделывать не могу, знаю, ерунда на постном масле, а хоть обратно возвращайся. Ужас сковал. Кое-как собрался с духом и рванул. Летел, будто за мной с топором гнались. Мокрый с головы до ног прибежал домой, пот ручьями, сердце горлом выскакивает. Больше с той поры в духов не играл».

Повесился дядя в дальнем углу парка, граничащем с кладбищем.

Узнав об отношении православия к самоубийцам, Валера ещё раз остро пережил смерть дяди. Мысль об участи души дорогого человека не выходила из головы. Хотелось помочь ей, но как?

Однажды в обеденный перерыв задремал на работе. Положил голову на стол и оказался в темноте, хоть руками раз-

двигай – плотная, густая, давящая. Сковало удушье. И пришло понимание: здесь находится душа дяди Славы. И ему, Валере, дано понять, что чувствует душа самоубийцы. Валера не мог вдохнуть полной грудью, набрать в лёгкие воздуха, словно многотонный груз водрузили ему на грудь. Душа, изнывая под тяжестью, желала вырваться из темноты. Туда, где за стеной мрака спасительный свет. Там люди, радость, счастье, там Бог. Она молила Бога простить её. Но молитва вязла в густой, как расплавленный гудрон, темноте.

За дверью в коридоре раздались громкие шаги, зашумел пылесос. Валера поднял голову, протёр ладонями, будто умываясь, лицо, лоб. Вспомнил только что увиденное. Решил для себя: ему показано, где находится страдающая дядина душа.

От кого-то из знакомых услышал про канон «За самовольно жизнь скончавших». Но без благословения читать его нельзя: ты делаешь вызов сатане. Спросил батюшку Антония:

– Благословите читать.

– Я на себя такое взять не смогу, – ответил батюшка.

– Может, отец Владислав на себя возьмёт?

Валере говорили, что есть батюшка Владислав, который молится по самоубийцам и по нерождённым младенцам.

Батюшка Антоний разрешил:

– Ну, попробуй, может, на самом деле отец Владислав благословит.

В православном магазине Валера спросил канон «За самовольно жизнь скончавших», на что продавец, благообразная пожилая женщина, прочитала целую лекцию предупредительного характера. Будто заранее готовилась к встрече. Пафос её монолога – читать канон крайне опасно. Можешь сам пострадать и на ближних накликать беду.

«То ли часто к ней обращались по этому вопросу, – рассказывал Валера о визите в магазин, – то ли я удачно попал. Протянула руку и тут же достала книжечку, в которой была статья о священнике, который ещё в советское время отчиткой бесноватых занимался. Сам-то жил в чистоте и святости. Враг ему ничего сделать не смог, но на ближних отыгрался. У священника ребёнок стал инвалидом, обезножел, на коляске передвигался. Загрузила меня продавец: “Самоубийца – рабочая лошадь сатаны, безропотная, бесправная. Так просто дьявол ни за что не отдаст её”. Что интересно, отец Владислав легко благословил меня читать канон. Продавщица столько страхов поведала, он с ходу разрешил. Я начал молиться, тут же мама сломала руку, на работе у меня пошли неприятности. Поди знай, с каноном связано или совпадение, я решил для себя: в период чтения канона следует усиленно молиться за ближних. Заказывать молебны тем, кто не воцерковлён. Кто воцерковлён – плюс к молебнам записки подавать на проскомидию. Так и делал».

Глава пятая

Поиск места

В первую нашу встречу на православной ярмарке Валера рассказывал:

«От батюшки Антония впервые услышал: многое говорит о том, что живём мы в преддверии апокалипсиса. Скажу честно, с недоверием к его словам отнёсся. Но начал изучать этот вопрос. Узнал, что о последних временах говорят современные афонские монахи, жившие в XX веке святые, – преподобные Иосиф Исихаст, Лаврентий Черниговский, Серафим Вырецкий, Кукша Одесский, Паисий Святогорец. Батюшка Антоний предупреждал словами апостола: нельзя участвовать в делах тьмы. Нельзя делать уступку дьяволу – принимать систему тотального контроля за человеком, систему идентификации личности, которая в конечном итоге ведёт к принятию начертания на руке или челе, о котором говорится в «Откровении Иоанна Богослова». Отказавшись от этого, будешь лишён в последние времена возможности пользоваться деньгами. Как выживать? Батюшка не настаивал, не требовал – советовал: “Лучше подготовить спокойные места для себя, своих семей. Сколько у нас деревень полуживых, где можно купить хорошие недорогие до-

ма, огородами заниматься, скотину держать”. Так говорил батюшка. У Паисия Святогорца прочитал: “Три с половиной года будут тяжёлыми. Тем, кто не согласится с этой системой, придётся нелегко. Их будут стараться засадить в тюрьму, постоянно находя для этого какой-нибудь новый повод. Мучить таких людей они не будут, однако, не имея печати, человек не сможет жить. “Вы страдаете без печати, – скажут они, – а если бы вы её приняли, то трудностей у вас бы не было”. Поэтому, приучив себя уже сейчас к жизни простой, умеренной, можно будет пережить те годы. Иметь маленько землицы, возделать немного пшенички, картофеля, посадить несколько масличных деревьев, и тогда, держа какую-нибудь скотинку, козочку, несколько курочек, христианин сможет пропитать свою семью. Потому что от запасов пользы тоже немного: продукты долго не лежат, быстро портятся...”»

Валера и ещё несколько духовных чад отца Антония озадачились найти отдалённую деревню, купить дома. «Да будут чресла ваши перепоясаны и светильники горящи», – говорится в Евангелии. Батюшка рассказывал про Таёжку. Он был первым настоятелем храма в селе, когда в конце восьмидесятых передали его епархии. Таёжка тогда ещё не начала разъезжаться, не скатилась в пьянство и повальную безработицу, ещё существовал колхоз.

– Остался бы в Таёжке с великим удовольствием, – вздыхал батюшка, – выйдешь утром, а на острове журавли кур-

лыкают. До того на сердце светло станет. Рассчитывал: это моё последнее земное пристанище, здесь отойду ко Господу. Да владыка забрал к себе. Ты, говорит, в городе нужнее.

Валера был самым активным из духовных чад батюшки, кто задумал найти уединённое место. Настроился переехать в деревню на постоянное жительство. Сотоварищи планировали дачный вариант, такую базу, которую можно при необходимости использовать по полной. Валера решил провести разведку боем. Испытать себя, научиться жить на земле.

В процессе поисков подвернулось несколько заманчивых мест. Какие-то, помаячив радужным светом, отпали. Один вариант по всем параметрам подходил: отдалённое от губернского города село, храм, работа при нём. Крупный предприниматель построил в родной деревне церковь. Понадобился староста. Да среди местных ни одной подходящей кандидатуры, чтобы непьющий, отличался бы деловыми качествами и православный. Настоятель храма, иеромонах Николай, служил в субботу всенощную, в воскресенье – литургию, в остальное время жил в монастыре за сотню километров от деревни. Предприниматель хотел иметь человека, постоянно находящегося при церкви.

«Ты будешь в шоколаде, соглашайся», – говорил отец Николай Валере.

Валера пошёл за благословением к отцу Антонию.

– Попробуй, – сказал батюшка.

И согласился проехаться с чадом, посмотреть место, цер-

ковь, но в назначенный день слёг с температурой. Валера с Аркадием Бережным, тоже чадом батюшки и тоже горевшим покупкой дома в деревне, заехали за батюшкой, а у того температура тридцать девять.

– Езжайте без меня, – благословил.

С отцом Николаем договорились встретиться в здании епархиального управления. Валера с Аркадием приехали на машине последнего, отец Николай звонит: «Непредвиденное крещение, и не откажешься, послушание от игумена, подождите часика два». Через полтора часа новый звонок от отца Николая: «Сегодня не смогу, давайте в другой раз». Потом и вовсе от своего предложения отказался, предприниматель нашёл другого человека на роль старосты.

С ходу понравился Валере вариант с Баженовкой. Дом стоял в лесу и в то же время в двух километрах от Баженовки. Да не дом, вилла – триста метров жилой площади. Пять минут ходьбы, и ты на крутом берегу лесной реки. За лентой воды луга простором дышат, тайга уходит к краю неба.

Дом строили Елена и Александр, поначалу даже вознамерились домашнюю церковь сделать, да владыка не благословил. Елена – моторная женщина – инженер-строитель. Причём не в белых перчатках: надо – мастерок возьмёт, кладку вести, надо – будет штукатурить стены или плиткой облицовывать. У мужа были серьёзные проблемы с позвоночником, строительство дома хозяйка вела одна. Где людей нанимала, где сама. До деревни работала прорабом в строительной

фирме, даже храмы приходилось поднимать.

Валере глянулось всё, кроме одного – не по карману.

– Ты не переживай, – говорил Аркадий, – главное – вместе. Я квартиру, что от бабушки осталась, продам. Может, кто из наших присоединится. Домина не на одну семью. Деревня рядом, в ней церковь.

– Мне бы комнатку какую, с головой хватит. Что там мои сто тысяч рублей.

– Главное, чтобы вместе, – повторил Аркадий.

В разговоре Валера спросил хозяев дома: почему в лесу отстроились, не в Баженовке?

Елена честно рассказала, что деревня воинственно построена против пришлых. Да и между собой неладно живут. Пристрастие к самогонке и водке – не самое страшное, где в деревнях не пьют. Вороватые. Ничего не стоит утянуть у соседа, что плохо лежит. И на хорошо лежащее зарятся. История села знает немало битв с дреколём и членовредительством. Все лесные уголья вокруг Баженовки негласно строго поделены: ягодные, грибные места, озёра... Там ивановский берег, в этом озере Петровы ловят... Не приведи Господь быть застуканным на чужом участке, запросто могут до полусмерти избить. Приехала в Баженовку порядочная семья с Сахалина. Всё пришлось по душе сахалинцам, вознамерились осесть в живописных местах, дом купили, пришло им два контейнера со скарбом. В ту же ночь местные подожгли содержимое контейнеров. Что оставалось делать новосёлам?

Отбыли подальше от такого соседства.

Елена с Александром поначалу тоже купили дом в Баженовке. Их не жгли, на демократической основе Александра выбрали главой администрации. Руководи, дескать, нами, мил человек. Выбрали, если честно сказать, дабы между собой не переругаться. Выбрали, да потом принялись выживать. Не вписался чужак в баженовские уставы.

«Устали с ними судиться», – рассказала Елена.

В конечном итоге оформили участок земли за деревней, навозили двадцать КамАЗов песка и построились. Получилось как в санатории. Лось может подойти к огороду, грибы в десяти метрах от усадьбы, черника с брусникой в шаговой доступности. Пчёлки летают – пасека за домом.

– Надо брать, – говорил Аркадий по дороге из Баженовки. – Райский уголок.

Приехали к бабушке Антонию с докладом, он послушал-послушал восторженные речи духовных чад и отрезал:

– Не благословляю.

– Почему? – хором выдохнули Валера с Аркадием.

– Жизни вам с такой деревней под боком не будет!

Таёжка смущала отдалённостью, дорога до неё мало того, что длинная, на ней имелся участок в полсотни километров, совершенно убитый, причём с годами ситуация лишь усугублялась, в непогоду дорога окончательно делалась бездорожьем, непроходимым для легкового транспорта. Кроме того, имелась паромная переправа, а значит: весной с тая-

ньем льда и осенью при ледоставе – переправы никакой.

И всё же остановились на Таёжке.

Глава шестая

Андрюшин крест

Таёжка начиналась для входящего в неё с Поклонного креста, что стоял перед полноводным ручьём, испокон века служившим границей, минуя которую житель или входил в пределы села, или покидал их. Через ручей переброшен мост, ступая на который сердце таёжкинца или охватывала радость от встречи с домом, или погружалось в печаль от предстоящей разлуки с родным краем.

История креста восходила к Первой мировой войне, весть о которой быстро долетела до села и пала чёрной тенью. Крепко жила Таёжка. Да и вся округа. Дома как на подбор, строевого леса вокруг сколько душе угодно, только не ленись, а лениться сибирский крестьянин не умел. В каждом хозяйстве лошади, коровы, немерено живности, которая мекала, бекала да кукарекала. Сеяли хлеб, рыбачили, охотились.

Вдруг война, бросай, мужик, плуг, прощайся с родными и отправляйся защищать веру православную, Отечество да царя-батюшку.

Двадцатипятилетний Андрей Бекасов вышел на крыльцо, окинул взглядом двор, не к чему было придраться, оставлял

хозяйство в лучшем виде. Четыре года назад поставил этот пятистенок, амбар, стайки, конюшню. Всё добротное, ладно, глаз радует. Пороха Андрей не нюхал, но знал по рассказам стариков – «война не мать родна». Дядя вернулся с Японской без ноги, ходил на деревяшке.

Провожать Андрея за ворота вышли жена, мать с отцом, двое ребятишек. С матерью и отцом простился у калитки, жена с ребятишками пошли дальше. У моста Андрей, прежде чем обнять жену, сказал: «Вернусь живым, поставлю здесь крест в благодарность Богу». И наказал своей Ираиде: «Скажи отцу, чтобы приготовил листовяжное бревно, пусть ждёт своего часа».

Провожатые остались у моста, мужики попрыгали в телеги и поехали в уезд к месту сбора.

Тяготы войны испытал Бекасов сполна. В Галиции контузило, попал в плен. С третьей попытки удалось бежать. Шёл 1917 год, на фронте началась неразбериха. Андрей подумал-подумал и направился в свою Таёжку. Полгода добирался. Высокий, широкоплечий, большой человек шёл по большой и красивой, но охваченной смутой земле. Ночевал в деревнях, в лесу, в стогах сена. Бог миловал его на войне. Сидели втроём, ели кашу из котелков, вдруг снаряд упал рядом, двоих насмерть, в том числе Кондрата Черникова из их Таёжки, а ему ни царапинки. В другой раз засыпало землёй после взрыва снаряда, под землёй бы и остался. Но лицом оказался в углублении, мог дышать, очнулся, ногами стал

шевелить, по ногам и приметили – живой. Мать, провожая на войну, вручила медную икону, Николая Угодника, на груди её носил. Ударило однажды в грудь, думал всё. А только и всего образок пулей, что в сердце метила, погнуло.

Обещание Богу поставить крест засело в нём прочно. Отмахивая вёрсты по дороге к дому, представлял себя идущим по селу с крестом на плече. Как бы ни было тяжело, крест на телеге не повезёт. Нести не так уж и далеко, труднее всего первая половина пути – от дома дорога шла в горку, к церкви, зато потом – под уклон.

К мосту Андрей подошёл под вечер, перекрестился на церковь, постоял, вслушиваясь в вечернюю Таёжку. Мычали коровы, брехали собаки, вдруг женский визгливый голос перекрыл все звуки: «Федька, да куды ж ты запропастился, иродяка?»

Из цельной лиственницы вырубил Андрей брус, выгладил его рубанком, украсил незамысловатой резьбой. Стояли последние дни сентября, светили золотом берёзки, лиственницы охватило жёлтое пламя. Андрей посадил на деревянные шипы перекладины креста, укрепил над двумя верхними голубец – крышу. На следующий день рано утром открыл ворота, повернулся в сторону церкви, перекрестился, затем приподнял верхний конец, взвалил крест на плечо и понёс голубцом вперёд. Жена всплеснула руками:

– Андрюша, давай помогу.

Отогнал:

– Не мешай!

С той поры пошло в селе «Андрюшин крест». «Только с моста съехал и сразу за Андрюшиным крестом воз перевернулся», «Встретились у Андрюшиного креста», «Покурил у Андрюшиного креста и зашагал домой».

Судьба у Андрюшиного креста сложилась счастливо, пережил все богоборческие времена. В тридцатом году закрыли храм в Таёжке. Священника отца Никодима арестовали, увезли со связанными руками и растерянным лицом, а потом и расстреляли. Ретивый комсомолец Гришка Иванченко вознамерился спилить крест, да мужики-охотники шепнули: «Ты, поди, Гришаня, слыхивал, бывает, человек заналадится в тайгу, уйдёт, и как в воду канул. Уж как его сердешного не ищшут, как ни выкликают. Никакой милицай концов не найдёт, так что смотри, паря». Гришка был не настолько с ветром в голове, намёк понял. Устоял Андрюшин крест.

Во времена хрущёвские председателю сельсовета районные власти ставили на вид, что это за безобразие, вся страна идёт к коммунизму, а в Таёжке крест тормозом торчит на пути в светлое будущее. Требовали убрать препятствие в коммунистическое завтра. Председатель сельсовета не отличался красноречием, однако твёрдо держался своего: «Не я его ставил, люди не против». Благо в медвежий угол начальство редко заглядывало. А если и заносило, председатель встречал более чем хлебосольно, было чем угостить в богатом краю. Провожая высоких гостей, умел гостинцев в виде ло-

сятины, рыбы, кедровых орехов, соболиных шкурок поднести. Так что самовольство с крестом прощалось ему. Более полувека стоял Андрюшин крест. Подгнил и упал только в конце шестидесятых годов.

В 2004-м в честь девяностолетия начала Первой мировой войны родственники Андрея Бекасова, внук и правнук, поставили новый крест. Пусть не сами рубили, не на руках доставляли на место, а всё одно почтили память деда-прадеда Поклонным крестом. Водрузили его несколько в стороне, так как над местом, где полвека возвышался Андрюшин, прошла линия электропередачи. Новый размером поскромнее, Андрюшин – шестиметровой высоты, этот – на полтора метра ниже. Тоже из лиственницы. Так что ещё лет пятьдесят простоит. Только бы Таёжка простояла.

Глава седьмая

Жили у бабуси два весёлых гуся

Пасмурным, насупившимся февральским днём Валера с Аркадием подкатили к Поклонному кресту. Перекрестились и поехали дальше. Цель приезда – покупка домов. Друзья благополучно её осуществили и стали владельцами недвижимости в Таёжке.

Через месяц Аркадий помогал Валерию переселяться. Сам он планировал летом обживать свой дом, Валера ехал на постоянное жительство. На этот раз Таёжка встретила щедрым мартовским солнцем. Однако щедрость небесного светила радостных чувств не вызвала. Дорогу порядком развезло, доехать до Валериного дома на «жигулях» не получилось, выгрузили вещи на обочине. Лужи, снег, а посередине всего этого диван ярко-красного цвета, на нём Валера с Аркадием сидят в ожидании трактора, вызывая живой интерес у редких прохожих.

Валера и Аркадий купили дома на дальнем краю села, который в последние годы смотрелся хутором. словно в один прекрасный или какой там момент домов двадцать, сговорившись, разом снялись и на пару километров ушли поближе к реке, которая в том месте делала поворот, навсегда ухо-

дя в тайгу. На самом деле ещё в шестидесятые годы прошлого века справная улица с домами по обе стороны «пуповиной» соединяла Выселки (так в народе звали дальний край села) и Таёжку. Но «пуповина» стала со временем ослабевать, хиреть. Забывались ставни в её домах, или их раскатывали и перевозили в другое место. В результате Выселки на самом деле стали таковыми.

В них на юру Валера приглядел хороший дом. Рядом приобрёл жильё Аркадий.

Жить Валера решил хозяйством. Для себя и на продажу. Других доходов у него не имелось, поэтому в планах было завести живность, сажать картошку, другую огородину и заняться пчёлами... Жизнь сложилась так, что был он в ответе только за одного себя. Сила в руках имелась, голова на плечах тоже. Не крестьянская, да как капуста с моркошкой растёт знал по бабушкиному огороду, даже привлекала пчёл обихаживать. В конце концов готовыми агрономами не рождаются. Учиться можно по ходу дела, книжки читать, за советом к умным людям обращаться. Был Валера ещё полон романтики и розовых представлений.

Хозяйство повёл с размахом, без раскачки: гуси, быки – всё в большом количестве, огород в тридцать с гаком соток, чтоб ни миллиметра не пустовало. Ну и по мелочёвке – десятка полтора куриц, пару козочек.

Гусей взял инкубаторских, суточных, майских. Масштабы не как в песне «Жили у бабуси два весёлых гуся», по-

круче арифметика – сто штук. Отвёл в доме угол пернатым, сделал загородки и разделил на две группы по пятьдесят голов в каждой. Живите, так сказать, нагуливайте вес. Вместо этого начался падёж. Как потом узнал, самой первой допущенной ошибкой было неправильное формирование групп. Оптимальный вариант – десять штук в подразделении. Это позволяет избежать феномена толпы. Крохам тепло требуется. Лампы круглосуточно горят, всё одно мёрзнут, сбиваются в кучки, собственными градусами согреваясь. Как сбились, одного-двух бездыханных вытаскивай. Позже Валере подсказали способ обогрева: плюс к лампам тёплая вода в полторашках, малыши облепят бутылки... Кормёжка через два-три часа. И опять гляди в оба, как бы не задавили кого в обеденной кутерьме. Собственно, смотри не смотри – задавят. Спать приходилось урывками.

Гусята и спали шумно. Вроде угомонились, а всё одно постоянно бормотание из их угла, будто что-то там варится. И через каждые два часа начинается ор: жрать давай!

«В гусыню рядом с ними превратился, – смеялся Валера, – только что крыльями не бил».

Кормил пушистые шарики смесями, яйца варил и крошил, рвал молодую крапиву – лакомство для цыплят.

Ещё одна напасть – вороны. Валера, по своей городской наивности, считал, вороны падкие лишь на то, что блестит. Этакие эстетки с крыльями. Оказывается, это самые настоящие стервятники, которые воруют яйца из птичьих

гнёзд, рыбу, стоит оставить её без присмотра, и гусят. Когда последние при родителях, вороне сложно свою кровожадность потешить, лишь вознамерится, взрослые гуси малышней окружают кольцом, шеи над ними палаткой вытягивают. Если ворона наберётся наглости спикировать за нежной добычей, так получит от вожака клювом (а клюв, что твоё зубило), что едва-едва уносит голову с места конфликта. Валере некогда было, распротёрши руки, над своим поголовьем стоять, он зорко следил за нежным поголовьем, когда находилось оно под небом голубым – во дворе. Правит какое-никакое дело, сам косит глаза на ворону-стервятницу. Та обязательно поблизости крутится – или совершает высокие обзорные облёты территории, или на ветке сосны, что в углу двора, сидит и делает вид – у неё ни капельки интереса до Валериного хозяйства нет, ей без того есть чем заняться. На самом деле хищница с индифферентным видом выжидает воровской момент – стоит гусине-Валере скрыться со двора – начинается резня. Валера заскочит в дом на короткую минутку, перекусить, чайку попить... А у самого сердце не на месте. Гусята частой сеткой накрыты, но вдруг... Сорвётся, гонимый нехорошим предчувствием, выскочит на крыльцо, а «вдруг» уже нашла дырочку в сетке над загоном. Ворона не одна вместе с воронятами в гусятнике зверствует. Натуральное побоище идёт: у одних гусят головы оторваны, у других из разодранных грудок ворона внутренности похозяйски клювом достаёт. Бойня. Тушки, головы валяются,

живые гусята в угол обречённо забились...

Коршуна Валера однажды подстрелил, на конец высокого шеста привязал, водрузил шест торчком у забора в устрашение другим пернатым разбойникам. Никакого воздействия это не поимело, никого не испугало. Гусята подросли, грузоподъёмности у вороны не хватает унести упитанного гусёнка со двора. Воровку это не останавливает. Наоборот, добавляет охотничьего азарта – спикирует на жертву, голову в остервенении оторвёт...

Из ста гусей осталось в оконцовке шестьдесят. Местные считали, вполне нормальный процент падежа, Валера был не согласен. Ладно, ножки слабели, хворь одолела. Естественный отбор, тут ничего не попишешь. Но, когда здорового за таптывали сородичи или клюв вороны-воровки лишал жизни, это нормальным явлением назвать не мог...

Валера любил с гусями, курицами разговаривать. Мама его приехала первый раз в Таёжку. Всё-то ей понравилось: и дом, и то, как ведёт сын хозяйство. В огороде порядок, со скотиной как настоящий сельский мужик управляет. Мама родом из села, знает, что к чему. Казус случился день на четвёртый. Вышла на крыльцо, и похолодело сердце от звуков, доносящихся из сарая...

Валера в общении с гусями разработал свой язык. Каких только звуков в нём не было: гортанные, чвакающие, свистящие, ухающие, охающие, бубукающие, бобокающие... Богатый набор. Да с разными интонациями. Гуси народ болтли-

вый, им только дай поговорить. Мама вышла из дома в разнеженном утреннем состоянии, а из сарая...

Валера, ничего не подозревая (не знал, что появился посторонний слушатель), беседует с гусями. Аудитория большая, каждый крылатый собеседник (напомним, более шестидесяти) норовит свои «три копейки» вставить в разговор, у каждого своё мнение. И Валера в настроении поболтать был, разговорился: го-го-гокает, посвистывает, языком пощёлкивает... Одни звуки гусей удивляли, они замолкали, замирали, с интересом слушали: ну-ка, ну-ка, что там дальше? На другие реагировали шумно, начинали вступать в диалог, мотать головами, подчёркивая сказанное.

Дверь в сарай была открытой. Мама услышала весь этот пугающе странный набор звуков из уст сына, мороз пошёл по коже от диагноза, тут же поставленного: у Валеры проблемы с головой. От одиночества умом тронулся. Бросилась в сарай с мыслью: надо срочно везти домой.

У быков падежа не было. Стопроцентная выживаемость. Пять быков взял Валера по приезду в Таёжку, пять через год сдал. У каждого свой нор, но общий язык хозяин с ними находил. Посему с тяжёлым сердцем сдавал на мясо, прикипело сердце к животинке. Кормились летом бычки самопасом, утром за ворота Валера выгонит, даст напутствие нагуливать с Божьей помощью тело... Пойдут потихоньку. Неторопливые были. Дом на юру, внизу луг просторный, речка бежит – есть что поесть, где водицы испить. Без напоминаний

знали время возвращения на базу. Нетерпеливостью отличался лишь бычок по кличке Доня. Ничего не стоило бросить компанию и одному заявиться вечером домой. Можно было ещё поскубать травку, нет, бросает пастись и направляется в гору. Поднимется, встанет у забора и мычит призывно, мол, впускай хозяин, домой хочу, травы досыта нажевался, что-нибудь посущественнее давай.

– Доня, ну что ты опять один приплёлся, почему других не привёл? – отчитает хозяин за самочинство. – Одного не пущу, иди за остальными.

Доня голову опустит в обиде, дескать, не нанимался за всякую бестолочь отвечать.

– Иди-иди, – подгонит Валера.

Доня развернётся, метров на пятьдесят отойдёт, собратья далеко внизу пасутся, пару раз им пронзительно крикнет. Те в ответ промычат «слышим-слышим» и не спеша потянутся в гору. Доня дождётся, и тогда все вместе подойдут к забору, хором затрубят: впускай.

С гусями свой разговор. Они тоже паслись у речки. Водоплавающим вообще раздолье – в полном распоряжении чистейшая река. Пару раз уплывали вниз по течению, бегал Валера на поиски, но обычно на виду паслись и плавали. Конкурентов в округе не имелось – на все Выселки единственное стадо гусей у городского жителя. Такой деревенский парадокс. Своего Дони среди гусей не имелось. Приходилось Валере самому звать домой. Выйдет, шумнёт. Тоже свой язык.

Один раз крикнет, ответят, но с места не сдвинутся. Как бы, мы здесь, всё нормально. Ты, хозяин, спросил, мы не проигнорировали – всё под контролем. Но стоило два раза крикнуть, у гусей начинался ажиотаж на грани счастливого переполоха. С криком, бешеной спешкой (будто жизненно важно в первых рядах оказаться у ворот) срывались с места. Кто летел, кто бежал, падали, натыкаясь друг на друга, вскакивали. Шестьдесят голов – это опять же не «жили у бабуся два весёлых гуся». Едва не полкосогора заполняло хлопающее крылами, радостно гогочущее, стремительно поднимающееся к Валере белоснежное облако. Лавой текут вверх. Обступят Валеру, наперебой говорят-говорят-говорят на гортанном наречии. Перевода не надо, без того ясно: дай! Целый день паслись, а всё равно дай поесть, раз позвал.

На собственном опыте Валера познал мудрость слов Паисия Святогорца о козе на последние времена. В непостные дни весь его рацион зачастую сводился к хлебу, козьему молоку и яйцам. Готовить было просто некогда. Это притом, что занимался не умственным трудом, работал в то время грузчиком на пилораме. Не сразу Валера приноровился коз доить. Руки поначалу болели, коза так просто молоко не отдаст, удивлялся, как женщины доят. Потом накачал мышцы. Целая наука. И ещё один нюанс, из разряда иронических – пока одну козу доишь, другие могут на раз карманы твои очистить. Карманники козы искуснейшие. Не заметишь, как будешь обворован. Так что не зевай. Однажды Валера подо-

ил, отнёс молоко в дом, процедил и собрался в церковь, а ключа от замка нет. Все карманы обшарил – куда девался. И ключ, как назло, в единственном экземпляре. Что делать? Потом осенило – а не козы ли утащили? Сжевать, конечно, не сжевали. Пришлось всю солому, что под ноги козам бросил, перебрать. Так и оказалось, какая-то воровка вытащила и бросила. Наученный горьким опытом, Валера, отправляясь доить коз, всё из боковых карманов выгрёбал.

У соседа Геры-Чеченца был козёл по кличке Чугун. Чернуший, ни одного светлого пятнышка, и отчаянный вору-га. Его не интересовало съестное, он пристрастился к куреву. Воровал у мужиков сигареты. Ходил по Выселкам и, если видел мужика, начинал охоту. Как и все козы, умел делать индифферентную морду, дескать, до вас никакого мне дела нет, на самом деле ловил момент, когда можно незаметно подкрасться и вытащить пачку из кармана. Казалось бы, козлиная морда – это не тонкие чувствительные пальцы карманника, а всё одно ухитрялся проникнуть в карман так, что его обладатель не замечал чужого присутствия. Обнаруживал пропажу, когда лез в карман за сигаретами. Мужики знали эту страсть Чугуна, однако снова и снова попадались. Дым Чугун не пускал, предпочитал жевать сигареты. Делал это с большим аппетитом и страшно довольной мордой.

Вот и скажи, что скотина дурная. Валера что-то делает во дворе в одном углу, коза занята своим в дальнем другом. Но будь спокоен, она не выпускает тебя из поля зрения. Всё под

постоянным приглядом. Стоит Валере, к примеру, закрыть калитку на улицу, тут же подойдёт, начнёт рогами, мордой открывать, борясь за свободу козьей личности.

Козлята – отдельная песня. Если козы – специалисты по карманам шарить, пока хозяин занят дойкой, козлятам дай побаловаться в этой ситуации – залезть на голову Валере. Тяга к горным вершинам у коз в крови. Поэтому забежать по спине и водрузиться на голову – это раз плюнуть. Валера доит, у него на плечах козлёнок стоит, будто так и надо. Ты, дескать, занимайся своим делом, а я представляю себя на высоченной скале, обозревающим горные кручи и долины.

Когда первая коза принесла приплод, Валера ещё не знал истины, что, хотя козы и домашние, гены горных предков в них ой как живы. Особенно у козлят, которые, окрепнув, бросаются выделывать цирковые номера. На короткий период в них просыпается страсть к гонкам по вертикали. Валера опешил, когда козлёнок вдруг забежал на стену, будто на него перестало действовать земное притяжение. Грешным делом подумал: не бесы ли дураят ему голову необычными видениями? Козлёнок разгоняется по полу и легко взбегаёт на стену, само собой, перпендикулярную к полу... Пусть не до потолка поднимается, невысоко... Один сделал трюк, спрыгнул на пол, второй разгоняется повторить номер...

И ещё одна живая душа была в хозяйстве – пёс Джульбарс. Так Валера звал его в официальных случаях – представляя гостям. На самом деле – Жулька. Невысокий, разно-

мастный, как ртуть, подвижный кобелёк-кабыздох. Детство Жульке выпало, судя по всему, не солнечное. В его голове с висящими ушами постоянно жила мысль-предупреждение о голодных временах, которые могут в любой момент нагрянуть, и тогда рад будешь любой заваливающейся косточке. Поэтому по всему двору, во всех углах имелись тайники с собачьими драгоценностями. Закладывались они на чёрный день. При этом Жулька был постоянно обеспокоен – а не обнаружит ли кто-нибудь его запасы? Не посягнут ли на его тайники лихие конкуренты? Посему постоянно перепрятывал содержимое своих захоронок. Особенно в моменты появления потенциальных расхитителей. К примеру, козы возвращаются с пастбища, Жулька слышит их приближение и начинает суматошно носиться по двору, выкапывать кости и в спешном порядке закладывать тайники в новых местах. Если Жулькина миска была полной, как и желудок хозяина, он бросался через силу пожирать содержимое посуды, давился, торопясь поскорее опорожнить её. При этом пытался грозно рычать, дескать, не подходите к моей еде – загрызу. В результате получалось что-то рычаще-чавкающее и вовсе не грозное.

Сторожем был отменным, если хозяин рядом. В его присутствии заливался лаем на чужаков, зло ярился. Однако без хозяина ничего не стоило покинуть объект. Страшно любил ходить с Валерой в Таёжку. После того как Валера покидал двор, Жулька выжидал какое-то время, а потом партизаном

выбирался за ограду и, скрываясь в зарослях по обочинам, пробирался следом. Надолго соблюдать конспирацию терпения не хватало, выскакивал на дорогу и... попадался. Валера отчитывал неслуха, отправлял домой. Жулька, понутив голову, слушал нелицеприятные слова в свой адрес, затем поворачивался и старательно делал вид, что он самый послушный пёс на свете, да чуток оступился, но осознал свою ошибку, кается и бежит охранять объект. Однако через пару десятков метров нырял в заросли обочины и снова брал курс в направлении Таёжки.

Был казус, в одном из самочинных путешествий в притвор церкви юркнул. Пришлось батюшке освящать его.

Любил Жулька Валеру со страшной силой. После долгой разлуки так выражал радость при встрече, что обязательно писался.

«Как-то сидим летом на крыльце с соседом, Герой-чеченцем, – рассказывал Валера, – на дворе куры, гуси, быки – все вместе. Козочек уже взял. Гера удивился идиллии, никогда, говорит, такого не видел. Объяснил ему, что молюсь о скотине каждый день. В Вербное воскресенье освящённой вербочкой быков, коз, гусей похлестал. Дом освящён. Божья благодать своё дело делает. Скотину на пастбище не раньше, а только на Георгия Победоносца выпустил. Всё как положено».

С освящением дома как получилось. Месяца два Валера пожил на Выселках, батюшка Антоний в гости приехал, Ар-

кадий привёз его. Батюшка устал, шутка ли – восемь часов в машине, а возраст за восемьдесят. Сел чайку с дороги попить, потрапезничать. Вдруг искоса на Валеру глянул. Валера подумал, не тем угощает дорогого гостя. День не постный.

– У тебя дом-то освящён? – спросил батюшка.

– Нет.

– Сейчас освящать будем. Чаи потом. Год выращивал Валера быков, сдал живым весом и просмеялся-прослезился. Человек скрупулёзный, каждую копеечку затрат записывал, поэтому прибыль точно высчитал. Получилось по семьсот рублей в месяц. Не с одного быка, со всех пяти. Сумасшедший доход.

«Как на эти деньги прожить сельскому человеку? – задаёт Валера риторический вопрос. – Откуда энтузиазм возьмётся на животноводство у местных? Корма покупать невыгодно, в этой местности их давно перестали сеять-выращивать, привозят за полтысячи километров, цена соответствующая, сено тоже в копеечку влетает. Для сравнения скажу, на второй год повезло на пилораму устроиться. Загрузил КамАЗ пило-материалом, тебе семьсот рублей наличкой хозяин вручает, на быках эту сумму за месяц зарабатываешь, а через восемь месяцев только получишь. Гусей взять. Поехал в район на базар продавать битую птицу – никому не нужна. Никому. Хорошо вовремя сообразил, знакомым, одному да другому, позвонил в город, Рождество на носу, сарафанное радио рекламу сделало, заказов надавали, только так реализовал».

Картошкой Валера засадил огород в первую весну от забора до забора. У прежнего хозяина возделываемая земля давно сузилась до заплаточки, Валера всю плугом разодрал, как без картошки в деревне – себе, скотине и на продажу. Подошёл из принципа «растить, так растить», семена не первые попавшиеся сажал, у бывшего агронома бывшего колхоза, что да как расспросил и по его совету поехал за двадцать километров к известному на всю округу фермеру, который выращивал картофель, и закупил семена сорта «розария». Под завязку нагрузил свои старенькие «жигули», едва не угробил, по ходу движения заднее колесо вместе с полуосью выехало. Хорошо, вовремя заметил, что колесо на полметра вышло за габариты машины.

Осень показала – не прогадал с семенами. Каждой лунке при посадке поклонился, в каждую опилки, в специальном растворе смоченные, положил – расти, картошечка. Без малого тридцать соток под картошку отвёл. Вовремя прополол, вовремя окучил. Вовремя дожди упали. Больше ста мешков в первый год взял. Ух, радовался, когда копал. Потом, как с быками, хочешь – слёзы утирай, хочешь – улыбайся в тридцать два, или сколько там осталось зубов. Цена – пять рублей за килограмм.

«Один год вообще по три, – вздыхает, вспоминая агрономические опыты Валера, – было и того хуже – вообще не брали. Спустил в погреб, весной достал, чтобы за копейки продать. Сколько здоровья на ту картошку, тягая мешки, поло-

жил. Самая большая цена была двенадцать рублей. И то “кому война, кому мать родна”. В тот год засуха в европейской части России была, всё погорело, с Курской области приезжали купцы за картошкой».

На четвёртый год Валера ограничил возделываемую площадь огорода до семи соток. Опыт с быками уже на второй год повторять не стал, как и с гусями. Коз держал для себя, доил. Сыр козий делал.

«Очень вкусный получался, – вспоминает Валера. – Кофейного цвета. Отличный сыр. Коза не корова, легче прокормить. Коров у местных почти не осталось. Козы хорошо доились, была бы возможность сдавать молоко, запросто можно держать в коммерческих целях, да никто молоко не принимает. По детству помню у бабушки в деревне каждый вечер ездила подвода с флягами, хозяйка выходит из дома, выливает... Ничего этого нет. Никому не надо. А вы говорите, ещё не последние времена».

Большую надежду Валера возлагал на пчёл.

С идеей пасеки бился до последнего.

Изначально, собираясь на деревенские хлеба, думал о пчёлах. Не телята, гуси, а благородные пчёлы, которые по капельке нектар собирают. Ты по капельке стяжаешь благодать Божью, по капельке преобразовываешь себя, пчёлы по капельке обращают нектар в мёд. Пасека, представлял Валера, это почти затвор. Пчёлки трудятся, одни на луга взятку брать полетели, другие, отягчённые нектаром, к уликам то-

ропятся. А ты в этой гармонии, руками что-то делая, творишь непрестанную молитву. Сама обстановка пасеки к ней располагает. Высокая организация пчёл, уединённость, безмолвие...

Вариант с пчёлами сразу подвернулся на Выселках. Хозяин, у которого Аркадий купил дом, был пчеловодом. Профессиональным. Всю жизнь кормился пчёлами. Предложил Аркадию купить свою пасеку из ста ульев. Аркадий жить на Выселках собирался в дачном формате, о пасеке не могло быть речи, отправил пчеловода Валере. За семьсот тысяч он продавал всё: от ульев с семьями до машины ГАЗ-66 с будкой. От дымокуров до фляг алюминиевых под мёд.

– Бери, – настойчиво предлагал, – деньги не такие уж большие. Но мне нужны сразу – сыну надо помочь с машиной.

Валера обратился к благочинному отцу Евгению, настоятелю храма в районном селе. Он окормлял приход в Таёжке, когда там не было своего батюшки. Надо сказать, зачастую – не было. Не задерживались священники в Таёжке. Валера предложил батюшке Евгению взять пасеку на двоих. Занять денег, а потом с мёда рассчитаться. Батюшка заинтересовался.

– Даже знаю, у кого занять, – сказал, – пасека – дело очень хорошее.

– Можно и кредитора в долю взять, Я беру на себя всю работу на пасеке.

– Пчёлами мой кредитор заниматься не будет, а денег в долг должен дать.

У батюшки Евгения пятеро по лавкам, с трудом сводил концы с концами. Пасека сулила постоянный доход.

Батюшка попросил неделю на раздумье и отказался по истечении контрольного срока:

– А если не получится, – объяснил причину отказа, – как рассчитываться будем?

– Почему не получится?

– Валера, сто ульев – это не один домик. Почему-то он продаёт выгодный бизнес.

– Ему сыну на автомобиль надо.

– Что же он на мёде не наберёт? В конце концов подождал бы сын, поди, не пешком ходит.

Валера поначалу сильно расстроился. Как бы славно с пчёлками, молись да работай. И время поджимало, если с пчёлами заводиться, месяц, полтора пройдёт, и можно разворачивать пасеку где-нибудь поблизости на лугу, а то и прямо в огороде, площади хватит. Покручинился Валера и смирился, раз воли Божьей нет, зачем лоб расшибать. Купил гусят, бычков.

Однако мысль о пчеловодстве лелеял и делал практические шаги. Собирал инвентарь, по случаю купил медогонку, пяток ульев, пока без семей. Книги собирал. И обобщал опыт местных пчеловодов. В результате чего выяснил: почти все от пчёл отказались. Одна из причин – сотовая связь. Пче-

ла теряет ориентацию в пространстве и не может вернуться домой. К концу лета семьи становятся малочисленными, слабыми, взятки мёда маленькие, семье трудно выжить. Местный пчеловод рассказывал, когда Ростелеком поставил в Таёжке вышку для телефонной связи, пчёлы поначалу вели себя неадекватно, совершая хаотичные полёты...

Вторая напасть – пчелиный клещ, который косил поголовье. Как результат, масштабных пчеловодов в округе не осталось, кто и держит – два-три улика, исключительно для себя.

А бывший хозяин дома Аркадия, предлагавший Валере пасеку за семьсот тысяч, так и не продал её, никто не позарился. Пчёлку выпустил, правильнее сказать – выбросил.

По всей планете сокращается пчелиное поголовье. В США и Европе называют три основные причины катастрофы с пчёлами, кроме сотовой связи и клещей – сельское хозяйство с его губительными пестицидами. Но какое сельское хозяйство с ядохимикатами на сотни километров вокруг Таёжки? Давно уже пахотные земли не то что травой – деревьями заросли.

«Попал бы в капкан с пасекой, – говорит Валера, – Бог миловал. Эйнштейн пророчествовал, когда пропадут пчёлы, “людям останется только четыре года жизни”, голод обрушится на планету, ведь основные опылители злаковых – пчёлы».

И всё же оборудование для пчеловодства Валера хранит. Книги знакомому по Выселкам дал почитать, но лишь во

временное пользование.

На своём горьком опыте понял, жить в деревне, зарабатывая трудом на земле, невозможно. Единственное, что может дать доход, – коневодство. Братья казахи выручали. На «коневозах» объезжали область и покупали полуторагодовалых лошадей за хорошие деньги. Брели «с хвостами и головами» и на ура. Одна Астана каждый день пускает на махан и иные казахские деликатесы хороший табун лошадей, а ещё есть Алма-Ата и другие города и веси мусульманского государства, своих коней с такой скоростью подъели, что возник устойчивый дефицит.

Валера, было дело, помечтал о коневодческом бизнесе. Бывший зоотехник колхоза на развале Советского Союза кое-что поимел из народной подвижности и недвижности. Предлагал на пару заняться выращиванием лошадей. Пяток коней держал, но мечтал расширить производство.

«Возьмём полутяжеловозов, – предлагал Валере, – они быстро вес набирают, не надо полтора года ждать, можно раньше продать. У меня сеноуборочная техника есть, два трактора, покосы и выпасы, в качестве конюшни – бывшая колхозная ферма. Всё есть, кроме денег на молодняк. Найди миллиона два, и займёмся вместе. Не прогадаем».

Откуда, спрашивается, у Валеры такие деньги?

Так что продолжал трудиться на пилораме. Работа ломовая, бесполезная для поясницы и внутренних органов, но деньги платили неплохие.

Глава восьмая

От противного

Мы уделили немало места рассказу о деревенском хозяйстве Валеры. Не подумайте, мирская жизнь затянула нашего героя без остатка, дальше гусей с картошкой ничего не видел, застили всё на свете. Скотина и огород отнимали немало сил и времени, однако о молитвенном подвиге Валера не забывал.

В свой самый первый деревенский год Великим постом, кроме всего прочего, взял на себя послушание читать канон о «Самовольно жизнь скончавших». Участь дяди Славы беспокоила, всем сердцем хотел помочь дорогому человеку, печалился, что никто, кроме него, не поддерживал дядю. Его дети, двоюродные сёстры Валеры – Нина и Вера, – далеки от церкви, жена вышла замуж. Сорок дней, вплоть до Страстной седмицы, каждую ночь в двенадцать часов (ночная молитва самая сильная) поднимался читать канон. Горела лампадка перед иконами, веяло теплом от бока печки. Батюшка Антоний учил: в пост мы наиболее защищены, страсти угасают, демоны на обезжиренном довольстве, слабо от нас кормятся.

Всё шло хорошо. Единственное, в какой-то период, дня на

три или четыре нахлынуло состояние сильной скорби. В голову остро засела мысль о дяде Славе, словно трагедия произошла совсем недавно, сердце вновь плакало от боли утраты. Позже прочитает у старцев, такое возможно, если Господь подвигает тебя на молитву об усопшем. Он желает твоих действий в помощь почившему – молитвы, милостыни.

Никаких других настораживающих изменений в пост в душе не происходило. Зато после Пасхи... Казалось бы, пост окончился, ежедневно поётся тропарь «Христос воскрес из мёртвых...» Выйдешь за ворота – весна золото-зелёным валом по земле катится... Река открылась ото льда, луга, склоны холмов облила зелень... Каждый листочек трепещет новой жизнью. Птицы загомонили, кукушки закуковали... Они в том краю нечто особенное. Хором поют. К примеру, одна рядом за огородом принялась за свою песню. Не успела взять паузу, прерваться на перерыв, из тайги другая «ку-ку» повела. За ней третья подключилась. Закуковало, закуковала округа. Без изысков песня, а заслушаешься. Никто так не поёт. Пусть соловей – неоспоримый солист среди пернатых, да его переливы, замысловатые коленца, слышишь, будучи рядом, пение кукушки на километры разносится, подчёркивая глубину пространства. Концерты кукушки устраивали под вечер, в грустно-прекрасные часы, когда небо становится ниже, окрашивается закатными красками, ветер стихает. И недвижимый воздух начинают прошивать со всех сторон ни с чем не сравнимые звуки – ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Однако в тот май ничто не трогало сердце Валеры, ходил словно замороженный, сердце, как под наркозом... Нет в душе воскресения, не окрыляет её радость светлых дней с их тропарём «Христос воскрес...». В душе коктейль из уныния, печали, безразличия и маловерия. То и дело возникало в голове: зачем я здесь? Что хочу себе доказать? Что могу сделать слабый, немощный человек?

«Была бы возможность причаститься, – анализировал то своё состояние Валера, – но батюшка Роман, он у нас тогда служил, на месяц уехал. Вот когда по-настоящему понял пустынников из повести протоиерея Валентина Свенцицкого «Граждане неба», которые сетовали, насколько бывает трудно без причастия в пустыни, никакая келейная молитва не заменит его».

Скис Валера. Господь творил чудеса на глазах апостолов – исцелял, воскрешал, всё равно ученики просили Его: «Умножь в нас веру». Валере на фоне уныния пришёл безумный помысел: врага бы увидеть что ли, дабы встряхнуться.

Математики используют метод доказательства от противного. Валера посчитал: ангела лицезреть он просто-напросто не достоин. С его-то грехами, о каком ангеле может идти речь? Если и появится ангельское существо, не верь своим глазам! Категорически не верь, сразу ищи копыта у гостя в ангельском обликии. Они обязательно должны быть. Поэтому лучше на врага в его истинном виде посмотреть.

Бес не заставил себя долго ждать. Валера лёг спать и ока-

зался в состоянии, которое называл «как в трансформаторной будке». Тревожное, напряжённое. Начал забываться и слышит – дверной скрип. Если учесть, что одна дверь на веранде (само собой, её на ночь закрыл на засов), а вторая с веранды в дом (тоже кованый крюк изнутри накинута), то характерный звук открываемой двери энтузиазма у Валерия не вызвал.

«Читал в книгах, – рассказывал о впечатлениях той ночи, – выражение “кровь отхлынула от головы”. Дверь скрипнула, и я прекрасно ощутил смысл этих слов. Кровь разом ушла из головы. Паники в душе не возникло, а голова опустела до звона, стала холодной. Лежу с закрытыми глазами, он идёт».

Шёл гость, не таясь. Как великан, закованный в железо, обутый в железные сапоги. Ступал, будто шествовал не по деревянному полу сибирской избы, а по каменному огромного средневекового замка. Вот с лязгом опустил сапог на пол, затем пауза, гнетущая тишина, снова гулкий грохот от соприкосновения железа и камня.

Валера почувствовал, как сгустился, уплотнился вокруг него воздух. Каждый его атом, каждая молекула испускала тяжёлую энергию, заполняющую дом.

Гость медленно приближался к кровати... Идти всего ничего, метров шесть, а он шёл и шёл... Валерий принялся читать закликательные молитвы – «Живой в помощи» и «Да воскреснет Бог». Не открывая глаз, сосредоточился на мо-

литве, дабы не сбиться, не дать возможности бесу скомкать её.

И вдруг сами собой кулаки сжались, накатило мужское желание ни больше, ни меньше, а дать по морде ночному визитёру. Зачем притащился? Что тебе надо? Параллельно молитве ретивое взыграло – открыть глаза, вскочить и выдать двойку правой-левой по печени и в челюсть.

«Так захотелось врезать по бестолковке!» – вспоминал потом.

Почти как у афонского монаха, который при явлении демона прочитал: «Во имя Отца и Сына и Святого духа», – и бросился на врага, пытаясь «врезать по бестолковке» и другим частям бесовской сущности. С монахом враг не возжелал вступить в физическое единоборство, мгновенно исчез. Неизвестно, как бы отреагировал на выпад Валеры, но до контактного поединка не дошло.

Навык чтения молитв на бесовские напасти имелся. Начинал Валера с «Живый в помощи Вышняго», не хватало псалма, добавлял «Да воскреснет Бог». Если врагу удавалось спутать молитву, возвращался к её началу, каждое слово надо гвоздём вбить во врага.

Прочитал с ходу, без запинок и почувствовал – проняло гостя. Отступил, сместился к окну, властный великан съёжился, скукожился, затаился в ожидании.

Валерий открыл глаза, сел на кровать и с шумом всей грудью втянул в себя воздух. Сердце заломило болью. Вдох по-

лучился, будто нырнул ты с лодки с одним желанием, как можно дальше уйти на глубину. Нырнул, подхлёстывая себя: терпи, терпи, ещё глубже, ещё немного... Наконец достиг предела, резкий поворот и, отчаянно работая руками-ногами, устремился наверх. Летишь, будто пробка из бутылки, с непреодолимым желанием – сделать вдох. Начинается лёгкая паника. Ты готов вдыхать воду. Наконец, выскакиваешь на поверхность, вот он, долгожданный глоток воздуха, кажется, лёгкие не выдержат, разорвутся на части.

Что-то подобное произошло тогда.

«Получается, не дышал, когда читал молитвы, – рассказывал Валера о той ночи. – Он стоял в шаге, а я молился с парализованным дыханием».

Валерий продышался и начал спешно, на вдохе-выдохе, часто крестясь, читать «Богородица Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...» Горела лампадка, пламя отражалось на ликах Богородицы, Иисуса Христа, Николая Угодника. А он молился-молился, взахлёб, торопливо...

Чуждая энергия, наполнявшая комнату, ушла. И всё же присутствие гостя всё ещё чувствовалось. Господь будто испытывал Валерия, как поступит дальше?

Валерий включил свет, с молитвой «Да воскреснет Бог» окропил святой водой стены, окна, двери, постель, себя.

На память пришли слова Серафима Саровского о бесах: «Они обладают таким для человека и для всего земного невообразимым могуществом, что самый маленький из них

может своим когтем перевернуть землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за Божественные заслуги Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения врагии».

Через месяц при встрече расскажет отцу Антонию о визитёре. Батюшка отругает за эксперимент:

– Демоны только и ждут момента подцепить нас. На всякие ухищрения идут, стараясь подловить. Тебя ловить не надо, сам возжаждал встречи.

Глава девятая

Сон

Валера относился к сновидениям осторожно. Иронизировал по поводу женщин, любящих «мусолить сны». На вопросы о снах приводит пример Иоанна Лествичника, который утверждает, что от Бога те, которые показывают ад и муку, да и то, если не вызывают уныние. В противном случае они тоже от беса. От Бога могут быть в критических ситуациях: угроза смерти, вопиющая несправедливость. И то, если во сне присутствует неискажённый православный крест или является Божья Матерь в каноническом образе. А искажённый крест бесы запросто могут подсунуть, истинного боятся – пополяет их.

Старец Силуан Афонский в отношении снов учит – не принимай и не отвергай. Другими словами, думай.

Повествование наше хроникой назвать нельзя, легко перемещается по шкале времени. Сделаем скачок на добрый десяток лет вперёд и завершим тему, которая остро живёт в душе у Валерия, – дядя Слава.

Приснился Валерию дед. Любимый, тот самый, после смерти которого внук был в спешном порядке стараниями бабушки крещён. Валерий, как только начал воцерковлять-

ся, стал поминать деда в домашней молитве, вписывать его в записки на проскомидию, заказывал панихиды в родительские субботы Великим постом и на Радоницу...

Умер дед в 1980 году. А через тридцать пять лет, это уже после Таёжки, явился Валере в странном сне. В военной форме, бравый и красивый идёт с взводом солдат. Пустая просёлочная дорога – ни машин, ни телег – Валерий беспечно шагает, навстречу отряд. Дед в первом ряду. Смотрит на внука, глаза радостные, и в то же время читается в них скорбь. Валерий решает про себя: деду отдана команда арестовать внука за грех, который мучил его на тот период и с которым не мог справиться. А дед на службе у Бога, ловит грешников. Отправили арестовать внука и доставить в узилище. Будь во главе отряда кто другой, Валера побежал бы со всех ног, от деда не мог...

В этот момент проснулся. К чему сон? По Силуану Афонскому – не принимай и не отвергай. «Почему дед в военной форме?» – задавался вопросом, разгадывая символику увиденного. Деда праведником не назовёшь. Курил, выпивал, мог матерное слово обронить в сердцах. Но воевал, кровь проливал за Родину, Евангелие от Иоанна гласит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Присутствовал во сне ещё один человек в военной форме, с лицом строгим и серьёзным, к отряду, идущему арестовать Валерия, не имел отношения. Вне строя и поодаль от

него шёл дядя Слава. Тоже в военной форме, её мог носить по праву, даже был ранен. Воевал не на Великой Отечественной войне, родился в сорок шестом, дядя Слава участвовал в военном конфликте с китайцами на острове Даманский. Раненный в ногу, отказался уходить с поля боя, продолжал вести огонь из пулемёта, пока подмога не подоспела. Медаль имел за тот бой.

По выражению лица дяди Славы Валерий понял, раскаивается, что руки на себя наложил.

Загадочный сон. Дядя Слава и дед одновременно. К чему бы? Знаменательно, сон приснился в ночь на двенадцатое июля, на Петра и Павла, а дед был Петром Ивановичем. Хочешь не хочешь, да задумаешься.

Спросить бы бабушку Антония, да ко времени сна он год как почил.

После опыта чтения канона «Самовольно жизнь скончавших» в Великий пост больше к нему, по совету бабушки, Валера не возвращался. Милостыню, поминая дядю, подавал и всё.

Этот сон – единственное, что было показано Валере о дяде Славе. Воспринял его, как наставление дядю и впредь не забывать.

Глава десятая

Алёшка

Дореволюционные психиатры при диагностировании сумасшествия, дабы отличить данное заболевание от напасти духовного характера – одержимости, – использовали следующий приём: перед пациентом ставилось десять стаканов с водой. В девять наливалась святая, в один – простая. Болящему предлагалось взять любой стакан и выпить. Одержимый бесами всякий раз, сколько бы ни повторялся этот опыт, выбирал не святую воду.

Напротив дома Валеры жил раб Божий Алёшка. На вид нормальный деревенский парень. Чернявый, скуластое лицо, быстрый шаг. Возрастом под тридцать. У него был крепкий пятистенок, но без хозяйского догляда. Алёшка жил бобылём, родители умерли один за другим, он остался один в доме. Имелся старший брат, жил в Никольском, соседнем селе. При покупке дома о странностях соседа Валере никто не обмолвился. Лишь позже сказали, что Алёшка – парень смиренный, но случаются периоды, когда «дома не все в наличии» и «шарики за ролики заходят».

К примеру, вдруг Алёшка начинает шагать спиной вперёд. Взрослый парень, мужик резво включает задний ход и таким

образом чешет вдоль по Выселкам.

– Ты чё, Алёшка, дурачишься? – спрашивают удивлённые односельчане.

– Да, там инопланетяне на тарелках прилетели, с них прожектора бьют, прямо в глаза целят. Слепят, блин, никакой дороги не разобрать, боюсь в грязь врюхаться.

Алёшка не принадлежал к племени трезвенников. Поэтому односельчане списывали заскоки на водку и слабую сопротивляемость головы к воздействию алкоголя. Другому мужику надо ой-ё-ёй сколько выпить до помутнения мозгов, чтобы начать околесицу нести, Алёшка от малой дозы молол языком что ни попадя. Однажды объявил всей деревне, что ночью пойдёт на кладбище и поднимет мертвецов.

– Ждите, – обещал, – всех до единого приведу.

– Так они тебя и послушаются, возьмут под козырёк, – говорили односельчане.

– Послушаются, – утверждал Алёшка, – я с ними ведь разговариваю.

Это из безобидных примеров, которые можно расценить как пьяную дурь.

Был эпизод, собаке своей голову отрезал, домой занёс и положил на кровать.

Небезобидно поступал с соседкой тётей Галей. Под самыми окнами сложит поленья костром, бересты надерёт, между поленьев натолкает. Останется только спичкой чиркнуть. После чего входит в дом к тёте Гале и просит:

– Бабка, дай покушать.

Не грозит поджогом, не стучит кулаком по столу: если не дашь пожрать, чиркну спичкой. Про спички ни слова, «покушать» просит. Тёте Гале не до дипломатических тонкостей, сердце её сорвалось в свинячий галоп, когда увидела Алёшку, деловито раскладывающего костёр под её окнами. Поэтому бросается накрывать на стол, выполнять желание соседа.

Валера, наблюдая за Алёшкой, решил про себя: если предложить ему тест из десяти стаканов с водой, выберет, где простая, святую обойдёт. Бесноватый он. Резкое обострение у Алёшки началось с переездом Валеры. К Валере приезжали священники, монашествующие, в доме его служились молебны, читались акафисты.

Сельчане говорили: раньше Алёшка таким не был. Выходки его не носили зловещий характер.

Однажды Валера просыпается, у Алёшки окна, что выходят на улицу, без рам, зияют чёрными дырами, а в палисаднике, на дороге перед домом валяются телевизор, матрац, подушки, какая-то одежда...

– Алёшка, что случилось?

– Ремонт делаю.

Кое-как уговорил, занесли вещи обратно в дом, окна вставили.

Тот вечер и ночь надолго запомнились в деревне. На Выселках жила Татьяна Бреднева. Она протопила баню, заходит, а там голый Алёшка намыливает мочалку. Татьяна воз-

мутилась от такой наглости:

– Ты чё здесь делаешь?

– Моюсь.

Татьяна побежала домой, доложила мужу Роману о непотребстве, творящемся в их бане. Муж кинулся разругивать ситуацию, выгнал Алёшку и пообещал:

– Застрелю, если такое повторится!

Роман – мужчина горячий. Алёшка отбежал на приличное расстояние и кричит:

– А я тебя подожду, а я тебя подожду!

Полночи Роман с Татьяной прислушивались к каждому звуку. Будешь держать ушки на макушке, полгода назад рядом с ними дом дотла сгорел, грешили на Алёшку. Прямых доказательств не было, да в тот злополучный вечер его видели возле дома. Поэтому угрозу восприняли серьёзно. Стоило собаке залаять, вскакивали и бежали в огород, осматривали сараи, баню.

Валера спал, ничего не зная об Алёшкиных выходках. Вдруг стук в окно. В деревне жил грузин Гриша, кстати, православный, лет десять назад женился на местной женщине и осел в Таёжке. Он тарабанил в окно, призывая Валеру на помощь.

Гриша купил на запчасти старенькие «жигули», на улице перед воротами поставил. Слышит, какая-то возня перед домом, выглянул, а там Алёшка (всё так же в чём мать родила) взял пятиметровую плаху, под машину засунул, чурбак под-

катил под середину плахи, на свободный конец сел и пытается перевернуть машину.

– Ты что делаешь? – спросил возмущённый Гриша.

– Не видишь, качаюсь.

Гриша погнал гостя с угрозой:

– Ну-ка вали отсюда, у меня дочь, а ты голый, сейчас Арчика отвяжу.

Арчик – овчарка ростом с телёнка.

Алёшка повиновался, но тоже оставил последнее слово за собой:

– Ладно-ладно, – пообещал, – жди, я ещё приду.

Сначала заявился во двор к тётке Гале. Вооружился дрыном, где-то подобрал хороший берёзовый с оглоблю величинной, и принялся крушить веранду тётке Гале. Та, конечно, закрылась на все крючки и запоры, сидит, трясётся, Алёшка знатно прошёлся по веранде, побил стёкла, переломал рамы. Набрался ярости и двинулся с дрыном к Грише. Начал погром с ворот. Затем проник во двор. Арчика не испугался, ухитрился отвязать. Тот в благодарность за свободу укусил чужака.

Пока Алёшка отбивался от Арчика, Гриша выскользнул из дома и побежал за подмогой.

– Помогай! – воззвал к Валере.

Ночь безлунная, темень кромешная. Валера вышел на улицу, вроде тихо, не слышно буяна. Да всё одно – вязать надо буяна. В таком состоянии ничего не стоит ему поджечь

Выселки. Начали формировать спецбригаду. Первым Романа позвали, тот в очередной раз выскочил на крыльцо на лай собаки, а тут ополчение собирают. Геру-чеченца кликнули.

Подошли к Алёшкиному дому, тот услышал голоса, выглянул из ворот. По-прежнему голый, в руках дрын, дескать, я вас сейчас сделаю.

– Будем вязать? – тихо спросил Гера-чеченец.

– Ребята, я сейчас, – сказал Валера и побежал в сторону своего дома.

Вернулся с не меньшим дрыном.

Алёшка отбросил свой и поднял руки:

– Сдаюсь, мужики, больше не буду.

Ему не поверили, кинулись вязать. Алёшка сдаться сдался, но перспектива быть связанным его не обрадовала. Мужики навалились, образовалась куча мала. Алёшка отчаянно сопротивляется. Арчик тоже прибежал на шум, скалится на кучу малу, рычит. Что уж на него нашло, никого другого, а хозяина Гришу цапнул за икру.

Общими усилиями связали Алёшку, на травку положили. Вызвали фельдшера и главу администрации Таёжки. Надо что-то делать. Ведь или деревню спалит, или убьёт кого.

Пока обсуждали сложившееся положение, Алёшка развязался. Сначала молотил всякую чушь, потом придумал кататься по траве. И развязался. Вовремя мужчины заметили вставшего с земли пленника. Валера предложил использовать спальный мешок в качестве смирительной рубашки. Так и

сделали. И на этот раз Алёшка приёмом перекатывания сумел ослабить путы. В итоге добился того, что его в спальном мешке привязали к пятиметровой плахе. А плаху под углом поставили к стенке сарая, чтобы никаких телодвижений Алёшка не делал. Фельдшер со своей медицинской стороны уколом успокоила Алёшку. В конечном итоге его загрузили в «уазик» и повезли в район. Всё так же в связанном состоянии, но без доски. Специального отделения в районной больнице не имелось, в терапевтическом была палата наподобие надзорной. Туда Алёшку закрыли.

Дня через два он окончательно успокоился и получил свободу на законном основании.

«Мы что можем сделать, – отговорился главврач, – у нас психушки нет, пусть родственники сами везут в область. Нам не на чем транспортировать в такую даль».

Брат забрал Алёшку в Никольское. На новом месте тот вёл себя смирно. Только что картошку выкопал у бабушки-соседки. Она с месяц как посадила, Алёшка в её отсутствие, пока была у дочери в Таёжке, выкопал. Сказалась слабость старушкам досаждать.

Валера пытался разъяснить Алёшкиному брату, что Алёшку надо обязательно, не откладывая, везти к святыням, в монастыри, а лучше сразу к отцу Герману (Чеснокову) в Сергиев Посад, он постоянно отчитывает бесноватых.

Позже Валера не один раз себя корил, не сумел убедить брата Алёшки, тот равнодушно отнёсся к семейной беде –

ни в больницу не повёз бесноватого, ни по монастырям...
В результате Алёшку потеряли. Замёрз. Что уж понесло его
среди ночи за реку?.. Говорили, подрался с братом, хлопнул
дверью...

Глава одиннадцатая

Три мушкетёра

Валера называл их «кружком юных подвижников», а Миша Лаврентьев, Валерин знакомец по Таёжке, окрестил троицу – «три мушкетёра», хотя ходили в подрясниках, скуфейках, а вместо неизменных шпаг – неизменные чётки. Звали парней Артём, Гена и Пётр.

– Что им надо? – спрашивал Миша у Валеры.

– Себя ищут. Бога ищут.

– Это как понять?

– У кого-то из святых есть рассказ. Отец заметил, что десятилетний сын часто уходит в лес. Забеспокоился. «Хожу молиться», – объяснил сын. «Зачем куда-то ходить, Бог вездесущ». – «Он вездесущ, но в лесу я становлюсь ближе к Нему». Подвижники во все времена ищут эту близость. Мушкетёры вбили себе в голову, что им надо пожить в безлюдном месте. Хотя до пустынников им ой как далеко.

– Почему?

– Уже потому, что курят. Не освободились от грубых страстей – сигареты, пиво и так далее, а уже в пустынники наострились. Новомученик оптинский иеромонах Василий говорил: «Курить и стяжать Божью благодать – то же, что во-

ду в решете носить».

О Мише Лаврентьеве, одном из немногих по-настоящему основательных жителей Таёжки, мы далее поговорим подробнее, сейчас о трёх мушкетёрах.

Когда Валера приехал в Таёжку, они были там. Пели на клиросе, подвизались в послушаниях по храму. Гене и Петру было под тридцать, Артёму – двадцать. Пётр из Красноярска, Гена из Кемерова, Артём – детдомовец. Петр и Гена познакомились в паломничестве в Санаксарах, Артём прибил к ним позже. С ним случилась банальная по нашим временам история.

Давняя песня: если ты считаешь, что Бога нет – бояться некого? Четыре греха вопиют к небу, требуя немедленного отмщения. Удержание mzды наёмничьей – раз, содомский грех – два, намеренное убийство – три, притеснения вдов и сирот – четыре.

Порядок не важен. Одна из их примет последних времён – стирание граней между «плохо» и «хорошо». Дьявол затирает жирной грязью «хорошо», уравнивая его цветом с «плохо». Сколько новых русских «кидали» наёмных работников при расчёте с ними. Знакомый каменщик рассказывал: нанялся с бригадой на строительство крутого гаража на крутой даче по заказу крутого бизнесмена.

Сделали, позвонили заказчику, тот подкатил на новеньком БМВ, «бандитовозами» их звали.

Вышел из машины, оценил работу:

– Недурственно, мужики. Даже спасибо скажу.

– Чё недурственно, хозяин, – оживился разбитной бригадир, польщённый реакцией «хозяина» и довольный завершением работы. – Вообще хорошо. Лично мне очень нравится, постарались мужики.

– Тебе бы ещё не нравилось, – осклабился заказчик.

И завершил разговор красноречивым «до свидания».

– Погоди, хозяин, а когда расчёт? – в спину заказчику поспешно бросил бригадир. Его карман уже предчувствовал вдохновляющую тяжесть mzды. Кроме того, хозяин «булькающий аккорд» посулил, если сделают хорошо да быстро. «Литряк водки поставлю», – пообещал.

– Я же сказал «спасибо»! – с недовольной физиономией обернулся заказчик. – Чё тебе ещё?

И пошли работяги зноем палимые, без mzды, без «жидкого аккорда». С одним «спасибо». С киянкой на такого заказчика не бросишься в поисках справедливости. Как, впрочем, и с ломом. В БМВ, терзая зубами жвачку, сидели три бритоголовых мордovorота.

В девяностые годы сплошной вопль стоял к Небу об отпущении за удержание mzды. Пенсионерам месяцами задерживали пенсии, рабочим – зарплату. «Хозяева» сидели в креслах министров, банкиров, директоров. Божьей кары не боялись да и не знали толком о ней (хотя незнание, как утверждают знатоки, не освобождает от ответственности), муками совести тоже не были обременены.

Если дальше пробежаться по вопиющим к небу грехам, стоит сказать, в нашем относительно православном государстве находятся те, кто «нельзя» содомского греха стараются поменять на «можно». В нужный момент обязательно выныривают из небытия депутаты, чаще почему-то – депутаты, протаскивающие бесовские законы. Умеет враг уловить женщину в свои сети. Не за горами, когда апологеты эвтанизии вынырнут на свет из своих табакерок с умными речами и статьями. Одним словом – сложны времена наши.

Вернёмся к конкретному случаю – Артём. По государственной программе выделения жилья для сирот получил он однокомнатную квартиру в новом доме. Надо думать, он ещё не въехал в неё, уже была поставлена галочка напротив его фамилии и адреса.

На пьянстве Артёма достать было невозможно. Тот случай, когда яблоко от яблони вообще укатилось из сада. Отца с матерью Артёма лишили родительских прав за пьянство, Артём спиртное на дух не принимал. Алкоголизм достался ему по наследству с обратным знаком. И за то мамке с папкой спасибо. Артёма подловили на другом, нашли к нему ключик древний, как мир, банальный до неприличия.

– Я увидела тебя и всё, – шептала в страстном порыве Анджела, – сердце оборвалось, колени ослабли, кровь от лица отхлынула – вот он, мой мужчина!

Случайная, как считал Артём, встреча, за один вечер и ночь переросла в окрыляющее чувство, Артёма накры-

ли нежность, материнская забота, которой никогда не знал, женский жар. Сердце пело от счастья, дни летели в любовном порыве, а когда они сложились в месяц, медовый месяц, Анджела предложила начать серьёзную жизнь. Объяснила, что как честная девушка гражданских браков не признаёт, привела Артёма в прекрасную двухкомнатную квартиру.

– Ты продаёшь свою, я – свою, мы женимся, въезжаем в это наше гнёздышко, и нет счастливей нас на свете! Да?

– Да-да-да!!! – подхватил Артём своё счастье на руки и закружил Анджелу по «гнёздышку».

Вдохновлённый перспективой лучезарной жизни с нежным длинноногим созданием, Артём решительно продаёт квартиру, отдаёт деньги, все до копейки, Анджеле, и они до копейки на длинных ногах уходят в туманную даль.

Артём остаётся без квартиры, без длинноногого счастья. В этот скорбный период жизни познакомился с Петром и Генной. Парни ехали в монастырь, позвали Артёма с собой. В монастыре он покрестился, стал приобщаться к клиросу.

Пётр в будущем хотел стать иеромонахом. Где-то вычитал, что для этого надо обязательно пройти школу пустыничества, выдержать тест на умение предаваться молитве в безлюдном месте.

Из неохотных объяснений Петра Валера понял, пока он служил в морфлоте, его девушка вышла замуж, тогда-то он и решил, что мирская жизнь не его удел, православной жены днём с огнём не сыщешь.

Гена тоже бредил монашеством, жизнью в безлюдном месте. Артём об этом не задумывался, ему было всё равно где, лишь бы с новыми друзьями, рядом с ними чувствовал себя под защитой.

Мушкетёры не праздно мечтали, обратились к владыке с просьбой отправить куда-нибудь в скит. Владыка с иронией отнёсся к духовным поискам троицы, сказал парням в глаза, что монахов из них не выйдет. И отправил в Таёжку, мол, попробуйте пожить в экзотическом углу, познайте почём фунт лиха.

Мушкетёры пели в Таёжке на клиросе, помогали батюшке на службе.

Потом приехал Валера. Около месяца троица жила у него. Помогали по хозяйству. Валера кормил парней рыбой, в сети хорошо шли щука, окунь, ленок, лещ, язь. Сам он от мяса по совету духовника давно отказался, рыбу готовил отлично. Был исключительно рыбный рацион, денег на мясо для гостей у него не было, тем более у самих гостей. Артём через неделю возроптал от рыбного рациона – «сколько можно». Как потом стало известно, тайком ходил к Мише Лаврентьеву, тот, добрая душа, подкармливал Артёма ветчиной и салом. Пётр позже признается Валере, для него тоже было подвигом сидеть без мяса. «Ладно бы пост», – говорил. Но к Мише не бегал, вытерпел.

Валера прорабатывал мушкетёров за курево.

– Хотя бы подрясники снимали, – ворчал, – в подрясни-

ках и с сигаретой. Знаете, есть картины последних времён, когда часть священников, как сказано в Библии, отпадёт от церкви. Отпавшие иереи на картинах изображены с блудницами, пьющие, курящие.

– Пострижёмся, бросим курить.

В один момент загорелись идеей постройки скита, Валера пытался убеждать:

– Вы берёте не по силам. Рано вам затворничество.

– Почему? Сергей Радонежский удалился в глухие леса. Александр Свирский тоже ушёл, в одиночестве жили. Звери к ним приходили, Пресвятая Богородица являлась.

– Хватили – Сергей Радонежский.

– Он тоже начинал никому не известным.

– Какие вы Сергии? Сигареты изо рта не выпускаете, гордыня из вас прёт, мамы проскакивают, посты толком не соблюдаете. Вы ещё от грубых страстей не избавились, уже в затвор нацелились. Да бесы раздавят вас, как котят. Брат Сергия Радонежского Стефан на что молитвенник и подвижник, не выдержал пустынножителство, ушёл в монастырь. Вам бы в обители пожить для начала, поучиться послушанию, смирению, посбивать страсти, потом в пустынники идти.

– Это длинная история...

– Вы элементарные молитвенные правила не выполняете.

– Зато читаем Иисусову молитву.

– Она не может всё заменить...

– Уйдём из мира и в пустыни начнём духовно возрастать. Никаких соблазнов не будет, за сигаретами некуда бегать.

Упрямо держались идеи пустыни, которая, считали, даст им толчок духовного роста.

Скит решили строить в районе бывшей деревни Черёмушка. Стояла та в двадцати двух километрах от Таёжки. Семнадцать из них по дороге, затем пять по урману. По каким-то своим соображениям основатели деревни удалились от столбовой дороги. По логике, у большака удобнее, соседние деревни ближе, в любую погоду можно до них добраться. Нет, основатели Черёмушки прорубили дорогу вглубь тайги и поставили деревню. Что красивое место – спору нет. Деревня строилась в ложбине, образованной двумя длинными холмами.

На одном поставили церковь. Можно представить, какой вид открывался с колокольни. Да и без колокольни вся тайга на ладони. Обратный от деревни склон холма спускался к реке, неширокой речке с неторопливой водой, на противоположном берегу полоска луга, упирающегося дальним краем в колонны сосен. Каждое дерево различимо, если смотреть с холма, а за соснами шли вперемешку ели, лиственницы, и всё это сливалось в зелёный океан. Небо, уходя вдаль, изгибается шатром. Зелёное однообразие нарушали два озера, издалека они смотрелись лежащей восьмёркой или знаком бесконечности. В солнечный день озёра блестели зеркалами, в пасмурную погоду наливались тяжёлым свинцом...

Они манили к себе, но казалось, находятся так далеко, что никогда до них не дойти.

Ничего от самой Черёмушки не осталось, ничегошеньки. Один фундамент церкви. Церковь ушла последней, она так и не дождалась переезда в Таёжку, куда планировали перенести её в музей под открытым небом (об этом автор обещает рассказать позже), сгорела в начале девяностых. От удара молнии или поджёг кто – неизвестно. К тому времени ни одного дома в деревне уже не было, а церковь всё ещё стояла на горе напоминанием о когда-то живущем здесь русском православном человеке.

Летом буйство крапивы, кустарника указывало на когда-то бывшее здесь жильё. Читалась линия улицы. Слева и справа от неё хозяйничали густые заросли черёмухи, малины, крапивы. Туда лучше было не лезть из соображений техники безопасности – имелись ловушки в виде ям от бывших подполий. На кладбище стояло три креста. Железный, из старых, его поставили ещё при жизни Черёмушки. Миша Лаврентьев говорил, под ним кузнец лежит. Двум добротным деревянным лет, может, по десять. Это не значит, захоронения того же возраста, кто-то из потомков жителей Черёмушки обновил могилы.

Угол заброшенный, да могут происходить в нём неожиданные вещи. Гера-чеченец рассказывал, в один год он шишковал в первых числах сентября, шёл с мешком шишек в охотничью избушку, стояла километрах в четырёх от Черё-

мушки. Дело было к ночи, Гера-чеченец идёт с мешком, по-свистывает, вдруг послышался шум моторов, свет фар заметался по стволам. Упал Гера на обочину, затаился. Мимо прошла колонна квадроциклов. Чудовищами смотрелись они на заброшенной таёжной дороге, виделись пришельцами из параллельных миров.

С «параллельными» пришлось Гере столкнуться в ту же ночь. Подошёл к охотничьей избушке, а они там. Ночевать располагаются. Гера им «здрасьте», а они его в оборот.

«Только что руки не стали вязать, – рассказывал Валере. – Давай допрашивать: кто? Откуда? Что здесь делаешь? Документы! Мужики в возрасте, и все как на подбор. Кожаные добротные куртки, комбинезоны, ботинки армейские. Понял, офицеры, причём не капитаны, а, скорее, полковники. “Да вы чё, мужики, – говорю, – чё бы я в тайгу паспорт брал. Местный я, из Таёжки, шишкую”. Не поверили. Сунули мне спутниковый телефон, чтобы я в него доложил всё о себе. Провели идентификацию личности. Террориста во мне заподозрили. Какой-то у них пробег по заброшенным кладбищам. Подозреваю – офицеры ФСБ. Покойниками, получается, тоже интересуются».

Возвращаясь к мушкетёрам, следует сказать, что они помогли устанавливать Поклонный крест в Черёмушке рядом с сожжённой церковью... Сделал его Миша Лаврентьев по заказу Валеры, а водрузили рядом с фундаментом, на котором стояла деревенская церковь. Храм в Черёмушке освя-

щали на заре XX века в честь великомученика Георгия Победоносца. «На Георгия», шестого мая, довели на тракторе крест до едва различимого свёртка на Черёмушку, дальше мушкетёры и Валера несли его на руках. Батюшка Евгений отслужил молебен. Прочитали акафист Георгию Победоносцу.

Тогда-то мушкетёры и наметили строить скит в этом углу тайги. У Миши Лаврентьева выпросили подробную карту. Искали место, куда не забредают грибники, ягодники, где не бьют зверя охотники. Миша подсказал район в глубине тайги за Черёмушкой, отгороженный буреломом. Когда-то полосой прошёл или шелкопряд, или мощный ураган, повалил вековые деревья. На этом месте шумела новая тайга, но под «ногами» у неё лежали остатки поваленной, делая участок труднопроходимым.

Батюшка Антоний рассказывал, что, когда служил в Таёжке, читал в газете о жителе одной из деревень под Таёжкой, который в начале тридцатых годов с двумя сыновьями ушёл от коллективизации далеко в тайгу за болото. Там поставили дом и часовенку. Людьюми были верующими и устроили этакую пустынь. Молились, охотились, полностью обеспечивали себя пропитанием. Место слишком отдалённое, труднодоступное, никто их не трогал. Однако с началом войны всех троих призвали на фронт. Какая-то связь с «большой землёй» всё же имелась, возможно, выходили за солью, охотничьиими припасами. Все трое погибли в войну.

Миша Лаврентьев на вопрос бабушки о тех людях, сказал, что охотники заглядывают в тот район, сам по молодости ходил туда, видел остатки дома, часовни.

– Место, конечно, дикое, – рассказывал Миша, – озеро есть. Иду по берегу с собакой, не волкодав, но и не из декоративных, которую сунь за пазуху и не видать. Нормальных размеров лайка. Идём по берегу, а в воде параллельным курсом щука, этакое брёвнышко. Вовсе не из праздного любопытства сопровождает. Ждёт момента, вдруг собачка попить захочет или полезет в озеро освежиться. Дальше дело техники, была животинка – и поминай, как звали. Утащит такой крокодил и не подавится...

Упрямые мушкетёры не испугались таёжных аллигаторов, готовы были идти туда. Просили Мишу Лаврентьева указать дорогу. Миша отсоветовал – слишком далеко. И указал на отгороженный буреломом угол. Добраться до него не так-то просто, туда и охотники не любят ходить, в то же время относительно близко. Мушкетёры совершили разведывательную экспедицию и километрах в десяти от Черёмушки наткнулись на три холма, поросшие лесом. У подножия одного бил ключ (как выяснилось позже – незамерзающий) с вкуснейшей водой. На холмах решили строиться.

Валера, с иронией относящийся к их затее, не очень верил, что закончат строительство. Однако на две трети ошибся в прогнозах.

Самым рукастым из троицы был Гена. До девятого клас-

са жил у деда в селе вблизи Мариинска. Дед был плотником, сметливый внук многое перенял. Пётр тоже топор, пила и молоток умел держать в руках. Артём ничего не умел. Был у меня знакомый детдомовец послевоенного поколения. Война его сделала круглым сиротой, прошёл её сыном полка, а после Победы был определён в детский дом под Харьковом, который создали на базе бывшей колонии, руководимой в своё время великим А.С. Макаренко. Детдом был настоящим хозяйством, имел слесарные, токарные мастерские, фермы, поля. Детей учили работать с деревом, металлом, землёй. Артём воспитывался по другим детдомовским методикам, руками делать ничегошеньки не мог, выполнял на стройке скита универсальную роль – «сбегай, подай, поднести, поддержи». Работал по этой «специальности» с удовольствием, не обижался, когда на него покрикивали. Идея со стройкой ему очень нравилась. Тем более первую избушку Пётр и Гена решили поставить Артёму.

Начало строительства совпало с периодом песнопений кукушек. Как и на Выселках, эти тоже только не пели.

– Хором как раскукуются! – восторженно рассказывал Артём. – Одни на холмах на деревьях сидят, другие внизу расположатся. Стоишь на горе, а слева, справа, сверху, снизу, отовсюду «ку-ку-ку-ку»... Симфония!

Мушкетёры планировали построить на каждого пустычника по отдельному жилью, дабы не мешать друг другу молиться. Две избушки и землянку. Три пустычника, три горы,

три кельи. Так и говорили «на горе у Гены», «на горе у Артёма», «на горе у Петра». Работали как муравьи. В Выселках разобрали на заброшенной усадьбе навес, чтобы доски на крышу избушки пустить, там же взяли два оконных блока. Миша Лаврентьев подвёз им это богатство до тропки на Черёмушку, дальше волокли по тайге на себе.

Артём был счастлив, когда в конце июля закончили строительство его избушки. Мимолётную квартиру, которая «ушла» на длинных ногах Анджелы, домом не считал, таёжная избушка была первым собственным жильём.

– Нас-то, бездомных, будешь пускать? – смеялись Пётр с Геной.

Артём тут же растопил буржуйку.

– Зачем? Жарко ведь будет, – удивился Пётр.

– Надо проверить, – по-хозяйски сказал Артём, – как у моей(!) печки тяга, чтобы не замёрзнуть зимой.

Они уговорили батюшку Романа, он тогда был в Таёжке, освятить «пустынь». Батюшка отслужил обедницу у Поклонного креста в Черёмушке, а потом мушкетёры повели его на свои «горы».

К осени построили землянку Гене.

– Мне лучше землянку, – при выборе проекта застройки решил Гена, – меньше дров зимой понадобится. А потом будет видно.

Для его землянки буржуйку выпросили у Миши Лаврентьева. Артёму в избушку железную печь дал Валера, она до-

сталась ему от бывшего хозяина дома и без дела стояла в амбаре.

Пётр подтаскивал на «свой» холм лес, доски, тоже готовился к строительству.

Втроём прожили в «пустыни» до серьёзных декабрьских морозов, начавшихся на Введение во Храм Пресвятой Богородицы. С холодами пришли в Таёжку. Поселились сначала в доме у Валеры, потом перебрались в дом Аркадия.

Перед Николаем Зимним Гена объявил, что ему надо съездить к матери. После Николы морозы спали, и Пётр снова пошёл в «пустынь». Артём, сославшись на простуду, не составил другу компанию.

– Снегу в урмане, – рассказывал потом Пётр, – до Черёмушки от поворота пробивался часа два и ещё часа три до наших гор.

За плечами у него был рюкзак. Выбиваясь из сил, разгружал его. Прятал продукты в снег в приметных местах. Сделал несколько закладок. Одни просфоры принёс в скит.

С восхищением говорил Валере:

– Тишина неправдоподобная, звёздное небо... Молитва, знаешь, как идёт!

В первую зиму он прожил до Рождества. Рассказывая о пустынноческой одиссее, любил вспоминать следующий эпизод:

– Глубокая ночь. Лежу, не спится. Тишина оглушительная. Вдруг среди неё снег захрустел – хрусть-хрусть, хрусть-

хрусть. Подумал сначала – заяц. Тем временем хрусть-хрусть приближается. Нет, не заяц, тяжёлый шаг. Лежу. Дверь на крючке, но не по себе стало. В любую сторону километров на тридцать нет живых людей. Иногда слышал выстрелы на северо-западе, кто-то охотился. Лаврентьев говорил, там есть охотничья избушка. Всё. И шаги. Вдруг стук в дверь и жалобный голос: «Петя, ты есть? Впусти. Замерзаю». Открываю дверь, Артём трясётся. В куртёшке-пуховичке, длиной по пуп, на голове шапчонка вязаная. Зубами стучит: «Думал, не дойду до тебя».

Артём без Петра не знал, куда себя деть в Выселках. Валере некогда было развлекать его, это была первая его зима в Таёжке, быков ещё не сдал. Мушкетёр помаялся-помаялся и отправился в пустынь к другу. Как ещё не заблудился в тайге.

Пётр дольше всех пробыл в Таёжке. Но сколько раз ни пытался, продержаться больше месяца в «пустыни» не получалось – возвращался в Таёжку, потом снова уходил.

Гена как уехал, так и больше не объявился.

С Артёмом случилась следующая история. Ранней весной они с Петром ушли на свои горы. Прожили недели две, Пётр вдруг объявил, что ему надо съездить на недельку в губернский город, дела у него там. Артём просил не оставлять его:

– Не могу я один, помыслы донимают, а в Таёжке надоели Валерины наставления.

Пётр словам друга не внял, ушёл, Артём остался. И затосковал. Подумал-подумал и отправился в Еловку. Когда-то

крепкая деревня Еловка доживала свой век, но в один момент её облюбовали неоязычники. Пять семей приехали из губернского города, за бесценок купили дома и стали обживать на новом месте. Всё как положено – устроили капище, молились своим богам. Летом к ним подъезжали единоверцы, Еловка становилась многолюдной. В неё Артём и направился. Однажды мушкетёры всей троицей ради любопытства ходили туда, на этот раз Артём отправился один.

Как уж он втёрся в доверие к той языческой семье – неизвестно. Рассказывал Петру, что помогал делать пристройку к дому и «помог»...

Валера в тот вечер вернулся с пилорамы, сел козу доить, слышит, у ворот посигналила машина, Жулька залился лаем.

Валера открыл калитку, у вишнёвой «Нивы» стояли незнакомые мужчина и женщина. По возрасту – ровесники Валеры.

– Где Артём? – сурово спросил мужчина.

– Не знаю, месяца два не видел.

– Только не надо врать, – скандально визгливо выпалила женщина. – Нам сказали, что у вас надо искать.

– Зачем мне врать. Ищите. Он что-то натворил?

– Он, как шкодливых кот, оставил Лену беременной, сам сбежал.

Это были неоязычники из Еловки. Им как раз Артём и помогал, но не ограничился пристройкой, заодно и дочь ухитрился охмурить. Узнав о беременности охмурённой, дал дё-

ру.

Так распался «кружок юных подвижников». В следующую зиму Пётр два раза уходил в «пустынь», в конце концов понял – не сможет.

Пытался Валера объяснять, что без духовного окормления ничего не выйдет. Порыв к пустынночеству это хорошо. Да не такие подвижники ломались.

– Но ведь были Сергей Радонежский, Александр Свирский, – гнул своё Пётр, – Серафим Саровский. Их тоже никто не окормлял.

– Их окормлял Святой Дух. Они горели ревностью к Богу, ты ещё даже не тлеешь. Иосиф Волоцкий на что гигант духа, лет десять был послушником у Пафнутия Боровского, какую школу смирения прошёл, прежде чем был пострижен в монахи. И вообще Сергей Радонежский, Александр Свирский, Серафим Саровский – это исключения. Серафим Саровский перед пустынночеством шестнадцать лет прожил в монастыре с братией.

– Попытаюсь в Сербию уехать, – делился с Валерой дальнейшими планами, – помогать братьям-сербам бороться с буржуинами.

На эти мечты Валера поиронизировал:

– В Сербии в сёлах ещё имеются настоящие православные девушки. Женишься. И вот южная ночь, в доме под красной черепицей почиваешь с женой, дети за стенкой, вдруг стук в дверь. Ты поднимаешься, берёшь «калаш», что у тебя все-

гда наготове под кроватью лежит, подходишь к двери. «Кто там?» – спрашиваешь грозно, а из-за двери голос Артёма: «Петя, ты здесь? Впусти, замёрз я!»

Иногда звонит Валере. В Сербию не поехал. В монастырь трудником пошёл...

– Поработаю, – делился планами с Валерой, – потом иноческий постриг приму, потом иеродиаконом рукоположусь, иеромонахом...

Через год ушёл из монастыря. «Не вмещает он в себя монашество, – прокомментировал Валера метания мушкетёра, – монастыря четыре перебрал, из каждого какое-нибудь обстоятельство выталкивает. Не его этот путь».

Пётр печалился Валере:

– Поеду на Тихий океан, где службу проходил, контрактником во флот. Попрошусь в небольшой гарнизон на дальний остров. На Камчатку бы.

Манил его отшельнический образ жизни.

Глава двенадцатая

Вражеские проделки

Случилось это на втором году жизни Валеры в Таёжке. Быков к тому времени сдал. Хозяйство держал по минимуму, работал на пилораме. Поднимался рано утром и возвращался домой поздно вечером. После смены шёл в монастырь, он только организовывался в Таёжке и каких только послушаний не нёс Валера: староста, алтарник, клиросный, звонарь, псаломщик, пономарь, казначей, строитель, благоуказитель, завхоз. Вернувшись домой, раскочегаривал обе печки – русскую и голландку.

Рынок недвижимости в Таёжке имел характерные особенности, отличный пятистенок Валера купил по цене, за которую в губернском городе, если что и можно было приобрести – забор. Хозяин дома после свершения сделки достал бутылку:

– Давай обмоем.

Валера если что и пил – вино. От водки отказался.

– А я выпью, – хозяин взял с полки гранёный стакан.

И посоветовал, закусывая солёным огурцом, в морозы с утра протапливать русскую печку, а вечером – голландку. Загрузить дровами топку, растопить, после чего вьюшку по

чуть-чуть последовательно прикрывать, дабы ценное тепло не улетало в небо. А через три часа трубу до упора закрыть и никаким угарным газом не отравишься.

– Тепло дом отлично держит, – заверил хозяин, – не беспокойся. Топи, как говорю, и Ташкент в самые лютые морозы тебе обеспечен.

У Валеры времени на оптимальную технологию не хватало. Обе печи растапливал вечером, после чего пил чай, молился и на боковую. За день температура в доме опускалась до двенадцати градусов. Зато ночью две печи даже с открытыми вьюшками (когда их «закрывать по чуть-чуть», если сон с ног валит) нагоняли жару.

В таком режиме Валера прожил два месяца. Произошёл странный случай после Крещения.

Об этом празднике нельзя не рассказать отдельно. Не был престольным в Таёжке, однако по размаху приближался к нему. Таёжка чем интересна. Северные деревни в своём большинстве начали дружно хиреть в девяностые годы. Как распустили колхозы да совхозы, забросили поля, порезали скотину на фермах, так и пошёл процесс под уклон. Таёжка в отличие от соседних деревень более десяти лет держалась, только в нулевые годы начала резко сдавать. Добрая треть села разъехалась. Заколачивали дома, бросали подворья на произвол судьбы – покупателей не находилось. Однако до этого массового исхода, в девяностые годы, сельчане успели полюбить Крещение, как никакой другой праздник.

Мороз под сорок, а то и ниже – это не останавливало, едва не народное гуляние. Началось ещё при батюшке Антонии. Он завёл традицию рубить купель на реке и ходить после ночной службы крестным ходом к ней освящать воду. Батюшка не призывал совершать погружение, да какое Крещение без него. Смельчаков каждый раз находилось предостаточно.

Батюшка уехал, традиция не только не сошла на нет – наоборот. На Крещение до трёхсот и более машин прибывало в село. Бывшие таёжники именно в этот день рвались на родину. В селе столько жителей не осталось, сколько паломников приезжало.

Валера как главный устроитель праздника в один год сломал традицию: не в ночь на Крещение крестным ходом идти на Иордань, а утром после литургии. Небезопасно, когда масса людей высыпает в темноте на лёд, тем более не все паломники благочестиво к празднику относились, иные в подпитии лезли в воду. Попробуй в темноте угляди за бесшабашными экстремалами. Проектор ставили, да разве один может осветить всю праздничную территорию?

При температуре ниже сорока обморозиться легче лёгкого.

«Выскочил из купели, – вспоминал Валера, – волосы на голове мгновенно колом встали, кожу на ногах, пока одевался, прихватило, лоскутами целую неделю слазила. Это притом, что одевался быстро – друзья вещи подавали. Мы в тот год палатку не ставили. Прямо на льду. Рядом с нами мужи-

чок пьяненький дрожал: “Ребята, одёжку мою не видели?”. Не мог по темноте сориентироваться, где раздевался. Явно нос-уши поморозил...»

А ещё Валера рассказал такой случай:

«Когда в последний раз ночью Иордань освящали, народу, как всегда, полным-полно понаехало, сходни только в четыре утра убрали из проруби. Это обязательно, иначе вмёрзнут, ни за что не вытащишь потом, весной ледоход унесёт, а жалко, Миша Лаврентьев отличные сделал. Я ночью воды крещенской не набрал, не до того было, днём пошёл. Спускаюсь к Иордани, берег высокий, спуск крутой, смотрю – у проруби два мужичка. Один ещё ничего, второй ну очень хорошо праздник отметил, прежде чем до проруби добрался. Штормит его, но он полушубок, брючишки скинул в желании продолжить праздник погружением. Из себя щупленький, в чём только душа держится, но горячий, плюнь – зашипит, кальсоны ядовито-зелёного цвета снимает... Второй мужичок погабаритнее первого, на полголовы выше, в пуховике, шапке-ушанке, в унтах собачьих, в руках бутылка. И не проявляет интереса к погружению. Возможно, группой поддержки выступал. Я шаг ускорил, кричу: “Стой!” Полезет в воду (а сходней-то нет) и запросто может уйти под лёд, глубина метра полтора (мужичок не выше) и течение... Напустился на мужичка, пригрозил участковым, заставил одеться. Вроде бы вразумил, портки натянул, полушубок накинул.

Я воды набрал, поднимаюсь на яр, где-то на середине

подъёма оглянулся... Что ты будешь делать – пьяненький опять стягивает штаны. Его неугомонная душа пламенно требовала крещенскую купель. Пришлось вернуться и предложить более трезвому товарищу под нашим контролем окунуть жаждущего Иордани. Тот с энтузиазмом согласился, дружок его взял разгорячённого внутренним жаром за одну руку, я – за другую... Мужичок, надо сказать, был с крестом на груди. Кожа у него сразу гусиной сделалась. Подняли его над прорубью, он ноги в коленях согнул. “Только не с головой!” – заверещал, но мы ухнули полным погружением. “Ё-моё! – заблажила голова мужичка, первый раз вынырнув из воды. – Хватит-хватит!” Я говорю: “Три раза положено!” Группа поддержки меня поддерживает. Три раза полным погружением засунули в купель... Каждый раз с головой отправляли, чтобы ни один бес за темечко не уцепился, всех крещенская вода пожгла испепеляющим огнём... Надо было видеть, как он взлетел на яр... Полушубок накинул, остатки одежды схватил и дунул в тепло, только пятки засверкали. Даже про бутылку забыл...

На следующий год крестным ходом к реке после литургии пошли, батюшка освятил Иордань, и целый день народ колготился у купели, вечером сходни вытащили, а прорубь от пьяненьких экстремалов, подобных горячему мужичку, задраили досками, намертво вморозив в лёд...»

Случай, к которому наконец-то мы подошли, произошёл с Валерой дней через десять после Крещения. Как обыч-

но, поздно вечером Валера вернулся домой, печи затопил, лёг... А уснуть не может. Крутится с боку на бок. На душе неуютно, тревожно. Состояние то самое, которое Валера характеризует «как в трансформаторной будке». Днём никаких событий, выбивающих из равновесия, не произошло, всё в привычном ритме, вдруг навязчивое, неуходящее беспокойство...

Сна ни в одном глазу. Лежит с открытыми глазами. Темно, тишина до звона в ушах. Вдруг на чердаке резкий громкий звук. Будто Голиаф на один конец плахи-пятидесятки метров пяти длиной наступил, второй оттянул до предела и отпустил... Распрямляясь, плаха по другой такой же шарахнула. Что могло на чердаке дать такой звук? Валера не сказать, испугался – насторожился, ждёт, что дальше будет происходить над головой. Если повторится непонятное, хочешь не хочешь – надо брать фонарь и лезть на чердак...

Подождал-подождал, больше странных шумов не последовало, уснул.

Утром времени только-только чаю попить да на пилораму бежать, не до чердака, а вечером полез. Посветил фонариком... Вот это фокус: в трубе русской печи дыра сантиметров сорок диаметром. Что интересно, кирпичи валялись не под самой трубой, в отдалении.

Дом был крыт шифером, стропила деревянные. Рядом с трубой доски струганые.

– На гроб себе лет десять назад заготовил, – объяснил при

продаже дома бывший его хозяин. – Увезить не буду, говорят, нехорошая примета. Оставляю тебе.

– А если на что-нибудь другое пушу. Можно? Доски отличные...

– Почему бы нет. Тебе рано о домовине думать.

Было чему гореть на чердаке. Затопи Валера печь с дырой в трубе – сгорел бы вместе с домом. Спал бы, а искры из дыры летели на сухие до звона доски и стропила...

После этого случая русскую печь Валера ни разу не топил. Голландкой обходился. Дело шло к весне, никольские, рождественские, крещенские морозы миновали, так что выдержал. Прохладно, конечно, было – спать ложился в свитере и носках. Летом с помощью Миши Лаврентьева нашёл печника в соседней деревне, он русскую печь переложил, голландку вовсе решили убрать.

«Считаю, – говорит Валера, – Господь попустил бесам пугнуть меня. Стук на чердаке – их проделки. Тем самым Господь дал знать, на чердаке непорядок...»

Глава тринадцатая

Свеча за Автандила

Жора Майсурашвили называл себя сибирским грузином. Родился в Назарово, это Красноярский край, жил в Канске, а потом приехал в Таёжку. Его старший брат занялся заготовкой и переработкой леса и подтянул Жору. Поначалу тот жил в Выселках, благодаря ему Валера устроился на пилораму. В храм Жора ходил крайне редко. Зато первым откликался, если нужны были мужские руки в церкви. Как правило, на Крещение Валера с Жорой вдвоём начинали обустривать Иордань. Глядя на них, другие мужчины подтягивались, даже те, кто вообще в церковь не заходил, помогали чистить лёд от снега, рубить прорубь, устанавливать сходни...

Когда Жора на Выселках жил, по утрам они вместе с Валерой ходили на пилораму. Как-то по дороге заговорили о рыбалке, Валера спрашивает:

– Спиннингуешь?

– Не-е-е, – помотал головой Жора, – жить хочу!

Однажды отправился он в заветное место за щуками. Берег крутой, обрывистый. Хорошо с него блеснить, но и лететь, если вдруг оступишься, войдя в азарт... Стояла августовская благодать, тепло, солнце на закате, самое время для

хищниц подводного царства выходить на охоту. Комарики тоже роем выются – сожрать готовы, да сибиряк Жора не первый год в тайге, щедро намазался репеллентом, дабы кровососы не мешали предаваться любимому занятию. Раз с крутого берега заброс сделал, другой да третий. Срываясь с гибкого удилица, опишет красивую дугу металлическая рыбка на привязи, чмокнет вода, впуская её в свои глубины, натянется леска, вытаскивая к берегу аппетитную обманку. Только снова и снова она, прошив наискосок реку, выскакивала на поверхность без добычи. Жора подумал: не его день, придётся ни с чем возвращаться домой в тоскливом настроении. Однако ошибся. Уж чего-чего, а не тоскливых эмоций через мгновение получил через край. Начал вращать катушку после очередного заброса, вдруг удар, будто трактор дёрнул. Как пушинку, сорвало Жору с кручи, леска ниткой лопнула, а Жора оказался в воде... Хорошо, умел плавать, у самого берега глубина была сразу с головой...

– Представляешь, какая дура схватила? Лично я не представляю...

С «дурой» был ещё один случай. Жора хоть и сибирский грузин, всё одно заводной и горячий. Спиннинговать бросил, увлёкся другой не менее азартной рыбалкой – острожить щук. Не вслепую швыряешь блесну в воду, знать не знаешь, что в глубине вокруг неё творится. С острогой выходишь один на один с противником, и победа зависит от зоркости твоего глаза, твёрдости рук и выдержки. В тот раз

получилось почище, чем полёт с берега со спиннингом в руках. Загарпунил щуку, да такой попался экземпляр, что буксиром поволокла лодку. Жора понял, опять с «дурой» связался, но острогу, была эксклюзивного изготовления, бросить жалко, вдвойне жалко – к её рукоятке фонарик классный прикреплен. Острога засела в щуке так, что не идёт обратно, как Жора ни дёргает. Щука, не обращая внимания на ранение, мотором потащила лодку... Осень, темень хоть глаз коли, а чудище речное норовит выдернуть Жору за борт. В воду он не хотел, разжал пальцы, расстаться с эксклюзивной острогой и фонариком...

Жоре вообще везёт на таёжные приключения. Однажды, снег только лёг, отправился за сеном. Это уже когда женился и уехал с Выселок в Таёжку к молодой жене. Тесть с тещей держали корову. Косили для неё километрах в трёх от Таёжки. Приехал Жора на покос, стожок по размеру как раз в сани войдёт, начал грузить, видит, у кромки леса собака образовалась. Жора вилами работает, сам посматривает в сторону непрошеного гостя, тот не уходит. Чё, спрашивается, надо? Надоел Жоре соглядатай, закричал грозно: «Пошла отсюда! Чё надо?» Собака вдруг как завоет. Волк. Хорошо, лошадь не из трусливых. Жора бросил грузить сено, четвёртая часть стожка точно осталась, поджёт её, отпугивая волка. Сам кое-как верёвкой воз укрепил, взлетел на него и по газам, точнее – по вожжам. Погнал лошадь в деревню. Вилы в руке наготове держит, пустить в ход, если отбиваться придётся. Волк

или испугался Жориного грозного вида, или Жора не показался ему аппетитным – не пустился в погоню, ушёл в лес.

Жена у Жоры Оксана – сибирская красавица. Скуластая, нос, как у гречанки, идеальной формы, глаза карие, волосы мелко выются с рыжинкой, кожа белая. Что-то у молодожёнов застопорилось с деторождением. Жора сетовал на судьбу Валере: грузину позор без сына, у него даже дочки нет. Год прожили – никакого движения к беременности, второй. Валера подвигает Жору молиться Богу, просить Пресвятую Богородицу помочь в деторождении. Жора ни «да», ни «нет». В храме появлялся по великим праздникам: на Крещение да на Пасху приходил куличи с Оксаной святить. И всё-таки собрался обратиться к Богу с просьбой о даровании чада. В субботу вечером пришёл в церковь, позвал Валеру к алтарю, в свидетели, надо полагать, перекрестился, дал обет:

– Господи, если родится у меня сын, закажу свечу высотой с новорождённого.

В семье тем временем обстановка накалялась всё больше и больше. Жора обвинял жену в отсутствии детей, она не отличалась смирением, вовсе не с потупленным в пол взором выслушивала скандальные речи супруга, вообще не слушала, в ответ загибала пальцы, сколько у Жоры только в Таёжке было подруг. Жора перебивал своими аргументами, мол, не девушкой-скромницей взял тебя, тоже успела в «гражданском браке» побывать. Бесы, конечно, порезвились, расшатывая брачный союз Жоры с Оксаной. Покатилось дело к

разводу. Горячий Жора, разругавшись с женой, переселился на Выселки, вернулся в своё прежнее пустующее жильё.

Пришло время оформлять развод, поехали враждующие супруги в район. Жора на своей машине, Оксана – на автобусе, встретились в загсе. Оксана подходит и говорит:

– Жора, я – беременная.

Жора подхватил супругу и начал её подбрасывать от счастья.

Понятное дело, от развода супруги отказались. Родился у них сын, назвали его Автандилом. В соответствии с данным Господу Богу обетом поехал Жора к бабушке Евгению и заказал свечу полуметровой высоты, с таким ростом Автандил появился на свет Божий. Бабушка Евгений развернул при церкви компактное производство свеч и выполнил Жорин спецзаказ. Вскоре Жора пришёл в таёжкинскую церковь с большущей свечой, торжественно вручил Валере:

– В алтарь за Автандила.

Плюс к свече пожертвовал на храм пять тысяч рублей. Радости по случаю рождения сына не было предела. Через месяц бабушка Евгений приехал в Таёжку служить литургию, заодно Автандила окрестил.

– Что ж я раньше не попросил сына у Бога, – ругал себя Жора, – вот бы напорол дури – развёлся с Оксаной. И обратился за советом к Валере: – Кого на твой взгляд дальше просить – ещё сына или дочку? Оксана сильно дочь хочет...

Глава четырнадцатая

Староста церкви

Старостой церкви в Таёжке несколько лет была Клавдия Петровна. Вошла в церковные служащие в результате демократических выборов, самолично организованных. Решительно внесла себя любимую в перечень кандидатов, состоящий из единственной фамилии. С себя начала перечень и собой же решительно закончила. Голосование провела без избирательных участков, прозрачных урн, видеокамер, европейских наблюдателей и яростной предвыборной борьбы, зато с тщательно оформленными подписными листами проголосовавших за её кандидатуру. В коих присутствовали фамилии, имена и отчества, адреса, паспортные данные и разборчивые подписи односельчан, отдавших свои голоса за Клавдию Петровну. Автор несколько загнул, говоря во множественном числе. Был всего один подписной лист. Клавдия Петровна пробежалась по знакомым и набрала аж двенадцать голосов в свою пользу. Это её нисколько не смутило. Как говорится, покажите, кто больше набрал голосов. После чего завладела ключами от храма на правах законно избранного старосты.

На что рассчитывала в плане коммерческой выгоды —

трудно сказать. Возможно, смотрела в перспективу, пришло постоянное батюшку, потекут денежки в церковную кассу: епархия будет отпускать средства на ремонт храма и его содержание (была из тех, кто считает, что денег в церкви куры не клюют и поросёнкам не дают), благодетели найдутся, а кому как не старосте заведовать суммами. В ожидании хороших времён без дела не сидела, развернула начальную деятельность: накупила на свои деньги свеч, иконок. И торговала ими, отнюдь не в интересах церкви.

Характеризуя Клавдию Петровну, следует сказать, ей, исконно деревенскому жителю, была в полной мере присуща западная ментальность. В Европе, а особенно в США страсть как любят сутяжничать. Соседа притянуть к судебной ответственности за громко лающую собаку, или тот же сосед не теми глазами смотрит на жену заявителя. Судиться – нормальный тон, и доблестью считается выигранное дело. Что называется – будь бдителен, ворон не лови и не подставляйся.

Устроилась Клавдия Петровна в дом инвалидов на должность завхоза. Как работник добросовестностью и прилежанием не блистала, зато нашла повод подать в суд на администрацию, в результате тяжбы получила неплохую денежную компенсацию и перешла работать на почту, где тоже слупила через суд деньги в свою пользу. Можно сказать, профессионал.

Валера несколько раз бывал у неё в доме. В красном углу,

как положено, икона, а на столике под ней лежали не Священное Писание или Псалтирь, там размещались кодексы: Уголовный, Гражданский, Трудовой...

К церкви Клавдия Петровна относилась как к учреждению, не более того. Не причащалась. Муж её, Борис, мог в алтарь вломиться ничтоже сумняшеся. В его понимании это было всего лишь одно из помещений церкви. Деревенские мужики о нём нехорошо отзывались, мог чужую сеть проверить. Ловили, не один раз бит был. Ещё та семейка. Владыка однажды отправил в Таёжку священника на разведку. Это ещё до Валеры было. Батюшка, пообщавшись с Клавдией Петровной, составил следующее мнение о «всемирно избранной»: ей не то что старостой, нельзя доверить полы в храме мыть.

Однако владыка никак на это не прореагировал, то ли в суете забыл, то ли что – Клавдия Петровна продолжала заправлять в церкви. При Валере владыка прислал в Таёжку иерея отца Романа. Служил он в Таёжке чуть более года, при этом несколько месяцев искал подходы, как бы избавиться от Клавдии Петровны. Вела она себя по-хозяйски, не забывала козырнуть при любом удобном случае, что не какой-то самозванец – село оказало ей полное доверие на основе демократических выборов. Вела себя с отцом Романом по-хозяйски. Могла в алтарь заглянуть, проходить не решалась, однажды сунулась, отец Роман так шуганул, что больше не отваживалась. Но продолжала заглядывать с контрольными провер-

ками, хозяйка как-никак. Могла сделать строгое замечание: «Покрывало у вас какое-то не такое!» Имелся в виду плат.

Поначалу Клавдия Петровна пыталась Валеру на свою сторону привлечь, дескать, давай вместе будем, он категорично отказался, после чего был записан в список врагов. Полутонов Клавдия Петровна не знала.

– Это наша церковь, наша! – заявляла Валере. – Приехали на готовенькое отец Роман да ты и пальцы гнёте. Не будет по-вашему! Не надейтесь.

К ключам от церкви отца Романа не подпускала и церковное имущество не передавала.

«Ты что с бабой справиться не можешь?» – негодовал владыка.

«Не получается», – отвечивал иерей.

В отличие от Клавдии Петровны батюшка был из тех, кто не любит скандалы, всячески старался избегать конфликтных ситуаций, считая, всё можно уладить мирно. Староста это прекрасно чувствовала. И твёрдо вела свою кривую линию.

Был случай, приехала семья креститься. Родители и двое детей. Родственники Миши Лаврентьева. Жили в сорока километрах от Таёжки. Вроде и недалеко, да дорога, как после артобстрела, канавы да рытвины. В последний раз в советское время ремонтировалась, больше никто к ней дорожной техникой не прикасался. В субботу батюшка крещение провёл. И велел новокрещёным на следующий день с утра ниче-

го не вкушать и явиться на причастие.

Клавдии Петровне такой расклад не понравился, у неё были другие планы – ехать за грибами. Казалось бы, ну и езжай с Богом, при чём здесь староста и таинство Святого Причастия. Притом, что к ключу от церкви, как говорилось выше, относилась трепетно, оставлять его батюшке не хотела ни под каким видом. Поэтому сделала ход конём. Утром пошла к Мише Лаврентьеву, родственники ночевали у него, и сказала, что батюшке срочно понадобилось уехать. Затем батюшке сообщила – крестившиеся передумали причащаться, отбыли с утра пораньше восвояси, мол, хватит и того, что приняли таинство крещения. И поехала преспокойненько за грибами, оставив людей без причастия...

Валера и негодовал на Клавдию Петровну, и по-человечески было жалко – крутил враг человеческий ею как хотел. Был такой случай. В начале Успенского поста отец Роман поставил старосте условие – на Преображение причаститься: «Я третий месяц в Таёжке, вы ни разу не исповедовались, ни разу не причастились! А вы ведь не просто прихожанка, вы церковный служитель».

На Преображение Клавдия Петровна отговорилась, повинившись, что по забывчивости утром приняла таблетку и запила молоком. Валера видел реакцию батюшки. Тот, сдерживая себя, замолк на какое-то время («Молитесь, чтобы не сорваться», – подумал Валера). Помолчав, батюшка жёстко предупредил, если Клавдия Петровна не примет Христовых

Таин в ближайшее воскресенье, он как настоятель церкви отстранит её от всех дел до той поры, пока не причастится.

Валера держал плат во время причащения и видел, с каким затравленным видом подошла к Чаше староста в назначенный батюшкой день. Какой там благоговейный трепет: «Содетелю, да не опалиши меня приобщением...» Какая там молитва от самого сердца: «Господи Иисусе Христе Боже мой, да не в суд мне будут Святая сия...» Какая там просьба кающегося грешника: «Очисти, Господи, скверну души моей и спаси мя, яко Человеколюбец». На Клавдию Петровну было жалко смотреть. Никогда её такой, всегда более чем уверенной в себе, не видел: глаза бегают, напряжена... Кое-как причастилась...

Развязка со старостой наступила следующим образом... Батюшка Роман приехал в Таёжку в период, когда здание бывшего дома инвалидов переоборудовалось под обитель. Покровская церковь была по большому счёту летней. Две печи в ней имелись, однако, чтобы нагнать к определённому дню (к примеру, на Крещение Господне) температуру в морозы, следовало топить их непрерывно двое суток. В обители можно было вести службы в тепле, но Клавдия Петровна не разрешала евхаристический набор выносить из «своей» церкви. Нет, нет и нет! Всё, что в церкви, числится на ней, выносить нельзя. Казалось бы, что значит «нельзя», кто настоятель церкви? Это если рассуждать абстрактно, не зная Клавдию Петровну.

На Введение в храм было холодно, Перед Николой зимним евхаристическое вино замёрзло в алтаре. Натопить Клавдия Петровна толком церковь не натопила, сама с полчаса выдержала на службе, ещё до «Херувимской», и ушла. Причастников-мужчин набралось в тот день человек шесть. Валера замёрз до последней степени и не в силах больше терпеть самовольство Клавдии Петровны после службы выступил инициатором пойти всем причастникам к старосте.

– После принятия Христовых Таин причастия, – сказал решительным тоном, – все мы Христоносцы! Неужели таким количеством не сможем подействовать на неё? Сколько можно терпеть её выходки! Пора служить в обители, дальше ещё холоднее будет, а мы здесь зарабатываем туберкулёз!

Христоносцы все как на подбор широкоплечие, возрастом настоящих мужиков – от тридцати до сорока. По дороге к дому Клавдии Петровны раздумянулись на морозе. Такой компанией ввалились в дом, заполнив собой всю горницу.

– Мир вашему дому! – пропел Валера.

Клавдия Петровна при виде неожиданных гостей засуетилась, стала сама не своя, обычно суровая, тут расплылась в улыбке. И разрешила перенести евхаристический набор в обитель.

– Конечно! Такой холод у нас в церкви!

От чая гости отказались. Валера побежал в церковь, скорей-скорей перенести антиминс и евхаристический набор в обитель.

Позже прихожанка расскажет, в тот день вечером вместе с Клавдией Петровной ехала она в автобусе в город. Староста ругала себя, сокрушалась, что на неё затмение нашло, будто чем-то опоили. Своими руками отдала всё из алтаря.

– И чашу, и ложку (так называла ложицу), и покрывало (имелся в виду плат) – всё отдала. Это же на мне всё числится.

– Да никуда не денется, – успокаивала Клавдию Петровну соседка по сиденью. – Что ты беспокоишься! Приличные люди, не пойдут же они продавать церковное имущество.

– Я за всё в ответе, – повторяла Клавдия Петровна. – Вы мне доверили, а я простодыра – «берите», даже расписку не потребовала!

Наученная горьким опытом Клавдия Петровна в дальнейшем стояла, как камень. Отец Роман в Великий пост набрался храбрости, стал настаивать на передачу ему ключей от храма. Клавдия Петровна откладывала под разными предлогами, потом сказала, пусть батюшка к ней один домой приходит, дескать, Валере идти далеко с Выселок.

Батюшка позвонил Валере:

– Один не пойду, такое ощущение – меня хотят подставить.

В итоге он вызвал к церкви участкового, главу администрации Таёжки, подошёл Валера. И состоялось историческое стояние на паперти церкви, закрытой на красноречивый замок.

Клавдия Петровна не соглашалась отдавать ключ. Потрясала подписным листом, который документально подтверждал её полномочия старосты:

– Народ мне церковь доверил, а не кому-то! Значит, ключ должен быть у меня! Я – местный житель! Вы сегодня здесь, завтра уедете, и церковь останется бесхозной?

– Я – настоятель церкви! – свои доводы приводил отец Роман. – Я послан в Таёжку митрополитом! Церковь относится к нашей епархии.

Участковый послушал-послушал и говорит:

– Ничего не пойму в ваших делах! Кто отвечает за церковь? У кого должны быть ключи от неё? Нужен какой-то документ.

Участковый, мужичок лет тридцати пяти от роду с простоватым лицом, но светлой головой. Предложил следующий вариант разрешения конфликта: пусть батюшка или кто привезёт официальный документ с мнением митрополита по спорной ситуации. Если оно будет в пользу отца Романа, а Клавдия Петровна заартачится в передаче ключа, он своей властью разрешит спилить замок и поставить новый. В противном случае, дескать, не обессудьте...

Все согласились с данной постановкой вопроса. А Клавдия Петровна решила тянуть резину до конца.

Мнение митрополита по старосте было известно, осталось зафиксировать его на официальной бумаге. Преградой встала погода. Или непогода, кому как нравится. Начиналась ве-

сенняя распутица. Дорогу к губернскому городу в тридцати километрах от Таёжки пересекала река. Летом через неё налаживалась паромная переправа, зимой намораживалась ледовая. Наш конфликт возник ранней весной, когда одну переправу закрыли, вторую запустят в эксплуатацию только после ледохода.

К владыке отправился батюшка Роман, терпеть старосту он больше не мог и торопился быстрее, до распутицы, съездить. Валера вызвался добросить его на своей машине до районного села. Отправились вчетвером, ещё две насельницы обитатели поехали для молитвенной поддержки. Поддержка понадобилась. Подъехали к реке, а вместо льда поле воды. Верховодка. Машина у Валеры не амфибия. По земле-то не всегда надёжно ездит.

Вышли из автомобиля, встали у воды.

– Что называется, съездил по-быстрому, – сказал батюшка, глядя на мутные воды, плещущиеся у ног.

Вдруг на другом берегу, как в сказке («откуда ни возьмись»), появился мужичок, машущий руками. От берега до берега расстояние такое, что человеческий голос не в силах был его преодолеть, посему неизвестный мужичок семафорил верхними конечностями, мол, айда, пошли и показывал вниз по течению. Решили, он указывает направление, где есть возможность переправиться. Так и оказалось – река делала поворот, за ним метрах в шестистах имелся переход. Лёд местами дыбился, но был прочным. И главное – ника-

кой воды. Валере однажды приходилось переправляться, когда вода по колени стояла. Валера с батюшкой перекрестились, батюшка перекрестил лёд перед собой, и они пошли. Валера вызвался в сопровождающие. Женщин оставили на берегу молиться. Прошли удачно, Валера вернулся обратно, батюшка поехал за заветной бумагой.

Привёз её через два дня, торопился, пока лёд не пошёл вернуться в Таёжку. Размашисто подписанная митрополитом бумага гласила, что Семёнова Клавдия Петровна в епархии старостой не числится.

Срезать замок не понадобилось, Клавдия Петровна в присутствии участкового прочитала бумагу и отдала ключ от храма со словами:

– Своё заберу.

Всё из церковной лавки в мешок из-под сахара, который держал муж, выгребла.

Валера стоял у алтаря с отцом Романом и возмущался:

– Батюшка, как так? В лавке не всё на их деньги куплено, вы свечи привозили, маслице!

Отец Роман махнул рукой:

– Валера, не искушайся! Пусть забирают и уходят. Не хочу связываться.

В заключение стоит сказать следующее. Через два года весной все реки в округе вышли из берегов, подобного наводнения старожилы не помнили более пятидесяти лет. Многие деревни в округе подтопило. Богом хранимую Таёж-

ку стихия обошла, ни один дом не пострадал, кроме... Правильно – затопило Клавдию Петровну. И это не авторский вымысел для красного словца.

«Жалко её, – говорит Валера, – была дана такая возможность поработать Богу и людям...»

Глава пятнадцатая

Обитель

Церковь в Таёжке была построена в начале XX века, перед самой Русско-японской войной, освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы и пережила все лихолетья. Тысячи каменных храмов, поставленных на тысячелетия и простоявших века, сровняли с землёй богоборцы-взрывали, рушили, увечили – здесь хрупкая деревянная устояла. Подгони трактор, да подцепи тросом, да дёрни, и полетят купола, пыль весело закружится от рассыпающихся стен. Полчаса – и бесформенная куча брёвен – налетай, кому не лень, разбирай на дрова. Бог миловал Таёжку от такого варварства. После того как в тридцатом году службы в храме прекратились, начал он ветшать, объявились горячие головы с тем самым уржанием подогнать трактор (в деревне уже имелся «железный конь») и дёрнуть хорошенько «пережиток прошлого». Однако кто-то мудро предложил: сломать ума много не надо, не будет ли хозяйственнее устроить в церкви зерносклад. Так стал храм амбаром, и долго хранилось в нём зерно, пока одна стена не упала. Много лет простояла церковь инвалидом, и возникла ситуация «или-или». Сносить или отремонтировать. Детям запрещай не запрещай, вывешивай предупре-

ждающие знаки («На территории бывшей церкви не ходить – опасно для жизни!») или не вывешивай – всё равно бесхозный объект используют в качестве своих игрищ и забав.

Не могу привести пример, когда вдали от культурных центров подобное «или-или» не решилось бы приговором – «сносить». Везло Таёжке на председателей сельсовета. Одного мы помянули добрым словом в связи с Андрюшиным крестом, преемник у него тоже оказался достойным для подражания. Будучи в Архангельске, посетил музей деревянного зодчества «Малые Карелы», побродил по нему, и не праздным соглядатаем, а с мыслями о родной сторонушке. Подумал: разве мы не можем у себя создать подобную красоту. Пусть не с таким размахом, да ведь и Таёжка не Архангельск. Первым делом вспомнил о церкви в Черёмушке. Стоит деревянная красавица в урмане на горе, деревня разъехалась, ни одного дома целого не осталось, а церковь будто ждёт своего часа. Про мельницу в Еловке вспомнил, тоже можно разобрать да перевезти – крепкая ещё. Если хорошо поискать по деревням, можно найти амбары, завозни, кузни, бани (по-чёрному и по-белому). И, само собой, дома.

Заработала светлая голова председателя в нужном направлении. Пока в свои северные пределы возвращался, план нарисовал, как рядом с церковью в Таёжке создать музей наподобие «Малых Карел». Историк по образованию, он был с завидной деловой хваткой. Сумел довести идею до областного начальства и заразить кое-кого из партийной

номенклатуры. Даже по центральному телевидению прошла информация: в Таёжке будет создаваться музей сибирского деревянного зодчества под открытым небом.

Начался музей с Покровской церкви. На её реставрацию выделили деньги, председатель нанял бригаду реставраторов из Архангельска. Те за два года восстановили церковь. Не было чертежей и эскизов, по которым строился храм, да мастера что-то домыслили, что-то старики подсказали. Первый объект будущего музея задал высокий уровень всему проекту.

Вторым пунктом председатель наметил церковь из Черёмушки перевезти, и тут в телевизоре замелькал меченный родимым пятном на лысине генеральный секретарь перестроечник. Стало не до культурного наследия и деревянного зодчества сибирских мастеров. Взыграли по всей матушке-России грубые страсти – гордыня, предательство, блуд, сребролюбие... И покатило всё кубарем... Председатель сельсовета не стал уподобляться герою пословицы «сам не ам и другим не дам», вовремя среагировал на сложившуюся ситуацию и провёл операцию по передаче церкви епархии. Низкий поклон ему за это.

Редкий, если не уникальный случай, когда пустовавший сельский храм, в коем более полувека не велись богослужения, перешёл к епархии в отличном состоянии. Батюшка Антоний, которого владыка отправил настоятелем в Таёжку, не мог нарадоваться – сподобил Бог послужить в такой церкви,

в таком месте, в такое время. За полтора года многое успел, ещё живы были бабушки, крещённые при царе-батюшке в этом храме и воспитанные православными родителями. Молодёжь потянулась, пусть больше из любопытства (церковная служба в диковинку), да встречал их большой души батюшка.

Всё хорошо не бывает. Владыка, остро нуждаясь в проповедниках среди городской интеллигенции, забрал отца Антония к себе. После этого Таёжке не везло на священников, никто надолго не задержался, потом и вовсе постоянного не стало.

Такую нерадостную картину застал Валерий, перебравшись в Таёжку. Вскоре благочинный отец Евгений обратил внимание на нового православного сельчанина, стал поручать ему одно послушание за другим. И что ни поручи – делает с тщанием и прилежанием. В результате накопился целый список, который мы уже приводили, но повторим с удовольствием: алтарник, звонарь, пономарь, казначей, строитель, благоукраситель, завхоз. С упразднением из церковнослужителей Клавдии Петровны стал ещё и старостой храма. Жизнь заставила на клиросе петь и освоить службу мирским чином. Нашлись, пусть единицы, но нашлись верующие даже среди мужчин, кто помогал Валере.

К послушаниям по храму добавились заботы (тот же самый перечень) по женской обители.

В шестидесятые годы, ещё Андрюшин крест стоял, по-

строили метрах в двухстах от него бревенчатую больницу, а в семидесятые годы её здание передали дому престарелых. Больницу новую построили, а старую – старикам. Девяностые годы не зря называли репетиционными для последних времён: сиротели дети, сиротели старики. Дети – при живых родителях, старики – при живых детях. Голодали сироты, голодали брошенные старики. И новая напасть – то тут, то там горели по стране синим пламенем вконец обветшавшие, всеми позабытые-позаброшенные, с советских лет не ремонтируемые дома престарелых. Ветхая электропроводка, ветхие стены, ветхие с короткой памятью обитатели. В конце нулевых годов многомудрое наше правительство решило подойти к вопросу с пожарами домов престарелых радикально, по железному принципу «нет человека – нет проблем». Раз дома престарелых горят вместе с постояльцами, расформировать кои находятся в деревянных зданиях, и дело с концом. Обитателей, всё одно отработанный материал, распихать по другим местам.

Из дома престарелых в Таёжке бабушек и дедушек куда-то увезли, здание отдали епархии. Получилось по большому счёту по принципу: на тебе, Боже, что нам негоже. Владыка решил организовать в Таёжке на освободившихся от стариков площадях женскую обитель.

Нельзя не упомянуть следующий факт. Привезли в Таёжку ковчежец с частицей Креста Господня. Доставили святыню в Россию со святой горы Афон. Мало какие города были

удостоены чести поклониться ей, Таёжке повезло. Первым, кто «приложился» к ларцу, был Андриюшин крест, вернее его преемник. Сопровождали святыню афонские монахи. Они поставили ковчежец перед Андриюшиным крестом, отслужили молебен. Затем коснулись ковчежцем Поклонного креста и понесли святыню в дом престарелых. К тому времени он этот свой статус утратил, большую часть постояльцев увезли, оставшиеся ждали своего часа на отъезд.

Многими грехами было осквернено здание. Бабушки с дедушками порядком нагрешили пьянством и блудом. Даже такое непотребство обнаружил Валера – Евангелие в туалете лежало, будто книжка ненужная для соответствующего использования.

Монахи пронесли ковчежец по всему зданию, заходя поочерёдно в комнаты с жильцами. Кто-то с благоговением прикладывался, кто-то с недоумением, кого-то будто током било. Имел место дивный случай. Лежачий дедушка, стоило внести ковчежец в его комнатку, подскочил с кровати и бросился вон. Чудо-то вроде бы и чудо, да с каким знаком? С одной стороны, давно не ходячий обрёл невиданную резвость ног, зайцем брызнул за дверь, с другой – почему шарахнулся, будто святыня жарким огнём опалила? Данное происшествие так и осталось для Валеры загадкой.

На следующий день оставшихся постояльцев дома престарелых вывезли, расспросить о болящем, в мгновение ока обретшем крепость опорно-двигательного аппарата, возмож-

ности не представилось.

Глава шестнадцатая

Яблоки для патриарха

Первой в обитель приехала монахиня Параскева.

В епархии монахини призыва девяностых, этого самого первого призыва, были из тех, кто родился до войны и много чего хлебнул в жизни. Скорбей у каждой более чем хватало. По роду-племени чаще происходили они из крестьянского сословия. Насколько мне известно, лишь одна имела дворянские корни. В светской жизни на хлеб по-разному зарабатывали: кто учительницей, кто медсестрой или инженером... Были и такие, кто познал в юности «тоску лагерей», будучи репрессированным. Жизнь окончили Христовыми невестами, став первыми монахинями епархии постсоветского периода. Не у кого было им перенимать опыт монашества, Дух Святой помогал нести сестринский крест.

Монахиня Параскева этого призыва. Когда ей исполнилось шестьдесят, ушла из преподавателей на пенсию, работала бы ещё в техникуме, да здоровье подводило. Легла на операцию. В это время в больницу принесли икону Почаевской Божьей Матери. Монахи из Почаевской лавры возили святыню по России. Раба Божья Полина, приложившись к иконе, робко попросила у Богородицы исцеления. И дала се-

бе слово после операции обязательно поехать в Почаев.

В святой лавре пришло решение остаток жизни посвятить Богу. Про путь монахини не думала. Он в тогдашнем понимании был для неё высоким и неподъёмным... Но Бог сподобил. Постриг приняла в середине девяностых. Тогда ещё и монастыря женского не было в епархии. Несколько лет жила монахиня Параскева в своей однокомнатной квартире, несла послушания, даваемые владыкой.

Была у матушки взрослая дочь. Замужем за евреем. Бракосочеталась в Москве, потом уехала семья в Израиль. К чему эти подробности? К тому, что подвожу речь к матушкиному свату Моисею Натановичу. Думаю, стоит уделить ему пару абзацев в нашем повествовании. Родом был из Одессы, в лучшие свои годы работал главным метрологом на одном из подмосковных предприятий. Человек интеллигентный, тактичный. Матушка виделась с ним всего ничего, на свадьбе дочери, а после неё от силы три-четыре раза. Сват всегда усиленно приглашал сватью в гости, радушно принимал. Была у него одна особенность, беседу вёл с матушкой и не только с ней, будто был посвящён в какую-то тайну, знание которой позволяло смотреть на окружающих несколько свысока. Из себя дробный, матушка – женщина не мелкого десятка, не ниже его ростом, даже выше, и по комплекции превосходила, только Моисей Натанович умел поворачивать двумя-тремя фразами разговор так, что снова и снова взмывал над собеседником и вещал сверху.

Это к слову. Важнее другое – случился у Моисея Натановича инсульт. Серьёзно потрянуло. Матушка приехала в Москву по епархиальным делам, сват к тому времени немного отошёл от апоплексического, как говорили в старину, удара, однако ситуация оптимизма не вселяла. Ходить не мог, едва-едва передвигался с «ходунками». Не тот орёл, коим был до болезни. Совсем не орёл. Матушка обеспокоилась состоянием свата. И предложила ему покреститься. Мол, приглашу священника – окрестит, потом исповедуешься, причастишься. Это обязательно даст силы.

Пообещала молиться за свата:

– Буду ежедневно просить Господа Бога за вас. Всё в Его власти. И вам надо каяться, просить помощи.

Моисей Натанович внимательно выслушал сватью и поставил условие. Дескать, если по твоим молитвам выкарабкаюсь из болезни, приму вашу веру, признаю Иисуса Христа.

– Молилась, – рассказывала матушка, – будто от моей молитвы зависело не только здоровье свата и спасение его души, будто мне было дано послушание прославить нашу веру православную.

И ведь вымолила. Моисей Натанович позвонил весёлым голосом:

– Сватьюшка, приезжай, будешь моей крёстной.

Матушка со всей душой, да не ближний свет. Сват крестился, жена его крестилась, потом и обвенчались. Уехали в Израиль православного вероисповедания. Моисей Натано-

вич несколько раз приглашал несостоявшуюся крёстную в паломничество по святым местам земли обетованной.

– Приезжай, сватьяшка, в храм Гроба Господня сходим, на гору Фавор свожу. И помолишься у нас, и посмотришь.

Про случай с крещением свата мало кто из знакомых монахини Параскевы знает, не любит она распространяться про себя, зато легендой епархии стали яблоки из матушкиного сада. Возделывала она клочок земли в садоводческом товариществе. Даже виноград выращивала. Последний был съедобным и вкусным, но славы себе не снискал, зато яблоки! Как уж матушка добивалась такого результата, плоды отличались неправдоподобными (как только ветки выдерживали) размерами, необыкновенным вкусом и ароматом. Сейчас, когда магазины завалены красивыми на вид и далеко не всегда живыми по сути фруктами, матушкины яблоки казались бы райскими. В урожайные годы матушка угощала ими всех знакомых.

Яблоки были вписаны в анналы истории епархии в тот год, когда её посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, прибывший для освящения поднятого из руин кафедрального собора. При встрече высокого гостя звучали речи в его честь, вручались подарки, кроме этого, Предстоятеля нашей церкви попотчевали яблоками матушки Параскевы. Очевидцы говорят, патриарх засомневался: неужели в Сибири могут расти такие? И потребовал к себе садовницу. Так монахиня Параскева удостоилась чести быть

представленной патриарху и услышать из его уст слова восхищения в адрес своих яблок.

Устраивать обитель в Таёжке матушка отправилась преисполненная великой радостью:

– Я ведь в тайге родилась, – сказала владыке, – а теперь сподобилась поработать во славу Божию на таёжной земле, а потом и лечь в неё.

На что митрополит, играя сердитость, произнёс:

– Ты мне живая там нужна, а не под крестом.

– Это я постараюсь.

Давным-давно сельская девчонка Полина уехала в город из таёжной деревни. Мечтала «выучиться на учительницу». Денег у родителей не было, Полина собирала вёдрами смородину и малину, продавала и, накопив нужную сумму на дорогу, навсегда уехала из родного дома.

Валера рассказывал, что матушка, приехав в Таёжку, не могла надышаться таёжным воздухом, светилась тихой радостью, то и дело повторяя:

– Как в детство вернулась.

Пусть родная тайга простиралась за полторы тысячи километров от обители, да та, что подступала к Таёжке, была не менее величественной, с теми же нежными и суровыми красками, накатывала запахами, которые отзывались памятью далёкого детства.

Прибыв в Таёжку, оглядев окрестности, матушка не смогла сдержаться, в присутствии Валеры воздела руки к небу и

воскликнула:

– Господи, это самый счастливый день в моей жизни!

Потом признается, что вскоре после восторга, вслух высказанного, наступит один из самых чёрных вечеров в её жизни. Не один Валера услышал восторженные слова о лучшем дне, враг тоже оказался рядом, и не смог безропотно пройти мимо матушкиной радости и факта её приезда с целью обустройства монастыря в его владениях. Столько лет безмятежно воду мутил, вдруг появилась монахиня, будет теперь жечь своими молитвами. О том чёрном вечере, в такую же несветлую ночь переходящем, матушка не распространялась, единственно, что говорила с невесёлой усмешкой: «Да уж, показал небо в алмазах, не забуду ту ночку».

В деталях об «алмазах» рассказывать не стала.

Приехала матушка в Таёжку вместе с послушницей, та младше лет на десять, а всё одно пенсионерка. Большое здание, дел невпроворот. Валера старался помочь всем, чем мог, тем не менее многое приходилось делать женщинам самим.

– Ничего, Валера, – с оптимизмом говорила матушка, – в две бабские силы можно такого наворотить!

Вспоминая матушку Параскеву, Валера любит рассказывать случай о «бабских силах». Дело было так. Поехала монахиня к владыке, с полгода прошло, как она жила в Таёжке. Владыка спрашивает:

– Сколько на сегодняшний день у вас монахинь?

Матушка удивилась повороту разговора. Уж что-что, а перемещение монахов из одной обители епархии в другую, постриг монахов делались только с благословения митрополита. Монахов и монахинь в епархии можно было по пальцам перечесть, всех владыка знал лично. Вдруг «сколько?»

– Одна, – с ноткой недоумения ответила на вопрос матушка.

– Три ведь, – возразил владыка.

«Да что же такое? – подумала матушка. – Может, кто-то ввёл его в заблуждение?»

– Владыченько святой, одна я.

– Да три!

Не стала дальше матушка перечить владыке, раз так желает, пусть будет «три».

Однако не шло из головы упорство, с каким митрополит повторял «три». Озарило неожиданно, вспомнила, собираясь в обитель, молила Бога дать ей сил работать за троих.

«И всё же, – думала матушка, – откуда он взял “три монахини”? Ведь я ему о своей молитве не говорила».

Трудилась матушка точно за троих. В том числе делая мужскую работу. Однажды Валера приходит в монастырь, ба, шкаф, советский полноценный шкаф, шестидесятих годов выпуска, из ясеня сделанный, передвинут метров на шесть. Послушница в тот день была в отъезде.

– Кто тут шкафы ворочал? – поинтересовался Валера. – Помощники появились? Это хорошо.

– Сама с Божьей помощью управилась. Стоит хаткой посреди избушки, решила передвинуть.

– Одна? – не поверил Валера.

– Да.

Валера надавил плечом на шкаф. Ни с места. Упершись ногами в пол, поднажал, с трудом сдвинул.

– Валера, не дури! – запротестовала матушка. – Стоит где надо!

Однажды Валера принялся копать дренажную канаву близ обители, планировал за пару-тройку вечеров справиться. Днём не было времени. На следующий вечер приходит – канава готова. Матушка постаралась. Притом, что перенесла несколько операций, тяжёлую работу врачи категорически запрещали. Вопреки запретам брёвна, доски таскала, землю копала. Иногда вздыхала:

– Лет на пять бы пораньше сюда. Силы уже не те...

Враг не хотел вот так запросто отдавать здание, где столько лет жилось припеваючи. Приехала помогать монахини мирянка – надумала пожить в местах заповедных, поработать во славу Божью, помолиться. Была из тех, кто совсем недавно пришёл в церковь. И получила на новенького... Отведённую ей комнатку отмыла, иконку повесила в углу. Вечером от монахини приходит (акафист читали), садится на кроватку с чувством «какой славный денёк получился»... И тут же подскочила, как ужаленная. По стенам будто кто из пулемёта очередь выпустил. За первой – вторую, третью. Не

обои потрескивают от перепада температур или ещё что – стрельба, натуральная стрельба. Женщина метнулась к монахине, с глазами, от испуга округлившимися до невероятных размеров:

– Матушка Параскева, у меня в комнате ужас! По стенам пулемётные очереди одна за другой!

Матушка со спокойным лицом восприняла боевое сообщение.

– Ясно-понятно, – сказала, – что за пулемётчик в твоей комнате.

Взяла святую воду, кропило, с заклинательной молитвой окропила стены, окно, дверь, остановила «стрельбу»...

С другой знакомой монахини Параскевы и того интереснее получилось. Надо сказать, подружки матушки нет-нет да приезжали в Таёжку. Матушка многим из своего окружения сделала в жизни доброго в светской жизни и, конечно, молилась за всех. Ей старались ответить взаимностью. Подруга приехала на пару недель помочь в обустройстве обители. В первую ночь встаёт на молитву, свечечку затеплила и не успела крест на себя наложить, у тумбочки дверца сама собой открылась. Тут же со стуком встала на прежнее место. Ладно бы только открылась, можно объяснить – что-то ослабло или перекосилось, дверца под собственным весом пришла в движение... Дальше – больше. Тумбочка о двух дверцах, вторая таким же макаром начала менять положение: «открыто» на «закрыто», а «закрыто» на «открыто».

Женщина онемела, стоит столбом не в силах пошевелиться, дверцы тем временем веселятся – хлоп да хлоп, стук да стук. С нарастающим криком послушница вылетела за дверь...

Утром явилась к монахине с сумкой, в дорожном платье: – Прости, матушка, поеду домой, видно, совсем я грешница! Боюсь – вдруг сердце не выдержит!

Забрав евхаристический набор из-под зоркого ока старосты Клавдии Петровны, батюшка Роман начал служить по субботам, воскресеньям и праздникам обедни в храме обители. Постепенно прекратились странности со стрельбой, самораскрывающимися дверцами, другими страхованиями. Комнату за комнатой присоединяли к обители, делали ремонт в одной, читали акафист, переходили ремонтировать другую. Объединив три комнаты, устроили церковь. Одну комнату под алтарь отвели, две другие – средняя часть храма и придел. Ремонт продвигался от придела к алтарю. Сначала в отремонтированном приделе отец Роман отслужил обедню, Служил, как во времена гонений на христиан, когда вместо престола мог быть пенёк. В нашем случае роль престола выполняла табуретка. Затем отремонтировали среднюю часть храма, наконец, табуретка-престол была внесена в алтарь. После той службы в полностью отремонтированном храме Валера с батюшкой соорудили капитальный престол.

Где-то сразу после этого Валера примчался на велосипеде к монахине Параскеве молиться за Геру-чеченца.

Глава семнадцатая

Гера-чеченец

На Выселках в соседях у Валерия жил Герман Волков, или – Гера-чеченец. На тему современной деревни можно говорить долго и нудно. Суть одна, колхозы распустили под лозунгом «долой административную систему». Вот вам, кормильцы наши, земля, вот вам, хлеборобы наши, воля! Всё в ваших мозолистых руках, вперёд и с песней. Хотите с лирической, хотите с рэпом – никто вам более не указчик. Но и не ждите ничьей помощи. Последний постулат не афишировался, его скромно умалчивали идеологи светлых перемен. Одним словом, кинули хлебопашца, земледельца, хлебороба и скотовода на произвол судьбы.

Молодость Геры-чеченца совпала с этими судьбоносными преобразованиями на деревне. В армии он освоил автомат с пулемётом, вернувшись в Таёжку после дембеля, помыкался-помыкался с «землёй и волей» и надумал зарабатывать стрелковым оружием. Слава Богу, не на большой дороге. Шла Вторая чеченская война, туда и поехал по контракту. Пробыл на войне с полгода, вернулся, надолго запил, потом закодировался и стал ездить в Нижневартовск на вахты. После Чечни приобрёл к имени Гера приставку «чеченец».

Гера-чеченец был среднего роста, плотного телосложения, о таких говорят: на ногах стоит – не собьёшь. С бородой. При знакомстве Валера отметил:

– Молодец – не босорылый.

– В смысле? – насторожился Гера.

– Ну, борода.

– А-а-а, – заулыбался Гера. – Устроился на Север на вахту, бриться на Ямале было лень. В первый раз приехал на побывку, думаю, покажусь жене и сбрею, а ей понравилось, солиднее, говорит, выгляжу. Мне ещё лучше – одна утренняя забота долой. С той самой поры расстался с босорылостью.

Гера был некрещёным.

– Тем более надо креститься.

– Да не, чё там.

Как ни приглашал Валера в церковь соседа, не хотел. А вопросы на духовные темы задавал, бывало – глобальные. К примеру, объяснить смысл Троицы. Или – в чём грех Адама.

Однажды вечером догнал Валеру, тот направлялся из Выселок в обитель, зашагал рядом.

– Слушай, – начал разговор, – давно хочу спросить, как ты считаешь, что со мной было?

И рассказал эпизод из Чеченской кампании. Прочёсывали посёлок на предмет наличия боевиков и обнаружили «предмет». Группа на рассвете вошла в посёлок и напоролась на федералов, среди коих был Гера. Завязалась перестрелка. Окружённые боевики отчаянно сопротивлялись, Гера не

один рожок расстрелял. В конце концов, боевиков уничтожили, но после боестолкновения выяснилось – погибла мирная женщина. Уважаемый человек, учительница. Бой шёл рядом с её домом. Увезли в тяжёлом состоянии в больницу, там скончалась. При вскрытии из тела извлекли две пули.

– Одна моя, – рассказывал Гера, – но я в неё не стрелял! Я вообще её не видел. Каким образом оказалась на линии огня, не представляю. Самого едва не убили. Стою за деревом, вдруг сзади очередь, ухо жаром обожгло – пуля рядом прошла.

Командир роты вызвал Геру к себе и потребовал признания в намеренном убийстве женщины, дескать, ты посчитал, что она укрывает боевиков, и дал очередь на поражение. Гера не соглашался, тогда командир посадил его в машину, увёз за несколько километров от жилья и бросил в яму-зиндан, сказав подчинённому: «Посиди, подумай».

В яме стояла вода. Сначала была чуть выше колен.

Командир имел контузию, на него порой находило, Гера надеялся, остынет, отпустит. Приехал через сутки, начал давить на психику: «Сознавайся, не то отдам чеченам, кожу спустят, голову отрежут».

Не кормил, не поил.

– Он чего-то боялся, – говорил Гера. – Может, надеялся, сдохну с голоду и дело замнут. Не знаю. Может, вообще ничего не думал порченными войной мозгами.

Через двое суток Геру нашёл сослуживец, бросил банку

тушёнки, предварительно открыв. Сказал, что вытащить не может, но доложит куда следует. Гера тушёнку съел, а потом всю ночь зубами шлифовал крышку банки. Шлифовал и следил за уровнем прибывающей воды. К середине ночи она поднялась до пояса...

– Отточил, – рассказывал Гера, – а потом замахнулся полосонуть по венам. Думал, резану, в воду руку опущу. Жить не хотел. Вдруг кто-то из-за спины за руку, в которой была крышка, схватил: «Парень, не надо!» Я как протрезвел, руку опустил. Звёзды над головой, вода выше пояса уже, и никого. Утром вертушка надо мной зависла...

Геру вызволили и посоветовали написать в прокуратуру на ротного. Гера писать не стал, бросил военные заработки и вернулся в Таёжку. И пополнил компанию молодых да безработных сельчан. Парни колобродили по селу, пили до безобразия и скотского состояния, с мордобоем, воровством. Однажды Гера схватился за ружьё, у него украли деньги, он решил разделаться с вором самым решительным образом. Слава Богу, из одного ствола промазал, а второй дал осечку. Этот случай Геру образумил, он откололся от весёлой компании, по настоянию матери закодировался, нашёл работу. А вскоре женился.

– Воля Божья нам неизвестна, – рассуждал Валера, отвечая на вопрос Геры. – Ты не крещённый, а Господь всё равно остановил тебя от страшного греха. Явил свою милость, чтобы не попал в то место, где твой отец.

Валера в восьмом классе учился, когда его отец в пьяном угаре влез на столб и кинулся вниз головой.

– А отца почему никто не остановил? – спросил Гера.

– Его, наоборот, враг подтолкнул.

Крестился Гера вместе с женой и дочерью. Долго не пил, но однажды сорвался. Валера поздним вечером складывал под навесом дрова в поленницу, вдруг калитка открывается, Гера вваливается, шаг нетвёрдый, перегаром разит.

– Ты что, Гера! – ужаснулся Валера.

– Помолись за меня! – начал просить. – Страшно! Реально страшно! Помолись! Не хочу как раньше! Не хочу! Помогите!

Валера запрыгнул на велосипед и полетел в монастырь. Час был поздний, женщины в обители закрылись. Затарабанил:

– Матушка Параскева, открывайте!

– Что случилось? – встревожилась монахиня.

Валера поведал о Гериной беде.

– Пошли в храм, – позвала матушка, – вместе будем молиться.

«Я-то ладно, что там моя молитва, – говорил Валера, – матушка другое дело...»

Жена Геры рассказывала, он вернулся от Валеры, сел за стол, запричитал:

– Дурак! Дурак!

Вдруг, будто пружиной подброшенный, на крыльцо выскочил. И начало его наизнанку выворачивать. Закалённого

в пьянстве мужика трепало, будто водку сроду в рот не брал.

Недели через две родственник попросил Геру помочь привезти лошадей из Новосибирска. Едут на КамАЗе, а на трассе авария – фура с водкой перевернулась, бутылки в беспорядке валяются – на дороге, на обочине, битые, целые. ГИБДД подъехала. Гера с родственником остановились, Гера выпрыгнул на землю и тут же обратно заскочил в кабину. Водкой несло на всю округу. Гера дверцу поспешно захлопнул. «Всё, поехали, – приказал, – пока меня полоскать не начало!»

Глава восемнадцатая

Перезвоните позже, я в могиле

Первые два года удавалось договариваться, обитель не отрезали от центрального отопления. Котельная в Таёжке отапливала несколько объектов, в том числе обитель. Затем назначили нового начальника над котельной, тот поставил жёсткое условие: платите полмиллиона и никаких разговоров. Откуда было взять такие деньги. Доложили владыке, он со своей стороны спустил указание: делайте автономное отопление, дабы ни от кого не зависеть.

«Делайте» это понятно, да ни рубля епархия не выделила. Ещё и условие поставили отцу Евгению, если не сделает – вакансии в епархии (приходы без священников) имеются, есть куда отправить на прорыв. Отец Евгений закручинился. Ему с пятью детьми в районном селе проблематично: немногочисленным прихожанам себя бы прокормить, на батюшку мало что остаётся. А если отправит владыка неизвестно куда? Здесь как-то приспособился, подработки бывают. Нельзя не рассказать о таком случае в связи с этим. Валера по зиме звонит отцу Евгению на сотовый, в ответ из трубки голос, как из бочки:

– Валерий, перезвони позже, я в могиле.

Весёленькое дело такое услышать. Не зная что к чему, можно подумать, батюшка или неудачно шутит, или переутомился. На самом деле всё было проще простого – батюшка подрядился могилу копать. Он, конечно, не ходил по дворам, предлагая: «Копая могилы! Копая могилы!» Да время от времени шли к нему с просьбой: «Выручай, батюшка, больше некому, мужики все запили». Отец Евгений – мужчина крепкий, в прошлом спортсмен, силушка в руках имеется. И надёжный – если возьмется, то сделает обязательно.

Батюшка от перспективы быть отправленным на ещё более бедный приход заволновался. Нашёл мастеров, готовых сварить котёл за тридцать тысяч, позвонил Валере, на этот раз не из могилы, объяснил ситуацию: специалисты есть, материал у них на котёл имеется, только у него денег ни рубля, чтобы открыть заказ.

Валерий вызвался поискать благотворителей.

Чем примечательно наше время – ты в советский период мог быть в хороших товарищах с людьми, которые позже оказались на разных краях социальной лестницы – стали, или бомжами или миллионерами. Ты как был посередке, так там и остался, а их разметало. Ничего не предвещало крутых взлётов и резких падений в размеренной прошлой жизни, в бурной нынешней всё перемешалось в доме Облонских. Один, имея светлую голову и ясный ум, не выдержал бурного натиска жизни, опустился на дно. Другой, наоборот, почувствовал себя рыбой в воде, отлично вписался в кру-

тые и опасные повороты нового времени. Толя Бабарыкин, из вторых, он умело повёл свой бизнес, сделался состоятельным человеком, владельцем строительной фирмы. Познакомились они с Валерой в начале девяностых. Познакомились не в бизнес-клубе или бизнес-бане, что зачастую было одним и тем же, а в спортзале за теннисным столом. Валера в детстве и юности занимался пинг-понгом, потом отошёл. И вдруг встретил знакомого из прежней спортивной компании. Тот окончил физкультурный институт, работал тренером. Днём вёл детские секции, а по вечерам была группа взрослых мужчин, любителей настольного тенниса.

– Приходи, – пригласил Валеру, – мужики серьёзные, деловые, их потренируешь, сам поиграешь. Плюс бассейн, баня. Денег с тебя не беру.

Валера заглянул однажды, понравилось. Там и познакомился с Бабарыкиным. Трудно сказать, сколько они партий сыграли за два с половиной года, что ходил Валера на теннис. Бабарыкина Валера первым поставил в список предполагаемых благотворителей. Не представлял его реакции на идею благотворительности. Деньги, конечно, у него есть, общие знакомые докладывали: отнюдь не бедствует, даже процветает. Да ведь не зря говорится: есть, может, и есть, да не про вашу честь. Состоятельный человек почему и состоятельный, что дорожит копеечкой.

Для начала Валера пошёл в кафедральный собор, к мощам местночтимого святого, в прошлом епископа.

«Ты же знаешь, угодник Божий, что такое обитель обу-
страивать, – молился Валера. – Помоги найти деньги на ко-
тёл. Как мы в зиму войдём без него? Походатайствуй перед
Богом за нас. Это ведь в прошлом твоя епархия...»

Помолившись, отправился к Бабарыкину. С Толей не ви-
делись лет семь-восемь. Первое время, воцерковляясь, Ва-
лерий продолжал ходить в спортзал, потом забросил теннис.
Как относится Толя к церкви, не знал. Лелеял надежду хотя
бы тысячи три получить от него. Тут уж поистине, курочка
по зёрнышку.

Не получится, так не получится, успокаивал себя, а под
лежащий камень вода не течёт.

По дороге к Бабарыкину обдумал схему построения раз-
говора: лучше «зайти со сто первого километра», спросить,
есть ли у Толи среди знакомых состоятельные верующие лю-
ди, кои могут поддержать хорошее дело – создание монасты-
ря.

Толя вышел из-за стола навстречу гостю, обнялись.

– А борода-то, борода! – похлопал Валеру по плечу. – Рад
тебя видеть.

Икон в кабинете не было, это обстоятельство Валерий от-
метил в первую очередь. На стеллаже тёмного дерева, на са-
мом видном месте на подставке стояла ракетка для пинг-
понга. Из дорогих.

– Играешь? – показал Валера на ракетку.

За теннисным столом Толя отличался азартом. Из племе-

ни победителей, он переживал поражения, как дитё радовался выигрышам. Лёгкий, подвижный, длиннорукий, грациозный. Играл хорошо, было одно слабое место – приём слева. Просил Валеру чаще давать на эту сторону стола. В юности серьёзно занимался настольным теннисом, и любовь не угасла. Даже ездил на иногородние соревнования, финансировал их, играл.

– Мне нужна эта эмоциональная подпитка, – признавался Толя. – Кураж состязаний, этот лёгкий мандраж, выброс адреналина!

Ему нравилось играть с Валерой, соперниками они были примерно равными, сражались упорно.

– Года два не играю, – ответил Толя на вопрос. – Повредил колено, сделали операцию. После неё стал побаиваться повторной травмы. В доме есть спортзал, там с сыном стучим. Из него хороший мог бы получиться теннисист, но лентяй.

И в свою очередь спросил:

– Сам играешь?

Валера начал рассказывать о церкви, монастыре, Таёжке. Толя слушал молча, с бесстрастным лицом. Рассказ не вызвал у него никакой реакции. Валера понял, говорит не так, не то. Промелькнула мысль: ничего здесь не выгорит. Вовремя вспомнил о фотографиях, ухватился за них, как утопающий за соломинку:

– У меня есть фото.

Поспешно достал и разложил веером на столе.

Толя оживился, лицо расплылось в улыбке:

– Вот это другое дело!

Он брал в руки фотографии, разглядывал, спрашивал. Было видно, ему искренне интересно.

– В детстве ездил к бабушке, это Красноярский край, в селе была деревянная церковь, голубой краской крашенная. Потом её снесли. В памяти осталась очень красивой. Недавно в Интернете наткнулся на её фото. Совсем простенькая, ничего особенного. С твоей не сравнить. Эта красавица. Умели люди строить!

Кроме церкви Покрова Пресвятой Богородицы, снятой с разных ракурсов, были фото внутреннего убранства храма женской обители, самой обители, увенчанной крестом, а также десятка два фотографий окрестностей Таёжки. Даже по этим, любительским снимкам было видно, насколько Божьей милостью красивые места.

– Вот это ясно-понятно! – разглядывал Толя. – Давай уже приглашай в гости!

– Конечно, приезжай! Не пожалеешь! Порыбачим, в тайгу ходим. Хочешь за ягодой, хочешь за грибами, будет шишка – пошишкуем. Я в какой только тайге не был – читинской, алтайской – ничем не хуже. Первозданная красота.

Затем Валера изложил проблему с отоплением, от котельной отрезали, и денег нет на приобретение котла.

– Жалко бросать такое здание, – вздохнул Валерий, а потом спросил: – Толя, у тебя нет среди знакомых состоятель-

ных верующих людей, кто мог бы помочь с котлом?

– Нет, – сказал Толя, – но я с удовольствием помогу.

Толя открыл сейф и положил перед Валерием пачку денег. Пятисотки. Валерий бросил взгляд и решил про себя – пять тысяч.

Позже рассказывал: «Я в тот день притормаживал, всю ночь ехал на автобусе, какой в автобусе сон, не выспаться, голова чумная – плохо соображал».

Валера, глядя на пачку, подумал: «Пять тысяч из тридцати – уже неплохо».

Настроение улучшилось, как же – начало положено. Надо бежать дальше деньги искать. Азарт охватил. У него в списке – к кому идти с протянутой рукой – было ещё две фамилии. В то же время, хотя голова и чумная, понимал, не по-людски схватить пачку и на выход. Поблагодарил Толю, а сам дальше продолжает рассказывать о Таёжке.

Толя перебил:

– Валер, убери деньги, кто-нибудь зайдёт, ни к чему это.

Валерий сунул пачку во внутренний карман.

Распрощавшись с Толей, вышел на улицу и поехал к брату Сергею. Дело в том, что в дальнейшем сборе денег без помощи брата было не обойтись. Он обещал свести с ещё двумя потенциальными благотворителями. В троллейбусе Валера засомневался в оценке полученной суммы.

– Серёга, сколько здесь? – первым делом спросил у брата, бросив перед ним пачку.

– Сколько-сколько, – посмотрел на пачку в банковской упаковке брат, – тридцать тысяч!

– Почему тридцать? – У Валеры начало проясняться в голове. – В любой пачке сто купюр. Пятьсот на сто – это пятьдесят тысяч.

– Вроде.

– А ты – «тридцать тысяч»! – передразнил Валера.

– Если знаешь, что вяжешься со своей арифметикой?

– Ладно, не обижайся, я вообще поначалу решил, здесь пять тысяч.

Валера на всякий случай разорвал упаковку, пересчитал деньги, после чего схватил телефон, доложил победным голосом отцу Евгению:

– Батюшка, нам пожертвовали пятьдесят тысяч на котёл!

Валере показалось, батюшка подпрыгнул от счастья.

– Слава Богу! – выкрикнул он в трубку. – Слава Богу!

Пятьдесят тысяч как раз хватило на котёл, насос и оборудование кочегарки.

Кстати, кочегарку устроили в той комнате, где неходячий пациент дома престарелых лежал, который обрёл небывалую прыть, когда монахи с Афона внесли к нему ковчежец с частицей Креста Господнего.

Полы в комнате содрали, перегородку убрали, стяжку цементную залили.

Запускал систему отопления Лёня Плахин, давний знакомый благочинного отца Евгения. Он его специально вызвал

из губернского города.

Матушка Параскева говорила:

– Лёня, ты как солнышко.

Лёня был большой и улыбающийся, с открытой душой. За четыре дня, что работал в обители, со всеми сдружился, расставались, как родные. Обещал приехать в гости, но так и не собрался.

Лёня относился к сочувствующим церкви.

– Служил бы отец Евгений в городе, – объяснял Лёня Валере свою позицию, – к нему бы, пожалуй, ходил в церковь, а так... Но Богу я благодарен.

Лёня, как и Гера-чеченец, работал вахтенным способом в одном из городов Ямала. Нефть и газ Тюменского Севера мощными потоками текли в Европу, кой-кого баснословно обогащая, но и многие мужики Сибири зарабатывали на кусок хлеба у этих потоков. Лёня из их числа. Зимним утром вышел он из подъезда в хорошем настроении и видит драматическую картину: между домами пустырь, два мужика к женщине пристают. Конкретно. Без всяких двусмысленностей. Один рот зажимает, чтобы не кричала. Лёня окликнул:

– Ребята, прекращай шалить!

Ответили грубо.

– Я серьёзно, – сказал Лёня, – отпустите.

Один пошёл на Лёню. Был из себя не ниже Лёни, в плечах не хилый. Да только не знал, что Лёня запроваленный кислородный баллон поднимал себе на плечо, будто картон-

ку, свёрнутую в трубу. Ему одного удара хватило уложить насильника. Второй бросил женщину и тоже ринулся в бой. С этим получилось хуже. Лёня уклонился от его кулака, но ответного удара в голову не рассчитал. Мужик подкошенно упал, захрипел и затих. Лёня вызвал «скорую», врач констатировал смерть и вызвал милицию. Ещё до приезда «скорой» спасённая женщина сунула Лёне визитку со словами:

– Мне некогда, позвони если что.

Лёню увезли в следственный изолятор, посадили в камеру. Никого в ней не было, но вдруг запустили мужичка в боксёрских перчатках. То ли это относилось к акту устрашения, то ли на нём хотел потренироваться кто-то из работников изолятора.

Лёня мирным тоном произнёс:

– Я час назад одного хлопца отправил туда, – и показал пальцем на потолок, – и тебя отправлю, если рыпнешься!

Боксёрский поединок не состоялся.

– Загремел ты, парень, – с ухмылкой сказал Лёне следователь.

– Они хотели женщину изнасиловать, ограбить.

– Не надо строить из себя героя-освободителя и романов мне не читать. Не советую. Тот, что живой остался, утверждает, ты налетел на них, требовал деньги. Ему я больше верю, чем тебе с твоей мифической женщиной. Она, конечно, по твоей версии убежала в неизвестном направлении...

– Можно один звонок сделать, – спросил Лёня.

– Кому?

– Да вот, – Лёня вытащил из кармана визитку.

Следователь взглянул на карточку, с лица его сошла маска превосходства.

– Ты откуда её знаешь?

– Та, которую отбивал от этих уродов.

– Звони, – разрешил следователь.

Лёня набрал номер телефона. После его короткого рассказа трубка ответила:

– Значит, так, мне сейчас некогда, часов до трёх занята, а вечером разберёмся. Ничего не подписывай, ничего на себя не бери.

Женщина оказалась известным в городе адвокатом, с широкой практикой, большими связями.

Следователь отправил Лёню в камеру, больше не вызывал. Вечером Лёню без всяких объяснений отпустили.

– Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя, – процитировал Валера Евангелие, выслушав Лёню, – но исповедоваться тебе в этом грехе надо.

Глава девятнадцатая

Церковный забор

Ещё одна история с жертвователями – забор вокруг храма. Не один год был он печалью нашего героя – столбики подгнили, штакетины во многих местах на ладан дышали, а то и вообще отсутствовали. Разве гоже козам шастать по церковному двору. Подлатает Валера забор, да всё не то. Несколько раз начинал собирать деньги на новый, сумма требовалась приличная, и всякий раз, поднакопив, пускал заначку на более горящие нужды. В конце концов, забор вошёл в то состояние, когда ремонтировать не имело смысла. Решать вопрос требовалось кардинально. Валера отправился на поклон к Мише Лаврентьеву.

Договорился, чтобы тот закупил лес-кругляк на свои деньги, распустил его на штакетины.

Прихожанином храма Мишу назвать было нельзя, скорее – заходжанин. Валеру он уважал за настойчивость, упрямство. Приехал городской житель в деревню и не испугался засучить рукава на сельский труд. Местные давно забросили огороды и скотину, он завёл полноценное хозяйство. Настоящий мужик. И церковь обустроивает, не жалея сил и времени...

Автор несколько раз упоминал Лаврентьева выше по тексту, пора уделить ему больше внимания. Сам Миша был личностью более чем колоритной. Один вид – сто сорок килограммов живого веса, метр девяносто по вертикали. Заметная фигура. Миша сумел без потерь пережить все экономические и политические катаклизмы, которые обрушились на деревню в постсоветский период. Головастый и рукастый опровергал утверждение: на Руси, если руки у мужика золотые, непременно горло дырявое. Миша водку не любил. Мог выпить стакан за компанию, но для такого богатыря – капля в море. Да и пил без аппетита. Надо, значит, надо, чтобы не выглядеть белой вороной. Такой организм иметь – уже счастье. Во дворе Миша поставил ангар, в котором оборудовал полноценный столярный цех, работавший по схеме: на вход подаётся лес-кругляк, на выходе – готовые изделия: доски, брус, обналичка... Имелась в цехе ленточная пилорама, циркулярная пила, станки для работ по дереву. Миша угадал потребность рынка в походной мебели, изготавливал складные стульчики и столики. Сам ли разработал конструкцию или где-то в журнале подсмотрел, походная мебель отличалась надёжностью и удобством, шла на ура у местных и неместных жителей.

Штакетины для церковного забора сделали не стандартной «пятеркой», а «десяткой» – десять сантиметров в ширину, верх резной, дабы отличался церковный забор красотой. Был он по периметру сто сорок метров, а значит, денег тре-

бывалось на него приличное количество.

Часть суммы Валера собрал к нужному сроку, отдал Лаврентьеву. А дальше началось безденежье. Пришлось извиняться перед Мишей, просить об отсрочке окончательного расчёта.

– Как с огородом управлюсь, – клялся Валера, – поеду в город, там обязательно соберу.

Миша недовольств не выражал, согласно кивал головой, тем не менее Валеру мысль о долге мучала. Горячо уверял Лаврентьева, когда затевали проект с забором, что отдаст деньги в срок, и оказался болтуном. Понятно, Миша не бедствовал, не последние сбережения вложил в покупку леса, да дело чести сдержать слово. Штакетник весь готов – а деньги за него не уплачены.

Отец Роман к тому времени получил новый приход, уехал из Таёжки, батюшка Евгений приезжал служить редко, поэтому в субботу вечером и в воскресенье утром Валера и его помощники служили мирским чином. В ту субботу, было это после Покрова Пресвятой Богородицы, Валере в середине дня залетела пробным шариком мыслишка: а не пропустить ли вечернюю службу? В деревне банный день – это раз, в храме холодно – это два, навряд ли кто из прихожан придёт. Статистика подсказывала, никого не будет, кроме него и Максима да верной помощницы тёти Нади Потехиной, которая несла послушание на свечном ящике. Вот и всё предполагаемое наполнение храма. Вдобавок Валере нездорови-

лось, простыл, а значит, следует заняться собой и придушить болезнь в самом зародыше, пока не набрала силу. Вечером протопить печь и принять «Коктейль Молотова» – радикальное средство от многих недугов. Чудодейственная смесь, в приготовлении которой использовались: аспирин, цитрамон, крепкий чай, мёд, малина и даже ложка водки. Как же без водки? Без водки никак! Разве может настоящее лекарство быть неспиртосодержащим?

Валера, принципиально не употребляющий водку, вместо неё добавлял в чай кагор. Потоотделение после термоядерного удара было сумасшедшим – только успевай менять футболки. Даже утром чувствовалось действие гремучей смеси. Болезнь не выдерживала испепеляющего огня «коктейля» и отступала на раз.

Принимать чудодейственное лекарство, Валера знал по своему опыту, следует не слишком поздно, иначе добрая часть ночи будет бессонной. «Коктейль» на Валеру действовал возбуждающе, сердце надолго переходило в галоп. Валера, утверждаясь в мысли о необходимости лечения, потихоньку подвигал себя к отмене службы.

И всё же сумел справиться с помыслом. Отбросил сомнения, «Коктейль Молотова» примет после службы и что-нибудь успокаивающее, чтобы не таращить в бессоннице глаза до утра. В конце концов, ничего не случится, если выспаться не удастся, главное – побороть хворь.

В храм (служили в Покровском соборе), как и предпола-

гал, никто на службу не явился. Тётя Надя, беспокойная и обязательная душа, пришла, не хуже Валеры, полубольной. Валера, оценив состояние помощницы, отправил её домой:

– Тётя Надя, дорогой вы наш человек, идите и полечитесь хорошенько, чтобы в воскресенье были как огурчик, завтра какой-никакой народ будет, а сегодня как-нибудь сами справимся.

Накануне монахиню Параскеву вызвал к себе владыка, поэтому на клиросе Валера пел вдвоём с Максимом. Максиму Легкову стоит посвятить несколько абзацев... Максим сам из Казахстана. В девяностые годы... Опять эти девяностые. А куда от них деться! Слишком много вобрали в себя. Если семидесятые и восьмидесятые называют застойными, девяностые настолько разогнались, что многие граждане вылетели на обочину... Кто-то называет девяностые репетицией явления Антихриста. Кто-то началом последних времён. Храмы почему открываются? Человеку даётся выбор. Чтобы, представ перед Богом, не делал больших глаз, не начал препираться, в какие церкви было ходить, когда их днём с огнём не сыскать! Подобные отговорки канули в прошлое. Никто лепетание про отсутствие храмов и притеснения верующих слушать не будет. Ушла в историю статистика, когда на миллион жителей одна-две церкви и те под присмотром КГБ. Церквей предостаточно, соглядатаев из органов в них больше нет, никто тебя не сфотографирует из-под полы, на работу обличающие фото не пришлёт, партком, профком,

комсомол терзать не будет... Свобода...

Девяностые памятно прошлись по Максиму. Работал электромонтажником на военном заводе. Предприятие закрыли. Ни работы, ни денег, со стороны казахов начались наезды на русских. В один момент Максим сел в лодку, перекрестился: «Да будет воля Твоя, Господи» – и поплыл по Иртышу.

В России было не намного лучше, чем в Казахстане, но Иртыш нёс мутные воды в Россию и вместе с ними плавсредство Максима. Ловил Максим рыбу, ею поддерживал жизненные силы. Собирал и сдавал по берегам бутылки – на эти деньги хлеб покупал. Если видел на берегу церквушку, делал остановку и шёл помолиться. В одном храме, это уже в России, батюшка, выслушав историю странника, предложил остаться, провести электропроводку в строящемся приходском доме, помочь в службе. Там Максим научился читать по-церковнославянски, освоил клиросное пение.

До поздней весны жил при церкви, а после Пасхи поехал в Таёжку. Отец у Максима был родом из Таёжки, там жили бабушка и дядя, к ним и отправился. И прижился на новом месте. Завёл семью. Работать устроился в школу – электриком и учителем труда. Поступил в пединститут на заочное отделение. И с первого курса стал учителем широкого профиля, преподавал юным жителям Таёжки физику, математику, информатику и даже Закон Божий. Окончил институт. В последнее время работал в электросетях. Обслуживал все

деревни в округе. Как говорила тётя Надя Потехина: «Максим у нас главный мастер по свету». Из жителей Таёжки в церквю он был первым помощником Валере.

Та служба шла своим чередом. Валеру знобило. Надобность в «Коктейле Молотова» к вечеру не только не отпала – возросла. Холодно в храме, холодно на улице. Осенняя плотная темнота окутала Таёжку. Ни одного уличного фонаря не горело. Их попросту не имелось. Одна-единственная лампочка светилась над входом в храм. Она и привлекла того москвича.

На «Шестопсалмии» в притвор вошёл мужчина. В кожаной стильной куртке, фирменных джинсах, интеллигентного вида. С достоинством перекрестился, сделал глубокий поклон. Не местный. Валера дал знак Максиму – читай, сам направился к незнакомцу. Мало ли, может, свечи нужны. Мужчина поздоровался, сказал, что из Москвы, православный, помогает храмам. За Таёжкой, в Каменке, у него прадед сидел в лагере. Был репрессирован в тридцатые годы. Отбывал срок в Каменке. С группой заключённых совершил побег и бесследно сгинул в тайге. Никакой дополнительной информации в архивах разыскать не удалось. Мужчина ехал в Каменку с сыном, поклониться месту гибели прадеда. Спросил:

– Ваш священник будет за раба Божия Иннокентия молиться?

– Прадед крещён? – спросил Валерий.

– Точно сказать не могу, документов нет, прабабушку я

не знал, бабушку не спрашивал, но тогда всех крестили. Сам он русский, из Калуги.

Мужчина достал и протянул пятитысячную купюру:

– Хочу пожертвовать на ваш храм, чтобы молились за прадеда.

Валера принял деньги со словами:

– Батюшке обязательно передам вашу просьбу.

Валера, конечно, сразу подумал о долге Лаврентьеву за кругляк. Семь тысяч нужно, а тут сразу пять...

– Спаси вас Господи, – с поклоном поблагодарил Валера незнакомца.

– Не подскажите, – спросил тот, – как в Каменку проехать?

Валера пошёл на клирос, отправил Максима к мужчине, сам принялся читать дальше.

Боковым зрением увидел, Максим с мужчиной вышли из церкви, затем Максим вернулся, подошёл к клиросу и положил перед Валерием ещё одну пятитысячную купюру:

– Жертвует на храм. И просит меня поехать с ними, показать дорогу до Каменки.

Валера кивнул: езжай.

Как рассказал потом Максим, мужчина был главным энергетиком крупного московского предприятия. Можно сказать, коллега Максима. До Каменки они не доехали один километр, дорогу перегородила огромная лужа. Решили не рисковать. Пошли пешком, освящая путь мощным фонариком. От Каменки ничего не осталось. Лагерь закрыли в пяти-

десятые годы, деревня разъехалась лет на десять позже. Ровно шумела тайга. Верховой ветер, носившийся в небесных просторах, крылами касался вершин могучих деревьев. Спелые звёзды лили холодный свет из вселенских далей, пахло прелым листом, осенью.

– Вот где настоящие звёзды, – произнёс мужчина и достал из внутреннего кармана куртки фляжку с коньяком. Открыл крышку, сказал: – Мой духовник, отец Андрей, говорит, что по православной традиции не следует поминать вином, давайте выпьем за то, что наконец-то я нашёл Каменку и приехал к прадеду, Царствие ему Небесное. Сколько лет собирался сюда. Бабушка слёзно просила съездить. Однажды, будучи студентом института, почти было поехал, да друзья в последний момент сманили в горы. Нынче подумал: нельзя больше откладывать.

Они выпили из металлических стаканчиков.

– Перед Первой мировой войной прадед учился в Германии, в Кёльне, в университете, – рассказал мужчина на обратной дороге к машине. – У студентов была шутка, новичку предлагалось в пивнушке из сапога выпить пива. Наливают полный сапог – пей. Шутка юмора в том, что обязательно обольёшься с ног до головы, если не знаешь гидродинамики, начнёшь пить, держа сапог носком вверх. Прадед прекрасно знал и не доставил удовольствия немчуре. Они думали, перед ними русский олух, да олухами сами оказались. Русский выпил одним духом, искусно ориентируя сапог в простран-

стве, ни капли не пролил на себя. Любую схему электрическую, на какой бы большой простыне ни была нарисована, прадед запоминал с одного просмотра, потом воспроизводил по памяти. Это мне рассказывал профессор нашего института, он меня учил, а его – мой прадед.

Высаживая Максима в Таёжке, мужчина крепко пожал ему руку:

– Вовремя мы заметили свет в вашей церкви...

В воскресенье Валера вручил Мише Лаврентьеву семь тысяч долга. Три тысячи отдал отцу Евгению.

На проскомидии, вынимая из просфор частички, поминает он теперь и раба Божия Иннокентия.

Глава двадцатая

Гости

Той осенью пробурили скважину в монастыре. Данное гидросооружение имеет свои тонкости – для создания подземной линзы следует качать воду днём и ночью. Сначала качать для создания линзы, потом для поддержания её в рабочем состоянии, чтобы не заиливалась. Стояла задача: организовать слив воды за территорию монастыря. Для чего провести трубопровод из пластиковых труб, само собой – утеплить их. Схема такая, что по территории монастыря трубопровод идёт на высоте полутора метров над землёй. За оградой монастыря надо преодолеть дорогу, для чего прокопать траншею, проложить трубу, сделать над ней накат из брёвен. Работы много. Одному не справиться.

Валера позвонил хорошему знакомому из районного села Вите Смолину, он согласился на недельку приехать, помочь с трубой. Витя – человек сельский, руки из нужного места растут – всё умеет. К тому же на пару с женой Татьяной люди православные, на Крещение, Пасху и Троицу любят в Таёжку паломничества совершать.

В тот раз тоже вдвоём приехали. Валера с Витей в монастыре работали, Татьяна дома по хозяйству. Началось всё хо-

рошо, да тут же и закончилось. В первый день мужчины в монастыре на славу потрудились, вывели трубу за забор. Рассчитывали дня через три начать прокачивать скважину. Как писали раньше в газетах, с чувством удовлетворения от проделанной работы вернулись домой. Татьяна ухи наварила, драников наделала. Мужчины проголодались зверски: весь день на улице, а это первые числа ноября, морозец. Навалились на уху...

Татьяна какую-то минутку посидела за столом и говорит: –Что-то нехорошо мне, прилягу.

Валера с Витей не придали значения, устал человек. Татьяна днём развернула бурную деятельность – генеральную уборку в доме затеяла, полы, окна вымыла, занавески постирала. Легла в комнату на диван, а ей хуже и хуже. Да не просто давление, температура или ещё что-то подобное: с головой непорядок – околесицу понесла. По дивану мечется, бредит, от кого-то отмахивается.

Валера сбегал за фельдшером, та вызвала «скорую». Врач Валеру спрашивает:

– В психушке женщина не наблюдалась?

Валера Вите переадресовал вопрос. Тот с обидой:

– Да вы что? Никогда! Намёков не было!

– Вы же видите, – доктор говорит, – человек не в себе.

Повезли Татьяну в район, муж вместе с ней уехал.

Валера снова остался один, со стола убрал, посуду вымыл и тоже почувствовал себя нехорошо – головная боль, сла-

бость.

Поначалу подумал, давление подскочило. Это у него бывает, гипертоник со стажем и опытом. Посему препараты всегда под рукой, при надобности сам себе уколы ставит. В тот раз таблетку выпил, подождал начала действия препарата, да никаких сдвигов к улучшению не почувствовал, наоборот – катастрофическая слабость навалилась, а в голове будто пудовым молотом застучали – бух-бух, бух-бух! Тяжелейшее состояние. И симптомы не гипертонические.

Валера кое-как ночь перетерпел, в надежде, что к утру рассосётся. Ничего подобного, нисколько лучше не стало.

В тот год Валера ограничил хозяйство до коз, козлят и курочек. Это, конечно, не пять быков и сто гусей, а всё равно, хочешь не хочешь, можешь не можешь, корми.

«Поднялся с кровати, – рассказывал о том дне Валера, – а ноги не держат. Здоровый мужик, расклеился, как старик. С грехом пополам (стыдно сказать, где и на четвереньках, с остановками) выбрался из дома, бросил сена козочкам, зерна – курочкам. Вернулся, лёг. Надо идти в монастырь, там дел невпроворот, да какой из меня работник. Думаю, полежу, потом видно будет. Таблетку выпил – не помогает.

Ближе к вечеру дом окончательно выстыл, пора печку топить. Заставил себя подняться. Открываю дверцу топки, а она полная углей, ещё красных. На вьюшку бросил взгляд – закрыта. Вот это да! Вот это номер! Быстренько распахнул входную дверь, дымоход открыл, схватил телефон, зво-

ню фельдшеру: “Сообщите в больницу, у Татьяны Кротовой отравление угарным газом”».

Фельдшер потом позабавила Валеру терминологией:

– В «скорой» везём, а у неё православный бред. Про церковь торочила, про исповедь с причастием. Сроду с таким уклоном бреда не слышала. Ваш брат верующие даже бредите не так.

Сама Татьяна рассказывала, что в бессознательном состоянии оказалась в кольце врагов. Отвратного вида, они перечисляли грехи её, злорадно повторяя: ты теперь наша! Татьяна не поддавалась на наглые претензии духов злобы поднебесной, пошла в атаку, сказала, что в названных грехах покаялась на исповеди, поэтому «не их она, а Божья!»

Поставив диагноз себе и Татьяне, Валера двери открыл, угли из топки выгреб, во дворе водой залил. С каждой минутой делалось ему лучше и лучше. В ногах твёрдость появилась, в голове прояснилось. Что называется, жизнь стала налаживаться. Дом с дверями нараспашку окончательно выстыл, Валера терпел холод, дабы ни капли угарного газа не осталось в помещении. Под одеяло залез в одежде, нос наружу выставил перископом.

Через какой-то час Валера вообще полностью восстановился, будто и не умирал ночью. Как огурчик стал.

Бодро поднялся, печь растопил.

Татьяна отходила труднее, десять дней в больнице держали, настолько серьёзной была интоксикация. Первые сутки

врачи ничего понять не могли, не знали, что с ней делать? Только когда Валера позвонил, принялись снимать отравление.

«Вот такой загадочный случай, – говорит Валера, – хотя ясно, кто руку приложил. На следующий день поехал к Татьяне в больницу, спрашиваю, как так получилось, что вьюшку закрыла? Ладно, была бы городским жителем, который впервые в жизни печь увидел. Каждый день имеет дело с печью.

– Как помрачение нашло, – пожимала плечами Татьяна, – ничего не пойму.

Один Господь знает, в чём причина. Бывает, человек приезжает в тот или иной монастырь на месяц или больше. Его благословляет игумен нести послушание. Однако проходит день-два и находится причина, из-за которой паломник срочно вынужден уехать. Монастырь не принял его, вытолкнул. Татьяна с Виктором искренне хотели помочь обители, бескорыстно поработать, принести посильную помощь, а Господь не допустил».

Возможно, предполагает Валера, Татьяна не вместила святыню. В доме у него хранился Потир – Святая Чаша, святыня из святынь в церкви, в которой вино пресуществляется в кровь Христову. В то время в храм по субботам приезжал служить отец Анатолий из-за реки. Когда приобрели на деньги жертвователей новую Чашу, старую батюшка надумал увезти к себе, упаковал в коробку, но в последний

момент передумал. Не решился везти святыню на пароме, день воскресный – многолюдье, толкотня. Благословил Валере взять Чашу домой. Валера – церковнослужитель, живёт один и благочестиво – приемлемый вариант. Чаша стояла в коробке под иконами в ожидании отца Анатолия. Когда приехали Татьяна с Виктором, Валера попросил их к углу с Потиром не подходить.

Во времена гонений советской власти на церковь миряне уносили из церквей Чаши, антимины, дарохранительницы и держали у себя дома. Богоборцы ни перед чем не останавливались, добираясь до святынь. Издевались над иконами – глаза святым выкалывали, топором образа рубили, что касается Святых Чаш – из них бражку пили, антимины чистили сапоги.

В жизнеописании схимонахини Любви Вереykiной есть такой факт. Матушку называли гением христианства. Неграмотная, знала наизусть всё Священное Писание по главам и стихам. В годы гонений на церковь приняла немало скорбей и дожила до наших дней, умерла в возрасте девяноста шести лет в 1997 году.

В монахини была пострижена тайно в катакомбной церкви. Ни о каком монастыре тогда и речи не могло быть, обители закрывали, монахов расстреливали и разгоняли, матушка жила у себя дома в Сочи. Отличалась прозорливостью, иногда юродствовала, в Сочи её знали все. Не один раз арестовывали. Однажды с диагнозом шизофрения определили

в тюремную больницу, куда собрали разом под видом сумасшедших пятидесятников, баптистов, адвентистов... Можно сказать, конгресс всевозможных конфессий в стенах психушки. Из православных была только матушка. В таком собрании не мог не вспыхнуть спор на вечную тему, чья вера истинная. Матушка предложила не празднословить в дискуссиях, не состязаться в красноречии, а провести состязание: ни есть, ни пить, а чья вера правая, тот и выдержит пост. Сама рассказывала так: «Когда все уже сдались, у меня как полилось славословие, стала безостановочно славить Господа – аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!!! И псалмы полились... Они говорят: “Всё, всё, всё... твоя вера правая...”»

Однажды её нашёл монах и передал на хранение святыни – окровавленные скуфью и четки убиенного митрополита Крутицкого и Коломенского Петра Полянского, местоблюстителя Патриаршего престола. Митрополита расстреляли в октябре 1937 года, но ещё за год до этого пустили чекисты слух, будто он умер в тюрьме естественной смертью. Патриаршим местоблюстителем стал митрополит Сергей Страгородский. По митрополиту Петру Полянскому отслужили панихиду. На всякие ухищрения шли в НКВД, стремясь уменьшить церковь. И сегодня есть исследователи, которые о священномученике Омском Сильвестре говорят, никакой он не мученик, вот медицинское заключение о естественной смерти архиепископа Омского и Павлодарского. Что на это скажешь? Попробовал бы врач написать честно и откровенно,

что гражданин Ольшевский после многодневных истязаний садистски убит. Тут же сам доктор «естественной» смертью почил бы от сердечной недостаточности или ещё какой скоропостижности...

Никогда матушка Любовь того монаха больше не видела, он отдал святыни со словами: «На тебе должно истинное Православие устоять!» Как говорила она: «Монах это был или ангел, я и не знаю». Верейкина спрятала дома святыни. А жила под одной крышей с мужем, Мартыном Ивановичем. Приняв монашеский постриг, никаких супружеских отношений с ним не имела, жили, как брат с сестрой. Святыни были переданы матушке тайно, она тоже никого из окружающих не посвящала в этот факт.

Мартын Иванович изготавливал мебель, имел в подвале дома мастерскую. По рассказам матушки, отличался он кротостью и смирением. Однако в ту ночь матушка открывает глаза, а у кровати Мартын Иванович со страшным лицом – глаза безумные, борода всклокочена, в руках топор. Говорит: «Почему не пришла в подвал, весь день прождал. Бесы велели убить тебя. Сказали, если не убью, они меня самого...» Матушка в ответ начала читать заклинательную молитву: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Крестным знаменем осенила мужа. Он топор опустил, сел в изнеможении. Матушка поведала ему о святынях, которые передала ей на хранение, и о своём решении уйти из дома, иначе бесы замучают его. Мартын Иванович воспротивился уходу

супруги – боялся один оставаться. Тогда матушка (в соответствии со словами Евангелия «сей род изгоняется постом и молитвой») наложила на себя и мужа строгий пост – сорок дней воздерживаться от пищи и молиться: «Иначе мы не спасёмся». Муж согласился. Постепенно с него всё сошло, бесовские преследования прекратились. Перед смертью Мартын Иванович принял монашество с именем Симеон.

Позже матушка вынуждена была из-за гонений сжечь четки и скуфью митрополита Петра. Предполагается, что ей было открыто поступить так, а не иначе. В 1991 году она переехала в Москву к своим духовным чадам. Окормляла мирян, окормляла священников.

«Возможно, здесь произошло то же самое, что с супругом матушки Любви, – говорит Валера. – В случае с Татьяной и Виктором мы все могли от угара погибнуть. Бог миловал. Виктор приехать в монастырь больше не смог. Да я и не приглашал. Трубу для слива воды из скважины доделывал с Максимом Легковым, и Жора Майсурашвили помогал».

Глава двадцать первая

Похороны монахини

Умерла монахиня Параскева от рака желудка. На момент смерти была одна в обители. Валера приходил накануне днём, она под утро умерла. Прислонилась к стеночке, видимо, села помолиться... Обнаружила её тётя Надя, что несла послушание на свечном ящичке в церкви. Пришла рано утром в обитель, матушка ещё тёплая была... Тётя Надя сбегала за фельдшером, та определила время смерти. Местные потом говорили, несколько человек были свидетелями (в том числе тётя Надя), в этот час по селу прошёлся сумасшедший порыв ветра. Будто оторвался от бури, что шла где-то стороной, и понёсся в Таёжку. Хлеща темноту полотнами снега направо и налево, ворвался в предутреннюю тишину, громыхнул ставнями, прогудел в трубах, сорвал со стожка сена в огороде у Миши Лаврентьева брезентовый полог и через Выселки ушёл в урман.

У Валеры за год до этого родственник умер от рака желудка, страшно мучился, дня не мог прожить без наркотиков. Матушке Параскеве Господь Бог устроил так, что невыносимых болей не было, она до последнего понемногу ела. Ослабла до крайней степени, но боли не донимали.

Ближе Валеры у матушки никого в Таёжке не было. Призналась ему, что враг накинулся на неё с двойной энергией после приговора врачей. Назначил дату смерти, мол, тебе один месяц осталось жить – на Рождество Христово умрёшь. Валера стал горячо убеждать: нельзя врагу верить, ни в коем случае нельзя впускать его слова в голову.

В Рождество матушка сказала, улыбаясь:

– Валера, жива я вопреки прогнозам. Так и до Крещения Господня доживу.

Вся организация праздника Крещения свалилась тогда на Валеру. Обустройство Иордани, организация охраны порядка – пьяные обязательно притащатся с желанием бухнуться в прорубь. Установка палаток для раздевалок. Масса дел... Максима Легкова вызвали в головную фирму, Жора Майсурашвили болел, только Миша Лаврентьев помогал.

В тот год последний раз ночью шли крестным ходом к Иордани. Мороз под сорок, это не остановило паломников, не менее трёхсот машин приехало... Полная церковь была. Батюшка Евгений служил всенощную. После неё крестным ходом с хоругвями, пением отправились к Иордани...

Ночь кромешная, прожектор вырывает из темноты купель... В ней не вода – огонь... Ты ещё не погрузился, а уже всей кожей чувствуешь, как опалит тебя студёным жаром. Вылетаешь из Иордани с одним желанием – скорее-скорее сорвать с себя ледяным холодом прилипающую к телу рубаху... Валера никому не разрешал в трусах погружаться. Сра-

зу предупредил, ни: одного в нижнем белье не пустит в святую воду, только в рубахах.

Стоит очередь перед купелью в длинных белых рубахах с крестами на спине. Вот ещё один счастливец, совершив погружение, выскочил из проруби в объятия крещенского мороза. Вода на ресницах, бровях моментально замерзает. Бежит такой Дед Мороз к палатке по высланной соломой дорожке.

До трёх часов колготился православный люд у Иордани. Валера вымотался, но всё получилось. Последним ушёл с реки, поднялся на берег, смотрит – в обители свет. На всю ночь в храм Покрова матушка не в силах была пойти, молилась в храме обители. Валера набрал для неё два пятилитровых пластиковых баллона крещенской воды, нёс в каждой руке по одному. Поначалу не хотел ночью матушку беспокоить, увидел свет и зашёл. Матушка ждала в храме обители.

– Слава Богу за всё! – воскликнула, выслушав Валеру. – С Божьей помощью получился у нас праздник!

«Она была моим другом и помощником, – повторял Валера. – На неё всегда мог положиться. Не предаст, никакой подлости не сделает. И всегда поможет. Таких людей больше не встречал ни среди духовенства, ни среди мирян, мама да она. Симеон Дивногорец, живший в VI веке, говорил, что в последние времена из восьмидесяти-ста монахов спасётся один, а из мирян – один из десяти тысяч. Господь в лице матушки показал мне истинного монаха. Дал наглядный при-

мер, каким должен быть православный человек. Перед смертью практически не могла передвигаться, а мимо кельи проходишь, она поклоны бьёт, молится. Любила церковь, любила монастырь, все силы отдавала людям и Богу».

Умерла матушка в феврале. Всё получилось по её упованию: выросла в тайге, и местом упокоения Господь дал таёжное кладбище. Валера руководил организацией похорон. Крест сделали на пилораме у Миши Лаврентьева из лиственничного (десять на десять сантиметров в сечении) бруса. Высокий, голубец украшен резьбой. В книге об оптинских мучениках Валера подсмотрел дизайн резьбы голубца и попросил Мишу сделать по подобию. Собственноручно покрыл крест специальным составом, чтобы простоял долго-долго. На кладбище самый приметный.

Место для могилы ездили выбирать с главой администрации. Морозы к тому времени отпустили, двадцать градусов казались совсем несерьёзными. Кладбище утопало в снегу. Белые шапки венчали кресты и памятники. Ограды могил едва виднелись из-под снега. Бывший житель Таёжки обещал построить часовню на кладбище. Валера видел могилу матушки Параскевы рядом с будущей часовней: могила первой монахини обители, в нескольких шагах от неё часовенка.

Глава администрации указал место неподалёку от входа на кладбище:

– По-моему – самое лучшее.

Валера засомневался:

– Здесь же холмик, наверное, могила заброшенная.

– Могилы быть не может, – возразил глава, – эта земля находилась за кладбищем, за старым забором, который ставили в начале шестидесятых, мы расшили кладбище, здесь ещё не хоронили.

Не совсем оказался прав глава, весной метрах в пяти от могилы матушки обнаружил Валера заброшенную могилу. Навёл сведения и узнал, что принадлежит она самоубийце. Получается, закон о захоронении самоубийц за оградой кладбища соблюдался в Таёжке даже в советское время.

Желая удостовериться в правоте слов главы, Валера разгрёб снег и обнаружил старый муравейник. Он был причиной холмика. Могилу Валера копал сам. Договорился с копщиками, да у одного прострелило поясницу, второй куда-то пропал. Пришлось самому подключаться.

«Господь сподобил могилу матушке копать, – говорит Валера. – Я-то думал, будет тяжело промёрзшую землю долбить. Нет. Муравейник сыграл свою роль, земля под ним оказалась мягкой. Матушка беспокоилась перед смертью: “Как вы в морозы будете могилу копать, хоронить меня, многогрешную?” Зря тревожилась».

День похорон выдался тёплым, мягким. Владыка приехал. Отпевали матушку по монашескому чину.

Глава двадцать вторая

Непослушание

Матушка Параскева умерла, владыка через несколько месяцев прислал в обитель инокиню Людмилу. Кроме перечисленных выше послушаний, владыка возложил на Валеру ещё одно: следить за исполнением монастырского устава. Ежедневно в монастыре по благословению владыки совершался Богородичный крестный ход с иконой Казанской Божьей Матери. Ходили двумя маршрутами в зависимости от погоды. Если благоприятствовала – из храма направлялись к Поклонному (Андрюшиному) кресту, обходили его, затем двигались к храму Покрова Пресвятой Богородицы, шли вокруг него и возвращались в обитель. По дороге непрестанно пели «Богородица Дево, радуйся».

В храме обители до крестного хода и после читались Богородичные молитвы перед иконой Казанской Божьей Матери.

В случае непогоды (дождь, сильный мороз) или в силу других причин (кому-то нездоровилось) маршрут сокращали, и тогда он по времени занимал всего пять минут. Обходили Поклонный крест и возвращались в обитель.

Но каждый вечер в пять часов шли крестным ходом. Иной раз крестоходцев набиралось всего двое (Валера да иноки-

ня), в выходные и праздники, особенно летом, могло быть десять и более. В основном приезжие. И тогда шли с хоругвями.

В тот раз день был субботний, инокиня отказалась идти. Сослалась, что баню топят, стирается, времени нет, мол, без меня. Валере как человеку ответственному это не понравилось. Да и что такое полчаса, стирка потерпит с баней вместе. Инокине, как никому другому, следует молиться о становлении обители. Пытался Валера сказать об этом, однако инокиня упорствовала, один раз ничего не решит.

Проходит неделя, инокиня снова в субботу перед крестным ходом занялась баней и стиркой. Прямо как в рассказе Василия Шукшина «Алёша Бесконвойный», в котором герой неукоснительно устраивал себе в субботу банный день. Хоть камни с неба падай, он занимался только баней. Никакой другой работой – будь хоть колхозная, хоть домашняя – загружать было бесполезно.

Читала инокиня Людмила замечательный рассказ Василия Шукшина или нет – неизвестно, однако один к одному списала линию субботнего поведения с Алёши Бесконвойного. В субботу её не трогать – баня. Единственное отличие: герой Шукшина стиркой не занимался, топил баню и парился.

Валера подумывал, не посоветоваться ли с владыкой. Ладно бы один-два раза проявлено непослушание, женщина есть женщина, взбрёт что-то в голову, лучше переждать. Но и

три раза подряд суббота банная у инокини. Валера нёс ещё и такое послушание от владыки: следить за исполнением монастырского устава – время от времени должен был звонить митрополиту, докладывать, как обстоят дела в обители. Владыка высказывал недовольство, если что-то от него утаивали, вовремя не сообщали. «Сорняки запустите, – говорил, – разрастутся, потом будет трудно выпалывать, а то и вообще невозможно». Валера колебался: говорить владыке о непослушании или подождать. В конце концов понадеялся, сама инокиня вразумится и преодолеет искушение. За что получил потом нагоняй от владыки.

После третьего «субботнего» отказа инокини от крестного хода баня сгорела. Ночью вспыхнула... В монастырь накануне приехали две послушницы, перепугались бедняги. Боялись, как бы огонь не перекинулся на обитель. Слава Богу, ветер был в другую сторону.

Тушить пожар было некому и нечем – баня преспокойненько сгорела дотла.

Самое интересное, случился пожар ни раньше, ни позже – с двадцать первого декабря на двадцать второе. Двадцать второго – Зачатие святой праведной Анной Пресвятой Богородицы. В православном календаре праздник начинается с вечера, с всенощной. Получается – Богородичный крестный ход, Богородичный праздник и пренебрежение к Божьей Матери.

«Конечно, тяжело было инокине без священника, – сочув-

ствовал Валера. – Пусть звонила время от времени бабушке Евгению, открывала помыслы по телефону. Да всё равно этого недостаточно. Нам, мирским, без священника, без причастия крайне сложно, тем более монаху, который у бесов на постоянном прицеле».

Баня сгорела, инокине Людмиле некуда было деться, начала снова по субботам ходить крестным ходом.

Глава двадцать третья

Отъезд

Уезжал Валера с Выселок в конце шестого лета, прожитого на таёжной земле. Возник ряд обстоятельств, которые звали в город. Решение принял перед Троицей, спросил батюшку, тот благословил на отъезд.

«Без благословения не уехал бы, – объяснял Валера, – батюшка сказал, пора, цель выполнена – место обустроено. Не благословил круглый год жить одному, разрешил наездами, так, как делали другие его духовные чада, имеющие дома в Выселках».

И ещё добавил, что сам хотел позвать Валеру, нужен ему рядом.

«Немного мне осталось, – признался Валере батюшка, – пора давать предсмертные распоряжения. Передам тебе мой архив, записи».

Не так-то просто было покидать Таёжку. Прикипел к ней. Накануне раздал кур. Козу Лизку отвёл Гере-чеченцу. Ему же отдал Жульку. Кстати, увиделись они только на следующее лето, Жулька при этом страшно обрадовался, описался от радости, а когда Валера позвал в свой двор, мгновенно разыскал все свои косточки-зачапки. Карта тайников целый

год неповреждённо хранилась в собачьей голове.

Уезжая из Таёжки, Валера ничего, кроме одежды, не взял. Иконы, книги – всё оставалось на своих местах. В любой момент приезжай – ты дома. Так и получится в дальнейшем – один-два раза в год навещался. Хотя бы на неделю-другую, а то и по месяцу жил. В мыслях часто возвращался в Таёжку, где ближе всего находился к Богу. Здесь начал петь на клиросе, освоил церковную службу. И, за редким исключением, каждый день проживал вместе с Церковью. Пел тропари праздников этого дня, тропари чествуемых святых, что давало вдохновляющее чувство духовной связи с отцами Церкви. В Таёжке придёт понимание, что значит пропускать на клиросе каждое слово службы через себя, впитывать его. Этого будет не хватать в городской жизни.

Батюшки приезжали в Таёжку в эти пять с небольшим лет редко, чаще служить приходилось мирским чином – обедницы, всенощные бдения, праздничные службы, основные великопостные (те же «Двенадцать Евангелий» в Великий Четверг). Владыка даже благословил его на Пасху освящать пасхи и куличи. Душа была постоянно в тонусе церковной жизни. Сам составлял каждую службу, готовил и читал слово на праздник.

Вспоминая Таёжку, с грустью признавался: «Первые христиане каждый день служили Божественную литургию, каждый день причащались. В этом был смысл жизни. Наверное, в Таёжке не почувствовал сотой доли их духовного состоя-

ния, но, как никогда, приблизился к нему. Этого сейчас не достаёт. Скучает душа. До сожаления: не так живу, не тем».

Двор опустел без курей, козы, затих в предчувствии скорого сиротства. Пусто было в огороде, картошка выкопана, засыпана в подполье, Валера надеялся приехать через месяц с Аркадием, часть урожая вывезти. Аркадий одно время тоже засобирался в Таёжку на постоянное жительство, да так и не решился. Два первых лета жил по три месяца. Как и Валера, весь огород засадил картошкой. Вместе поднимали целину (прежние хозяева давно забросили большую часть огорода), вместе доводили землю до кондиции, можно сказать, всю пропустили через свои руки.

Пололи картошку с привлечением бороны. Борона конная, да коня взять было неоткуда, впрягались сами. Схема обработки несложная – сначала проходишь по периметру участка, дальше двигаешься по спирали к центру. С бороной значительно продуктивнее, чем от зари до зари махать тяпкой. Окучивание механизации не поддавалось. Городские жители, Валера и Аркадий, технологию посадки в первый год выбрали не самую удачную для таких площадей. Посадили редко, каждый куст приходилось окучивать по кругу. Было бы сотки две, тогда плёвое дело... Здесь – тридцать. Валера отработал методику окучивания с Иисусовой молитвой. Она прочитывалась на четыре удара тяпки. Как раз огрести куст со всех сторон. На второй год посоветовали при посадке делать лунки чаще и не плясать, окучивая, вокруг каждого

куста, а нагрести землю на картофельный ряд – производительность резко повышалась. Не зря в Сибири глагол «окучивать» имеет синоним – «огрести».

Многому научился Валера в Выселках. Читал специальную литературу, обобщал опыт местных жителей. За что снискал у них уважение, случалось, обращались за советом. Те, с кем сдружился в Таёжке, искренне сожалели, узнав об отъезде.

– Возвращайся обязательно, – напутствовал Миша Лаврентьев. – Лучше Таёжки всё равно ничего не найдёшь.

– Вернусь. Ни одной книги не беру с собой, ни одной святыни.

– Красиво говорить не умею, – добавил Миша, – только знай: Таёжке ты тоже нужен.

В последний свой вечер Валера долго стоял на юру. Прощался. Любил он это место, любил стоять под куполом неба, и сердце не могло не запеть: «Благослови душе моя Господа». Сколько прекрасных минут пережито здесь. Однажды возвращался с озера, сети проверял, поднялся на косогор и замер. В одной части неба бушевала гроза. Штормовая, неистовая, под которую лучше не попадать. Стеной падал ливень, тучу – толстую, тяжёлую, с провисшим над тайгой брюхом – рвали неистовые молнии. Изломанные стрелы прошивали кипящий серо-чёрный свинец, полосовали вдоль и поперёк стремительным огнём. Всё грохотало, рвалось и трещало. Но, как в кино с выключенным звуком, грома не было

слышно. И экран поделен на части, в одной бушевала, клоко-тала, изливалась потоками воды буря, в другой, стоило лишь повернуть голову, небо являло тишину и покой с ликующим солнцем на умиротворяющей лазури.

Палитра красок и состояний – иссиня-чёрная грозовая туча и золото солнца, грозное сверкание молний и безмятежная синь неба, серая стена дождя и зелёное поле тайги. Многообразие Божьего мира – огромного, непостижимого – сладко отзывалось в сердце.

А какие радуги вставали над Выселками! Много о чём передумал Валера за пять лет, прожитых в Таёжке, многое прошло через его сердце. Однажды навалилась среди бессонной ночи печаль. Такая, что молитвы не помогали, казалось – тупик, который не преодолеть без батюшки Антония, надо бросать всё, ехать к нему за помощью. Но вышел утром на бугор, и чудо – из реки, из озера растут в умытом дождём воздушном храме радуги. Празднично многоцветная дуга с поверхности воды, плавно изгибаясь, поднимается в небо, а достигнув высшей точки, сходит к земле. Одна, вторая, третья, четвёртая повисли на фоне неба и тайги.

Печаль умалилась, отошла. Посветлело на душе. Утешил Господь.

Или подвижный туман, что повисал под вечер над рекой, бугром. Если оказаться внутри его, молоком окутает – собственного носа не видишь. Лучше, конечно, остановиться, подождать, пока рассеется, Валера однажды в яму угодил,

потеряв направление. Столбом стоять тоже не дело. «Бредёшь в молоке на свой страх и риск, – с удовольствием вспоминал Валера, – и вдруг, будто вынырнешь, солнце ударит в глаза, откроется чистое небо, высокая стена тумана останется позади, здесь он всего-то на уровне груди. Плывёшь, разгребая руками подвижное воздушное молоко... Но снова наплывают плотные белесые клубы, окутывают со всех сторон, с головой погружают в свою глубину. Нет солнца, нет неба, ты в коконе».

А какая картина открывалась зимой. Бывало, сна после вечерней молитвы ни в одном глазу, Валера набрасывал полушубок, надевал валенки, выходил за ворота. В полнолуние наступали недолгие минуты, когда мягкий свет падал под таким углом, что всё превращалось в сказку. Покрытые снегом холмы, распадки, луга, деревья в игре светотеней волшебным образом преображались. Казалось, ничего подобного быть не может. Что-то нереальное, фантастичное. Тебя словно посвящают в великую тайну – мир глубже, богаче, он таит в себе такие красоты, о коих и не подозреваешь. Это длилось несколько коротких минут. Стоило ночному светилу подняться выше, сказка уходила... словно невидимые лучи, изнутри волшебным образом подсвечивающие картину, гасли... Она по-прежнему удивляла красотой, но не более того.

Батюшка Антоний в каждый приезд восхищался: «В каком месте ты живёшь!» Летом любил постоять, посидеть на юру. «Душа размягчается», – говорил. Однажды, вот так же

вышли на бугор, батюшка начал рассказывать о детстве, войне.

Церковь в их деревне закрыли в начале двадцатых годов. Батюшку успели окрестить в ней, а младших сестёр и братьев родители возили за двадцать пять километров. Отец с матерью были глубоко верующими. С закрытием храма на церковные праздники сельчане стали собираться в их доме. Читали Священное Писание, Псалтирь, Четыи минеи. За что хозяева дома попали в разряд неблагонадёжных в отношении к новой власти. Вроде не к чему было придраться, контрреволюционную деятельность не вели, призывы к свержению советской власти не звучали в доме. Не было видимых причин для суровых претензий. А очень хотелось пройтись калёным железом по инакомыслящим, подравнять их под общую массу, чтобы не высовывались со своим Богом. Руки недовольных развязала открытая в тридцатом году «борьба с классовым врагом» – кулаком. Родителей батюшки скоренько внесли в список подлежащих раскулачиванию. Самым ценным в многодетной семье была корова. Её-то и определили экспроприировать у «мироедов». Явились комбедовцы привести в исполнение приговор бурёнке, застучали громко в ворота: открывайте! Однако хозяйка рогатой кормилицы не согласилась с постановкой вопроса, скоренько ввела её в дом, поставила под образа. А сама схватила массивную кованую кочергу, в добрый метр длиной, в палец толщиной, которой разгребала угли в русской печке, и предупредила нехорошим

голосом, что проломит голову, кто сделает хоть один шаг от порога.

Не на жизнь, а на смерть встала на защиту скотинки. И отстояла. Ушли комбедовцы, не солоно нахлебавшись, ворча: дурная баба, религией порченная, себе дороже с такой связываться. Закрыли план «экспроприации у экспроприаторов» без этой коровы.

Великую Отечественную войну батюшка прошёл с молитвой «Живый в помощи Вышняго». Всегда носил при себе листок с нею, запаянный в гильзу. При обстрелах, бомбёжках обязательно повторял псалом. Четыре года на передовой, и всего два лёгких ранения.

«О Боге помнил постоянно, – говорил он Валере. – И понял, заповедь не “убий” на войне тоже нельзя забывать».

Во время наступления в Белоруссии летом 1944 года командир отправил его в штаб. Сухой солнечный день, пахнущий лесом, нагретой листвой. На обратном пути вышел на опушку березняка и замер. Перед ним лежала поляна, поросшая высокой травой, а на поляне, метрах в пятидесяти от него, немец-солдат, широко расставив ноги, косил. Лет сорока, худощавый, высокий, без головного убора. Поразил не столько немец, сколько сосредоточенная, крестьянская работа. Взмах, коса пошла по траве, срезая стебли, взмах – ещё рядок упал под острым лезвием. Удивительно было то, что за полосой леса, по дороге спешно отступали немцы. На узловой станции, километрах в пяти, шёл бой. Там рвались сна-

ряды, стучали пулемёты. А этот немец, словно ничего этого не слышал, делал размеренные движения литовкой. Поодаль стояла лошадь, запряжённая в телегу, для неё и косил. Почему-то именно сейчас, практически уже в тылу врага, решил заняться этим, вместо того, чтобы спешно бежать со своими? Словно бы немец перестал вмещать в себя войну и начал заниматься тем, ради чего и пришёл в мир – обихаживать землю, кормить себя, кормить скотину. Бой на станции, выстрелы пушек, отход своих – это отодвинулось куда-то далеко-далеко.

«Косил он хорошо, – рассказывал батюшка, – умело».

Автомат немца лежал в телеге. Батюшка подбежал к ней, подхватил автомат и крикнул, немец с готовностью поднял руки. Батюшка приказал взять лошадь под уздцы и повёл пленного в свою часть.

Застрелил немца-косаря командир их отделения Гавриков. Выхватил пистолет и выстрелил в грудь.

– Зачем безоружного? Зачем? – возмутился батюшка. – Он сразу сдался.

– Какая разница, фашист он и есть фашист. Посмотрел бы я, как он нас пожалел, доведись оказаться на его месте! Нечего с ними валандаться. Всё!

«Под вечер бросили роту на станцию, – рассказывал батюшка. – При переходе нас обстреляла немецкая дальнобойная артиллерия. Никого не задело, Гаврикову правую руку оторвало, осколок выше локтя резанул. Кость торчит. Креп-

кий был мужик... Я ему руку у плеча перетягиваю, кровь остановить, а у него слеза на глазах: “Как я без руки, я ведь слесарь, в депо работал?” Что ему скажешь? Говорил что-то успокаивающие. Получается, и на войне грехи, вопиющие к Богу об отмщении, остаются грехами, и возмездие может наступить тут же».

Однажды Валера с батюшкой трапезничали в доме, под окнами прошёл сосед Алёшка с матерками. На что батюшка произнёс: «На войне заметил одну особенность. Много погибало, у кого не сходили с языка сквернословия. В первую очередь выцеливали их вражеские пули. Появится такой отъявленный матерщинник в части, глядь – в одном из боёв или ранен, или убит...».

Глава двадцать четвёртая

Где вы, братья и сёстры во Христе?

Каждое лето Валера ездит в Таёжку, там всегда желанный гость. Обязательно зазывает к себе Миша Лаврентьев. Зная, что Валера мясо не ест, ловит рыбу, и жена делает для дорогого гостя отменный рыбник. Максим Легков время от времени звонит, а если бывает по делам в губернском городе, старается зайти к Валере, хотя бы на час-другой. По приезде последнего в Таёжку вместе служат в церкви мирским чином. Со священниками Таёжке так и не везёт. Забегает Валера и к Жоре Майсурашвили. У того уже трое детей. К великой гордости Жоры – двое сыновей.

Ну а что творится с Жулькой, когда после долгой разлуки видит Валеру, – не передать словами. Всякий раз писается от великой радости, а затем скачками летит в свой двор. И первым делом проверяет схроны с костями, кои заложил в последний приезд хозяина.

И хотя нет огорода и живности (кроме Жульки), дела Валере всегда найдутся. Однажды приехал, а изгородь в огороде как после бомбёжки. Что за напасть? Оказалась о четырёх косолапых лапах. Медведь пугнул лошадей, те, спасаясь от хозяина тайги, ломанулись через Валерин огород, круша всё

на своём пути.

Кроме домашних забот, всегда есть работа для мужских рук в церкви, обители.

Последний раз мы виделись с Валерой на Рождество Пресвятой Богородицы в кафедральном соборе. Валера до службы и после собирал подписи под обращением о запрещении абортот, это делали православные по стране с благословения патриарха Кирилла.

После службы я подождал, пока Валера закончит сбор подписей, мы вместе пошли от церкви. По дороге Валера поведал о последней поездке в Таёжку. Он два дня как вернулся оттуда.

– Удалось пошишковать, – с восторгом рассказывал. – С Мишей Лаврентьевым выскочили на четыре дня и по три мешка чистых орехов набрали. Километрах в пятнадцати от Таёжки есть тупик, дальше никаких дорог, сплошной урман на сотни вёрст. Там у Лаврентьева охотничья избушка, а рядом отличный кедрач. Красавцы один к одному, высотой метров по тридцать. Шишка нынче как никогда. Подножие каждого кедра усыпано паданкой. Накануне прошёл хороший ветер, напало – только собирай.

«Паданка» – упавшая шишка – прозвучала для меня музыкой, вспомнилось детство, чулымская тайга.

– Поработать, конечно, пришлось, – продолжал Валера. – Днём собирали шишку, таскали к избушке, вечером мололи, затем на ситах сеяли, отделяя орех от шелухи. Погода стояла

на загляденье.

Ещё Валера рассказал, что у Геры-чеченца родился сын, Максим Легков ведёт воскресную школу. В прошлом году в Таёжку прислали нового директора в общеобразовательную школу. Женщину. Церкви не чурается, разрешила Максиму вести занятия прямо в классе. К зиме владыка обещает прислать в Таёжку батюшку.

– Я сам ходил к митрополиту, – доложил Валера, – сказал, что пошлёт иеромонаха, чтобы и на приходе служил, и обитель окормлял. Сейчас в ней монахиня, матушка Надежда, две инокини и послушница.

Жулька, как водится, описался при встрече, и весь месяц не отходил от хозяина. Даже напросился за шишкой.

– Спас меня, – с удовольствием вспоминает Валера. – Вечером Миша взялся молотить шишку, я решил, пока то да сё, сбегать пособирать паданку. Вроде совсем недалеко углубился. Набил мешок, понёс и уклонился от нашего табора. Жулька сердито лает на меня, под ногами путается. Я не могу понять, чем он возмущён. Оказалось – моей бестолковостью. Мне бы послушаться пса, я танком пру. Потом вижу, пора на табор выйти, им и не пахнет. Небо тучками заволкло, солнца не видать. Был на сто процентов уверен – направление правильное, на самом деле в урман несло. Начал кричать Мишу – тишина. Жулька сердито лает – не мудри, послушайся меня. Ладно, – говорю, – веди. Ух, он обрадовался, побежал впереди. Минут через пятнадцать показалась

избушка между деревьями. «Упорол бы к Гнилому болоту, – смеялся Миша. – Нехорошее место. Можно так врюхаться».

Жулька в тот вечер получил от хозяина дополнительную порцию тушёнки.

– Не хотел уезжать из Таёжки. – признался Валера. – Хорошо молилось, хорошо думалось. С другой стороны, здесь столько дел. Батюшка Антоний не один раз повторял: замалчивающий истину – предаёт Бога. Перед смертью наставлял вести просветительскую работу, хранить чистоту веры.

День, как и весь сентябрь, выдался золотоосенним – сухой, тёплый. В небе висело облако, похожее на отколовшийся от белой виниловой пластинки кусок – плоское, тонкое, испещрённое «звуковыми дорожками». Солнце припекало по-летнему. Навстречу нам прошла весёлая группа студенческого возраста, парни в футболках, девушки – в лёгких кофточках с коротким рукавом. Как это нередко бывает в межсезонье, на той же улице, под тем же солнышком встречались горожане сибирского края (сибиряк не тот, кто боится замёрзнуть, а тот, кто тепло одевается) – в основательных куртках, плащах. На тротуаре справа и слева вдоль бордюров лежали золотистые ленты палой листвы. Метла дворника или взяла отгул, или где-то задержалась, но это был тот единственный случай, когда хотелось, чтобы сор не убирали подольше.

С непогодой палая листва поблекнет, а пока выглядела праздничным украшением.

– Неужели?! – выбросил Валера руку, показывая в створ улицы. – Когда?

За крышами двухэтажных домов горели новым золотом три луковки церкви.

– Ты что не знал? Два дня назад кресты поставили, – объяснил Валере. – К престольному празднику торопились.

– С Таёжкой пропустил всё на свете! Когда уезжал, каменщики на стенах собора кладку вели. Казалось, работы не на один месяц.

Мы перекрестились на кресты восстановленного храма Рождества Пресвятой Богородицы.

– У меня бабушку по отцу в этой церкви крестили, – сказал Валера. – Говорят, иконостас был красоты редкой.

На перекрёстке мы распрощались.

– В епархию надо заскочить, – сказал Валера, пожимая мне руку, – туго идёт сбор подписей под обращением о запрете абортотв. Не все батюшки относятся с пониманием. Патриарх благословил, да сам он далеко, а надо на приходах вести разъяснительную работу. Много значит, если батюшка в проповеди скажет о сути проблемы. Страна, которая убивает в день тринадцать тысяч младенцев, едва не пять миллионов в год, обречена. Бог скажет, значит, русским земля не нужна, страна своя не нужна, если каждая русская женщина делает по пять-шесть абортотв за свою жизнь. Надо собрать миллион подписей по России за запрет абортотв, пока четыреста тысяч всего. Так и хочется крикнуть: ау, братья и

сёстры во Христе, где вы есть?

Мы распрощались, я пошёл своей дорогой и тоже захотел крикнуть: ау, православные братья и сёстры, куда вы спрятались? Михаил Ломоносов видел могущество и богатство государства Российского в увеличении русского народа, а мы...

В оформлении обложки использован рисунок художника Владимира Чупилко